

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ 2022 № 4

*П*РОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ

2022

ТОМ 20

№ 4

THE PROBLEMS OF HISTORICAL POETICS 2022 No. 4

*T*HE PROBLEMS
OF HISTORICAL POETICS

2022

Vol. 20

No. 4

ISSN 1026-9479
e-ISSN 2411-4642

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ

2022

Том 20

№ 4

Главный редактор:
д-р филол. наук, проф. В. Н. Захаров

Издается с 1990 года,
выходит 4 раза в год.

ISSN 1026-9479
e-ISSN 2411-4642

The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
The Federal State-Financed Higher Educational Institution
PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

**THE PROBLEMS OF HISTORICAL
POETICS
[PROBLEMY ISTORICHESKOI POETIKI]**

2022

Vol. 20

no. 4

Chief Editor:

Vladimir N. Zakharov, PhD (Philology), Professor

Established in 1990.

The journal is published quarterly.

185910, Russian Federation
Petrozavodsk, Petrozavodsk State University
Tel. +7 (8142) 719 603
E-mail: poetica@post.com
Web-site: <http://poetica.pro>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Н. ЗАХАРОВ (гл. ред.), д. филол. н., проф.
(Петрозаводск, Москва, Россия)

В. В. БОРИСОВА
д. филол. н., проф. (Уфа, Москва, Россия)

В. И. ГАБДУЛЛИНА
д. филол. н., проф. (Барнаул, Россия)

Бенами БАРРОС ГАРСИА
PhD (Гранада, Испания)

А. Г. ГАЧЕВА д. филол. н. (Москва, Россия)

Джузеппе ГИНИ
PhD, проф. (Урбино, Италия)

И. А. ЕСАУЛОВ
д. филол. н., проф. (Москва, Россия)

О. В. ЗЫРЯНОВ
д. филол. н., проф. (Екатеринбург, Россия)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
д. филол. н., проф. (Петрозаводск, Россия)

А. В. ПИГИН
д. филол. н., проф. (Петрозаводск,
Санкт-Петербург, Россия)

Н. А. ТАРАСОВА
д. филол. н. (Санкт-Петербург, Россия)

Е. А. ТАХО-ГОДИ
д. филол. н., проф. (Москва, Россия)

Галин ТИХАНОВ
PhD, проф.
(Лондон, Великобритания)

Йосип УЖАРЕВИЧ
д. филол. н., проф. (Загреб, Хорватия)

А. Н. УЖАНКОВ
д. филол. н., проф. (Химки, Москва, Россия)

С. Л. ФОКИН
д. филол. н., проф. (Санкт-Петербург,
Россия)

Кейт ХОЛЛЭНД
PhD (Торонто, Канада)

ЧЖОУ Ци-чао
д. филол. н., проф. (Пекин, Китай)

EDITORIAL BOARD:

Vladimir ZAKHAROV (Chief Editor), PhD,
Professor (Petrozavodsk, Moscow, Russia)

Valentina BORISOVA
PhD, Professor (Ufa, Moscow, Russia)

Valentina GABDULLINA
PhD, Professor (Barnaul, Russia)

Benami BARROS GARCÍA
PhD (Granada, Spain)

Anastasia GACHEVA PhD (Moscow, Russia)

Giuseppe GHINI
PhD, Professor (Urbino, Italy)

Ivan ESAULOV
PhD, Professor (Moscow, Russia)

Oleg ZYRYANOV
PhD, Professor (Yekaterinburg, Russia)

Andrey KUNILSKY
PhD, Professor (Petrozavodsk, Russia)

Alexander PIGIN
PhD, Professor (Petrozavodsk, St. Petersburg,
Russia)

Natalia TARASOVA
PhD (St. Petersburg, Russia)

Elena TAKHO-GODI
PhD, Professor (Moscow, Russia)

Galina TIHANOV
PhD, Professor (London, UK)

Josip UŽAREVIĆ
PhD, Professor (Zagreb, Croatia)

Alexander UZHANKOV
PhD, Professor (Khimki, Moscow, Russia)

Sergey FOKIN
PhD, Professor (St. Petersburg, Russia)

Kate HOLLAND
PhD (Toronto, Canada)

ZHOU Qichao
PhD, Professor (Beijing, China)

Журнал включен в российские и международные базы данных и системы цитирования:

The Journal is included in the russian and in the international databases of scientific citing:

Scopus; Web of Science (Emerging Sources Citation Index, Russian Science Citation Index); **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования); **ERIH PLUS** (European Reference Index for the Humanities and Social Sciences, Берген, Норвегия); **DOAJ** (Directory of Open Access Journals, Швеция); **Ulrich's Periodical Directory** (США); **EBSCOhost** (США, Алабама, Бирмингем); **East View** (США, Российская Федерация, Украина); **Google Scholar; WorldCat** (США); **Research Bible** (Токио, Япония); **BASE** (Bielefeld Academic Search Engine, Германия); **JURN** (Великобритания); **SLAVUS** (Slavic Humanities Index, Торонто, Канада); **EZB** (Electronic Journals Library, Регенсбург, Мюнхен, Германия); **Open Academic Journals Index** (International Network Center for Fundamental and Applied Research, Российская Федерация); **Российский импакт-фактор** (Москва, Российская Федерация); научная информационная система **Соционет** (РАН, Российская Федерация); **C.E.E.O.L** (Central and Eastern European Online Library, Франкфурт, Германия); **ANVUR** (Agenzia Nazionale di Valutazione del Sistema Universitario e della Ricerca, Италия); Wykaz czasopism naukowych dla dyscypliny Literaturoznawstwo (Польша).

Журнал и его архив размещаются на сайтах и в научных электронных библиотеках:

The full-text versions of the issues are freely available on the websites and in the Scientific Electronic Libraries:

<http://poetica.pro>

<http://elibrary.ru>

<http://cyberleninka.ru>

<http://www.intelros.ru>

<http://biblioclub.ru>

<http://www.iprbookshop.ru>

<https://e.lanbook.com>

<http://www.bogoslov.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

- Н. В. Пак** (*Санкт-Петербург*). Проблема агиографического канона в Житии Александра Ошевенского 7
- А. В. Пигин** (*Санкт-Петербург*). Русские рукописные произведения о «неизменяемости судеб Божиих» (сюжет «Марко Богатый») 42
- В. Р. Созина** (*Петрозаводск*). Парафразы сказок А. С. Пушкина в фольклорной традиции Карельского Поморья 70
- Е. Н. Корнилова** (*Москва*).
Готический злодей и байронический герой 90
- И. М. Суворова, А. А. Скоропадская** (*Петрозаводск*).
Античные реминисценции в русской поэзии начала XIX в.
(по материалам альманаха «Свиток муз») 112
- Т. П. Баталова** (*Санкт-Петербург*). Проблема жанрового завершения в романе Ф. М. Достоевского «Белые ночи» 129
- В. В. Борисова** (*Москва, Уфа*). Биграмы в терминологическом тезаурусе евангельского текста Ф. М. Достоевского 142
- Т. А. Исаченко** (*Москва*). Памятный литературный альманах как жанр (1880-е гг.) 161
- Д. Н. Жаткин, В. В. Сердечная** (*Пенза, Краснодар*).
«Близнецы» В. Шершеневича как творческая интерпретация комедии Шекспира «Двенадцатая ночь» 183
- В. А. Мескин** (*Москва*). Танатологический дискурс в творчестве Ивана Бунина 205
- М. В. Заваркина** (*Петрозаводск*).
Фантастика, миф и эсхатология в повести А. Платонова «Эфирный тракт» 224
- А. В. Харитонова** (*Калининград*).
Рецепция агиографической традиции в рассказе А. Варламова «Звездочка» 252

CONTENTS

N. V. Pak (<i>St. Petersburg</i>). The Problem of the Hagiographic Canon in the Life of Alexander Oshevsky.	7
A. V. Pigin (<i>St. Petersburg</i>). Russian Handwritten Works on the “Immutability of the Destinies of God” (the Plot of “Marco the Rich”)	42
V. R. Sozina (<i>Petrozavodsk</i>). Paraphrases of Fairy Tales by A. S. Pushkin in the Folk Tradition of Karelian Pomerania	70
E. N. Kornilova (<i>Moscow</i>). Gothic Villain and Byronic Hero.	90
I. M. Suvorova, A. A. Skoropadskaya (<i>Petrozavodsk</i>). Antique Reminiscences in Russian Poetry of the Early 19th Century (Based on the Materials of the “Muses Scroll” Almanac).	112
T. P. Batalova (<i>St. Petersburg</i>). The Problem of Genre Completion in Dostoevsky’s Novel “White Nights”	129
V. V. Borisova (<i>Moscow, Ufa</i>). Bigrams in the Terminological Thesaurus of the Gospel Text by F. M. Dostoevsky	142
T. A. Isachenko (<i>Moscow</i>). Memorable Literary Almanacs as a Genre of the 80s of the 19th Century.	161
D. N. Zhatkin, V. V. Serdechnaia (<i>Penza, Krasnodar</i>). “Bliznetsy” (“Twins”) by V. Shershenevich as a Creative Variation of Shakespeare’s “Twelfth Night”	183
V. A. Meskin (<i>Moscow</i>). Thanatological Discourse in Ivan Bunin’s Works	205
M. V. Zavarkina (<i>Petrozavodsk</i>). Fantastika, Myth and Eschatology in A. Platonov’s Short Novel (Povest’) “The Ethereal Tract”	224
A. V. Kharitonova (<i>Kaliningrad</i>). Reception of the Hagiographic Tradition in A. Varlamov’s Story “The Little Star”	252

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11622

EDN: WNEEDT

Проблема агиографического канона в Житии Александра Ошевенского

Н. В. Пак

*Государственный университет морского и речного флота
имени адмирала С. О. Макарова
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

e-mail: nataliya.pak@gmail.com

Аннотация. Житие Александра Ошевенского принадлежит к числу компилятивных агиографических сочинений, составленных на основе заимствований из широкого круга источников, и в силу этого обстоятельства может служить удобным материалом для исследований агиографического канона как проблемы исторической поэтики. Принципиально новым в работе является источниковедческий подход к этой проблеме, основанный на убеждении в том, что установление прямых источников агиографа является, в отсутствие других свидетельств, едва ли не единственным способом ее решения. Работа по выявлению литературных источников Жития Александра Ошевенского, начатая И. Яхонтовым (1881 г.), была более успешной, когда касалась действия и сюжета, и значительно менее успешной, когда касалась риторических отступлений. В статье рассмотрены текстуальные и художественные особенности тех фрагментов Жития Александра Ошевенского, которые, по предположению исследователей, были заимствованы из Жития Евфросина Псковского, Жития Исидора Твердислова и Жития Антония Римлянина. В результате анализа установлено, что непосредственным источником этих фрагментов явились другие памятники — Житие Димитрия Прилуцкого в Минейной редакции и Житие Зосимы и Савватия Соловецких в I Стилистической редакции. Источники определены при помощи метода текстологического анализа, метода структурного анализа и метода сравнительного анализа одного и того же повторяющегося мотива в разных агиографических произведениях. Кроме того, в статье введен в научный оборот ранее не называвшийся источник Жития Александра Ошевенского — Житие Павла Обнорского.

Ключевые слова: древнерусская литература, русская агиография, Житие Александра Ошевенского, мотив, жанр, агиографический канон, литературные заимствования

Для цитирования: Пак Н. В. Проблема агиографического канона в Житии Александра Ошевенского // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 4. С. 7–41. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11622. EDN: WNEEDT

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11622

EDN: WNEEDT

The Problem of the Hagiographic Canon in the Life of Alexander Oshevsky

Natalia V. Pak

*Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping
(St. Petersburg, Russian Federation)*

e-mail: nataliya.pak@gmail.com

Abstract. The Life of Alexander Oshevsky is a compiled hagiographic work based on borrowings from a wide range of sources, which, due to this fact, can serve as convenient material for the study of the hagiographic canon as a problem of historical poetics. Fundamentally new in the work is the source-based approach to the problem, rooted in the belief that the establishment of direct sources used by the hagiographer is, in the absence of other evidence, practically the only way to solve it. The work on identifying literary sources of the Life of Alexander Oshevsky, begun by Ivan Yakhontov (1881), was more successful when it concerned the action and the plot, and far less successful when it concerned rhetorical digressions. The article examines the textual and artistic features of those fragments of the Life of Alexander Oshevsky, which, according to the assumption of researchers, were borrowed from the Life of Euphrosynus of Pskov, the Life of Isidorus of Rostov (the Tverdislov) and the Life of Antonius the Roman. As a result of the analysis, it was found that the direct source of these fragments were other literary monuments, namely the Life of Demetrius Prilutsky in the Menologian edition and the Life of Zosimus and Sabbatius of Solovki in the First Stylistic edition. The sources were determined using the methods of textual analysis, structural analysis and comparative analysis of a recurring motif in different hagiographic works. In addition, the article introduces into scientific circulation a previously unnamed source of the Life of Alexander Oshevsky, namely, the Life of Paulus of Obnora.

Keywords: Ancient Russian literature, Russian hagiography, Life of Alexander Oshevsky, motive, genre, hagiographic canon, literary borrowings

For citation: Pak N. V. The Problem of the Hagiographic Canon in the Life of Alexander Oshevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2022, vol. 20, no. 4, pp. 7–41. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11622. EDN: WNEEDT (In Russ.)

Изучению «общих мест» (топосов) в русской агиографии в последнее время уделяется большое внимание, и в этом направлении проделана большая работа. Составленные исследователями перечни основных топосов, характерных для той или иной разновидности житийного жанра, и примеры их реализации в конкретных памятниках (а также и перечни памятников, где встречается тот или иной топос), казалось бы, дают довольно ясное представление о тех абстрактных сюжетных схемах, называемых иногда каноном или стандартом, на которые ориентировались русские агиографы.

Вместе с тем в чистом виде эти схемы не обнаруживаются ни в одном византийском или славянском житии¹, и ответ на простой вопрос, откуда русские агиографы могли их знать, до сих пор не найден. Представляется, что типологический анализ, как и любой метод, имеет свою область применения и свои ограничения. При изучении «общих мест» исследователям приходится игнорировать генетические связи между агиографическими произведениями, ограничиваясь фиксацией существования какой-либо разновидности мотива или устойчивой формулы. Очевидно, однако, что именно определение непосредственных литературных источников того или иного произведения может прояснить вопросы, связанные с формированием агиографического канона и его изменением во времени. По всей видимости, такая ситуация сложилась по крайней мере из-за двух причин: слабо разработанной источниковой базы и неверного (или не вполне верного) представления о том, что «общие места» были неким культурным контекстом, общим знанием эпохи, который и был источником книжников.

Хорошо известно, что работа средневековых агиографов носила по преимуществу компилятивный характер. Большинство книжников опирались на работу своих предшественников и включали фрагменты произведений авторитетных авторов или анонимных авторитетных произведений в свои сочинения. Часто такие заимствования были довольно большими по объему и не содержали существенных изменений. Нередко из одного

¹ Равным образом ни в одном житии преподобного не встречается полный набор библейских цитат, характерных для этого жанра (подробнее см.: [Кузьмина, 2017]).

и того же источника один и тот же фрагмент заимствовали сразу несколько агиографов. Все это создает методологические проблемы при установлении источника заимствований, которые до сих пор не были отделены от проблем изучения «общих мест».

Как правило, труднее всего поддаются определению непосредственные источники так называемых риторических мест, повторяющихся в нескольких памятниках. Большинство исследователей редко видят различия между вариациями одного и того же образа или мотива у разных авторов. Между тем зачастую только по таким нюансам и можно точно установить источник. При всей бесспорности утверждения о том, что, делая заимствования, агиограф ориентировался на некую обобщенную типологическую модель, или канон, текст заимствовался из конкретного литературного памятника со своими индивидуальными особенностями.

В настоящей статье будут проанализированы несколько фрагментов из одного довольно позднего памятника², для которых исследователями были найдены по одному или два соответствия, но которые в действительности имеют текстуальные совпадения с бóльшим числом житий. В каждом рассмотренном случае удастся достаточно надежно установить непосредственный литературный источник агиографа.

Параллель между Житием Александра Ошевенского и Житием Исидора Твердислова была отмечена А. В. Пигиным [Pigin: 284], [Пигин, 2017: 208, 303, прим. V]. С Житием Евфросина Псковского соотносит некоторые фрагменты предисловия к Житию Александра Ошевенского М. К. Кузьмина [Кузьмина, 2019: 65, 67]. Житие Антония Римлянина упоминает в ряду источников Жития Александра Ошевенского И. Яхонтов [Яхонтов: 107]. Обращение к трем перечисленным памятникам показывает, что непосредственными источниками Жития Александра

² Житие Александра Ошевенского было написано игуменом Феодосием в 1567 г. Текст памятника издан: [Пигин, 2017: 220–303], (*Кузьмина 2018*: 61–171). Во втором издании воспроизведен список с большой лакуной, об этом см.: [Пигин, 2022: 161, прим. 8; 162, прим. 9]. Литературные источники, использованные агиографом, рассматривались в следующих работах: [Яхонтов: 88–110], [Карбасова: 95], [Семячко, 2009: 454–455], [Пигин, 2013], [Pigin], [Пигин, 2017: 208–214], [Кузьмина, 2019], [Семячко, 2020: 20], [Пигин, 2021], [Пак: 90–91].

Ошевенского они не были, но каждый из них имел общий с ним источник.

Предисловие к Житию Александра Ошевенского скомпоновано из многочисленных заимствований из Жития Кирилла Белозерского³, Жития Димитрия Прилуцкого в Минеинной редакции⁴ и нескольких других источников (Жития Андрея Критского⁵, Жития Александра Свирского⁶ и, возможно, Похвального слова Дионисию Глушицкому).

Житие Евфросина Псковского тоже основывается на Житии Димитрия Прилуцкого в Минеинной редакции⁷, чем объясняются параллели между Житием Александра Ошевенского и Житием Евфросина Псковского, однако непосредственным источником Жития Александра Ошевенского оно не было. Это подтверждает хотя бы пример, приведенный М. К. Кузьминой⁸.

Житие Димитрия Прилуцкого в Минеинной редакции	Житие Александра Ошевенского	Житие Евфросина Псковского
О семь бо пишеть въ поучении своем Великии Василии, глаголя: «Будите ревнители право живущим и сих имена и делеса пиши, — рече, — на сердци своемь».	И о семь пишет Великии Василие в поучении своем, // глаголя: «Будите ревнители право живущим, и сихъ имена и дѣлеса напиши на сердцы своемь».	О сем бо пишет в поучении своем Великии Василие, глаголя: «Будете ревнители право живущим и сих // имена и дела напишите на сердцих своих».

³ Этот источник Жития Александра Ошевенского установлен И. Яхонтовым [Яхонтов: 90–92].

⁴ Источник установлен С. А. Семячко [Семячко, 2020: 20].

⁵ Источник установлен М. К. Кузьминой [Кузьмина, 2019: 66].

⁶ Заимствованием из этого источника являются слова «неоскудни бо они похваль небесныхъ» [Пигин, 2017: 221]; ср.: «...неоскоуден бо он небесных похвал Божественых, вкупе и аггельских...» (Охотникова 2008: 243).

⁷ Источник установлен В. И. Охотниковой [Охотникова, 2007: 104].

⁸ Здесь и далее полужирным шрифтом выделяются совпадающие чтения в двух из трех сопоставляемых памятниках.

Житие Димитрия Прилуцкого в Минейной редакции	Житие Александра Ошевенского	Житие Евфросина Псковского
<p>О сем бо мя страшит велми слово, занеже стяжах на себѣ всегда неисправлена дѣла, ни мало достизаю дойти в мѣру и во прясло сих... (Семячко, Панченко: 146).</p>	<p>О семъ бо страшит мя велми слово, понеже стяжах на себѣ всегда неисправлена дѣла, ни мало достизаю дойти в мѣру и въ прясло сихъ [Пигин, 2017: 221].</p>	<p>О сем бо страшить преписании велми слово, занеже не стяжах на себе всегда добрых дел ни мало... [Охотникова, 2007: 153].</p>

Все три жития основываются в данном месте на Житии Стефана Пермского Епифания Премудрого⁹, где впервые связываются цитата из Василия Великого о необходимости помнить имена и деяния праведных (буквально ‘написать их на своем сердце’) и следовать им, неспособность агиографа писать на невещественном материале в силу духовного несовершенства и вынужденная необходимость писать на пергамене:

«Пишет же и великий Василей в поучении своем, глаголя: "Буди ревнитель право живущимъ, и сих имена и жития и делеса написати на своем сердци"¹⁰. Елма же азъ не достигох в ту мѣру и не приидох в сие прясло, еже невидимо на разумных скръжалѣх сердечных писати, но на чювьственных хартиахъ изволих писати» (Грибов и др.: 144).

В Житии Александра Ошевенского точно повторяется фраза Минейной редакции Жития Димитрия Прилуцкого о незаконченных начинаниях, мешающих приступить к новому повествованию («понеже стяжах на себѣ всегда неисправлена дѣла, ни мало достизаю дойти в мѣру и въ прясло сихъ»), в то время как в Житии Евфросина Псковского ей соответствует

⁹ Источник Жития Димитрия Прилуцкого указан В. О. Ключевским [Ключевский: 189].

¹⁰ Эта цитата из Слова подвижнического и увещания об отречении от мира и о духовном совершенстве Василия Великого (СРГ 2889) идентифицирована А. В. Духаниной (Духанина: 135, прим. 3).

явно вторичная общая фраза о греховности книжника («занеже не стяжах на себе всегда добрых дел ни мало»)¹¹.

В Житии Исидора Твердислова цитата из Василия Великого и противопоставление письма на разумных сердечных скрижалях и чувственных хартиях также имеются. Но если в Житии Александра Ошевенского заимствуется текст Минейной редакции Жития Димитрия Прилуцкого, то Житие Исидора Твердислова довольно точно воспроизводит фрагмент более ранней Немакарьевской редакции того же Жития, ср.:

Житие Димитрия Прилуцкого в Немакарьевской редакции	Житие Исидора Твердислова	Житие Димитрия Прилуцкого в Минейной редакции
<p>... ихже житию ангелы удивишася и похвалиша и ихъже имяна написана суть на небесехъ,</p> <p>иже силою и Святаго Духа крестъ на рамо вземше и въслѣд Христовъ шедше, <i>см. ниже</i></p> <p>и внидоша в радость Господа своего, И Царства Небеснаго сподобишася,</p> <p>и тѣмъ раискыя двери отврзени быша.</p>	<p>... их же житию ангели удивишася и похвалиша, их же имена написана суть на небесех,</p> <p>иже силою Духа Святаго крест на рамо възе//мъше и въ след Христов шедъше, им же двери раискыя отврзени быша,</p> <p>и внидоша в радость Господа своего, и Царьства Небеснаго сподобишася. <i>см. выше</i></p>	<p>Таковых бо святых отецъ терпѣливому житию их ангели удивишася // и похвалиша, и их же имена написана суть на небесѣх.</p> <p>Понеже бо Святаго Духа дарованиемъ крестъ Христовъ на рамо вземше и тѣснымъ путемъ шествоваше, и внидоша в радость Господа своего.</p>

¹¹ Предисловие к Житию Евфросина Псковского было почти целиком воспроизведено в Житии Иоасафа Каменского, а из последнего целиком перенесено в Житие Симона Воломского [Семячко, 2020: 22].

Житие Димитрия Прилуцкого в Немакарьевской редакции	Житие Исидора Твердислова	Житие Димитрия Прилуцкого в Минейной редакции
<p>Пишетъ бо Великыи Василие, в поучение глаголя: «Будите ревнителѣ право живуцимъ и сихъ имена и делеса напиши на сердци своемъ».</p> <p>Елма же азъ не достигохъ въ мѣру ту и не придохъ въ прясло сие, еже невидимо на разумныхъ скрижалехъ // сердечныхъ писати, но чювственныхъ харатяхъ изъписати, дерзнухомъ мала нѣкая възъпомянуги и написати от великихъ чюдотворении добраго житья преподобнаго и богоноснаго отца нашего Дмитрия... (Семячко, Панченко: 111).</p>	<p>Пишетъ бо Великыи Василие в поучении глаголя: «Будете ревнителе правоживущим. И сии имена и делеса напиши на сердци своемъ».</p> <p>Ельма же аз не достигох в меру ону и не приидох в прясло сие, еже невидимо на разумныхъ скрижалехъ сердечныхъ писати, но на чювственныхъ харатяхъ исписати дръзънухом. Мала некая възъпомянувъше о великихъ чюдотворениихъ бла//женьнаго и праведнаго Исидора... (Исидорова: 102).</p>	<p>О семь бо пишеть въ поучении своемъ Великии Василии, глаголя: «Будите ревнителѣ право живуцимъ и сихъ имена и делеса пиши, — рече, — на сердци своемъ».</p> <p>О сем бо мя страшит вельми слово, занеже стяжах на себѣ всегда неисправлена дѣла, ни мало достизаю дойти в мѣру и во прясло сих... (Семячко, Панченко: 145–146).</p>

Таким образом, Житие Александра Ошевенского и Житие Исидора Твердислова независимо друг от друга восходят к Житию Димитрия Прилуцкого и непосредственным источником

Жития Александра Ошевенского Житие Исидора Твердислова быть не могло.

Житие Евфросина Псковского и Житие Исидора Твердислова были включены в число предполагаемых источников Жития Александра Ошевенского, поскольку оказались в поле зрения исследователей. Однако та же цитата из Василия Великого встречается еще в целом ряде житий, созданных до 1567 г., которые могли быть известны агиографу Александра Ошевенского. Например, к Минейной редакции Жития Димитрия Прилуцкого восходит соответствующий фрагмент предисловия к Житию Феодора Смоленского и Ярославского в редакции иеромонаха Антония (*Lenhoff*: 106–107). В этом памятнике читается вставка с цитатой из Иоанна Дамаскина, которой нет в Житии Александра Ошевенского. Эта особенность исключает Житие Феодора Смоленского и Ярославского из числа возможных источников данного места¹².

Житие Димитрия Прилуцкого в Минейной редакции	Житие Александра Ошевенского	Житие Феодора Смоленского и Ярославского
<p>О сем бо мя страшит вельми слово,</p> <p>занеже стяжах на себѣ всегда неисправлена дѣла, ни мало достигаю дойти в мѣру и во прясло сих... (<i>Семячко, Панченко</i>: 146).</p>	<p>О семь бо страшит мя велми слово,</p> <p>понеже стяжах на себѣ всегда неисправлена дѣла, ни мало достигаю дойти в мѣру и въ прясло сихъ [<i>Пигин, 2017</i>: 221].</p>	<p>О сем бо мя страшитъ вельми слово, <i>яко же глаголетъ Иоаннь Дамаскынъ: «На страх не дрѣзнути — жалаемаго не получити».</i></p> <p>Зане же стяжах на себѣ всегда неисправлена дѣла, не мало достигаю дойти в мѣру и въ прясло сихъ... (<i>Lenhoff</i>: 107).</p>

Ту же цитату из Василия Великого Епифаний Премудрый привлекает в другом своем сочинении — Житии Сергия

¹² Здесь и далее курсивом выделяются индивидуальные чтения одного из трех сопоставляемых памятников.

Радонежского — для подтверждения совершенно иной мысли, механически соединяя ее с парафразом библейского текста (Тов. 12:7), использованным им также в Похвальном слове Сергию Радонежскому, где парафраз (Тов. 12:7) читается в составе заимствования из Жития Марии Египетской¹³. Жития праведных, пишет агиограф, непременно нужно записывать, руководствуясь соображениями пользы, и, напротив, не следует скрывать их или таить. Противопоставление письма на сердечных скрижалях и на пергамене здесь объясняется иначе. Писать на своем сердце необходимо, чтобы сделать жития святых видимыми, известными («а не скривати и ни таити») и полезными («пльзы ради») для других. Судя по всему, письмо на пергамене, по мысли агиографа, такой пользы не приносит и такой видимости не служит. Это несколько противоречит рассуждениям о необходимости записывать жития святых мужей, помещенным до цитаты из Василия Великого, поскольку записывание на сердце предполагает воспроизведение деяний святых, но не обстоятельств их жизни («откуда бѣ, како родися, и како възрасте, и како пострижесе, и како въздрѣжася, и како поживе, и каковѣ имѣ конецъ житию»).

Приведем довольно длинную цитату из Жития Сергия Радонежского, представляющую собой ответ старцев на вопрос агиографа, нужно ли записать житие Сергия:

«Якоже бо нелѣпо и не подобает(ь) житиа нечестивых(ь) пытати и писати, сице не подобает(ь) житиа святыхъ мужъ оставляти, и не писати, и мльчанию предати, и в забыт(ь) положить. Аще бо мужа свята житие списано будет(ь), то от того пльза велика есть и утѣшение вкупѣ списателем(ь), сказателем(ь), послушателем(ь); аще ли же старца свята житие не писано будет(ь), а самовидци и памятухи его аще будут(ь) преставилися, то каа потреба толикую и таковую пльзу в забытии положить и, акы глубинѣ, мльчанию предати? Аще не писано будет(ь) житие его, то по чему вѣдати не знавшим(ь) и не выдавшим(ь) его, каковѣ былъ, или откуда бѣ, како родися, и како възра//сте, и како пострижесе, и како въздрѣжася, и како поживе, и каковѣ имѣ конецъ житию? Аще ли будет(ь) писано, и сие нѣкто слышавъ, поревнует(ь) вѣслѣд(ь) жития его ходити и от сего примет(ь) пльзу. Пишет(ь) же и великий Василие: "Буди ревнитель право живущим(ь) и сих(ь) житие и дѣianie пиши

¹³ Источник установлен Б. М. Клоссом [Клосс: 95].

на с(е)рдци своем(ь)". Виждь, яко велит(ь) жития святых(ь) писати не токмо на хартиахъ, но и на своем(ь) с(е)рдци плъзы ради, а не скривати и ни таити. Таина бо ц(еса)рева лъпо есть таити, а дѣла Божия проповѣдати добро есть и полезно» (*Духанина*: 132, 134).

Среди исследователей нет единогласного мнения не только о времени создания произведений Епифания Премудрого, но и о порядке их возникновения¹⁴. Несоответствие цитаты из Василия Великого контексту однозначно свидетельствует о более позднем происхождении Жития Сергия Радонежского по отношению к Житию Стефана Пермского и Похвальному слову Сергию Радонежскому. Епифаний Премудрый здесь был вынужден соединить две мысли: о необходимости писать жития праведных на своем сердце (она развивается в поучении Василия Великого и Житии Стефана Пермского) и о необходимости проповедовать дела Божии (развивается в Житии Марии Египетской и Похвальном слове Сергию Радонежскому). Вопрос о том, почему книжнику было необходимо включить парафразы двух более ранних его сочинений в Житие Сергия Радонежского, пока остается без ответа.

Займствования из Жития Сергия Радонежского в редакции Епифания Премудрого выявлены в предисловии к Житию Иоанна Суздальского [Ключевский: 286, прим. 1].

По соединению цитаты из Василия Великого с парафразом (Тов. 12:7) опознается источник предисловия к первой редакции Жития Герасима Болдинского:

«Сия же и ина многа ученицы его, жалящеси, глаголаху неотложно, яко приснии ученицы того, начаста принуждати мене, грубаго и несмысленнаго невѣжду, о пречюдномъ священнолѣпном житии его любоповѣствовати, от многих малое нечесое (sic!). Мнѣ же неразумѣние свое всреду пред нихъ принесшу и выше силы пове//лѣние ихъ предлагающу. Они же запрещениемъ лѣниваго раба воспретивше мене, вкупѣ и Великаго Василия учение сказовашѣ, еже рече: "Буди ревнитель правоживущимъ и сихъ жития пишы на сердцахъ своемъ". "Таина бо, — рече, — царева добро есть таити, а дѣла Божия лъпо есть проповѣдати"» (*Крушельницкая*: 214).

Процитированные строки восходят к Житию Сергия Радонежского в редакции Епифания Премудрого. Однако, поскольку

¹⁴ Обзор современного состояния вопроса см.: (*Духанина*: 560–565).

в конце Жития Герасима Болдинского (*Крушельницкая*: 249) использован фрагмент, заимствованный из Жития Афанасия Афонского в одну из Пахомиевских редакций Жития Сергия Радонежского¹⁵, мы можем предположить, что непосредственным источником первой редакции Жития Герасима Болдинского, скорее всего, была контаминированная Пространная редакция Жития Сергия Радонежского, а не две редакции этого памятника (Епифаниевская и Пахомиевская).

Как установлено В. О. Ключевским, предисловие к Житию Герасима Болдинского послужило источником Жития митрополита Филиппа [Ключевский: 311, прим. 2]. При заимствовании текста агиограф «счел излишним повторение поучений Василия Великого» [Колобков: 479].

В Житии Иоанна Устюжского цитаты из Василия Великого тоже нет, но имеются следующие рассуждения, явно восходящие к Житию Сергия Радонежского:

Житие Сергия Радонежского в редакции Епифания Премудрого	Житие Иоанна Устюжского
<p>Виждь, яко велит(ь) жития святых(ь) писати</p> <p>не токмо на хартиахъ,</p> <p>но и на своем(ь) с(е)рдци пльзы ради, а не скривати и ни таити.</p> <p>Таина бо ц(е)сарева лъпо есть таити, а дѣла Божиа проповѣдати добро есть и полезно (<i>Духанина</i>: 134).</p>	<p>Видите, яко велит Святое Писание жития святых отец писати, // а не оставляти.</p> <p>Не токмо сия на сердечных скрижалех писати, на чювственных хартиях ползы ради духовныя, а ни скривати, ни таити.</p> <p>Таина бо царева¹⁶ достоит хранити, а божественных оных святых муж, богоугодно поживших, достоит жития их писанию предати (<i>Власов</i>: 275).</p>

Примечательно, что агиограф изменил текст Епифания Премудрого, устранив содержавшееся в нем противоречие. Ради

¹⁵ Источник заимствования в Житии Сергия Радонежского установлен Б. М. Клоссом [Клосс: 20].

¹⁶ В публикации «царства».

духовной пользы, утверждает он, необходимо писать не только на сердечных скрижалях, но и на пергамене («чувственных хартиях»). Запись житий святых отцов на пергамене и служит проповедью их деяний. Мотив возвращается к исходному, доепифаниевскому виду, не осложненному идеей письма на сердечных скрижалях, вследствие чего цитата из Василия Великого оказывается ненужной. Не исключено, что в этом месте Жития Иоанна Устюжского мы имеем дело с контаминацией двух источников — Жития Сергия Радонежского и еще одного, из которого заимствовано упоминание сердечных скрижалей, — но определить источник по этому небольшому фрагменту не представляется возможным.

С небольшими сокращениями и перестановками анализируемый фрагмент Жития Сергия Радонежского помещен в Житие Кирилла Сунарецкого, написанное выговскими книжниками в 30-е гг. XVIII в.¹⁷ (см.: [Понырко: 367–368], [Юхименко]). Заимствованием из Жития Сергия Радонежского является, кроме того, фрагмент от слов «Онъ бо, добрый старецъ, чюдный страсотерпецъ» до слов «дая умъние немумъющимъ, на ползу просящимъ по силѣ нашей» (*Руди* 2016: 451), ср.: (*Духанина*: 140, 142).

Житие Сергия Радонежского в редакции Епифания Премудрого	Житие Кирилла Сунарецкого
<p>Ино къ множеству трудовъ старчихъ и къ великимъ(ъ) исправлениемъ его възирая, акы безгласенъ и бездѣленъ, в недоумѣнии от ужаста бываа, не обрѣтаа словесъ(ъ) потребныхъ(ъ), подобныхъ(ъ) дѣянию его, како могу азъ(ъ) бѣдныи в нынѣшнее время Сергиево все по ряду житие исписати и многаа исправления его,</p>	<p><i>И свою не//мощь смотря недостижну</i> и великому исправлению онаго старца възирая, акы безгласенъ и бездѣленъ, въ недоумѣнии и ужаста бывъ, не обрѣтая словесъ потребных, подобныхъ дѣянию его, како могу азъ, бѣдныи, в нынѣшнее послѣднее время такого отца житие списати,</p>

¹⁷ Не исключено, что полный текст Епифаниевской редакции Жития Сергия Радонежского, который, как известно, не сохранился (*Духанина*: 562), впоследствии будет найден среди старообрядческих рукописей.

Житие Сергия Радонежского в редакции Епифания Премудрого	Житие Кирилла Сунарецкого
<p>и неизчетныя труды его сказати? Откуда ли начну яже по достоинству дѣла//ния того и подвиги послушателем(ъ) слышаны вся сътворити? Или что подобает(ъ) прѣвие въспомянуги? Или котораа довлѣет(ъ) бесѣда к' похвалениемъ его? Откуда ли приобретаю хитрость, да възможна будетъ к такому сказанию? Како убо таковую и толикую и неудобъ исповѣдимую повѣм(ъ) повѣсть, не вѣдѣ, елмаже чрезъ есть нашу силу творимое? Якоже не мощно есть малѣи лодии велико и тяжко бремя налагаемо понести, сице и превосходить нашу немощь и умъ подлежащаа бесѣда.</p> <p>Аще бо и побѣждает(ъ) нашу худость, но обаче молимся всемилостивому и всесилному Богу и Пречистѣи Его Матери,</p> <p>яко да уразумит(ъ) и помилует(ъ) мене грубаго и неразумнаго, яко да подасть ми слово въ отврѣзание устъ моихъ, не моего ради глаголюща недостойнства, но молитвъ ради святыхъ старецъ,</p>	<p>и неисчетныя труды его сказати, и дѣяния того и подвиги послушателемъ слышанна вся сотворити? Немощно есть малои лодейцы велико и тяжко бремя налагаемо понести, сице и превосходить нашу немощь и умъ подлежащаяся бесѣда.</p> <p><i>Много о семъ мятохся и размышляхъ в себѣ, угодно ли се будетъ Богу и угоднику Его пустынножителю отцу Кирилу.</i></p> <p>Но обаче молимся всемилюстивому всесилному Богу и Пречистѣи Его Матери, Пресвятѣи Богородицы, яко да вразумитъ и помилуетъ мене, грубаго и неразумнаго, яко да подасть слово мнѣ во отверзение устъ моихъ — не моего ради недостойнства, но молитвъ ради таковаго старца.</p>

Житие Сергия Радонежского в редакции Епифания Премудрого	Житие Кирилла Сунарецкого
<p>и самого того призываю Сергия на помощь и съосѣняющую его благодать духовную, яко да поспѣшникъ ми будетъ(ь) и слову спо//собникъ...</p> <p><i>(Духанина: 136, 138).</i></p> <p>Аще бо мужа свята житие списано будетъ(ь), то от того плъза велика есть и утѣшение вкупѣ спсателемъ(ь), сказателемъ(ь), послушателемъ(ь);</p> <p>[...]</p> <p>Аще ли будетъ(ь) писано, и сие нѣкто слышавъ, поревнуетъ(ь) въслѣдъ(ь) жития его ходити и от сего приметъ(ь) плъзу.</p> <p>Пишетъ(ь) же и великии Василии: «Буди ревнитель право живущимъ(ь) и сихъ(ь) житие и дѣяние пиши на с(е)рдци своемъ(ь)». Видждь, яко велитъ(ь) житиа святыхъ(ь) писати не токмо на хартияхъ, но и на своемъ(ь) с(е)рдци плъзы ради, а не скривати и ни таити. Таина бо ц(е)сарева лѣпо есть таити, а дѣла Божиа проповѣдати добро есть и полезно <i>(Духанина: 134).</i></p> <p>Аще бо не писано будетъ(ь) старцево житие, но оставлено кучно безъ вспоминаниа, то съ убо никакоже повредитъ(ь) свят(а)го того старьца, еже не получити ему от насъ(ь) вспоминаниа же и писаниа,</p>	<p>И самого того призываю Кирила на помощь и соосѣняющую его благодать духовную, яко да поспѣшникъ ми будетъ(ь) и слову пособникъ.</p> <p><i>Не похвалы ради старца сия дерзнухъ писати, но себѣ на утѣшение и умиление души своея и читающимъ и слушающимъ на ползу.</i></p> <p>Аще бо мужа свята житие спи//сано будетъ(ь), то от того полза велика есть и утѣшение вкупѣ спсателемъ, и сказателемъ, и послушателемъ.</p> <p>И сие кто слышавъ, негли и поревнуетъ въслѣдъ жития его ходити и от сего приметъ(ь) ползу.</p> <p>Пишетъ же великии Василии: «Буди ревнитель право живущимъ и сихъ жития и дѣяния пиши на сердцѣ своемъ». Видждь, яко велитъ жития святыхъ писати не токмо на хартияхъ, но и на своемъ сердцѣ ползы ради, а не скривати и не таити. Таину цареву добро есть таити, а дѣла Божиа проповѣдати преславно.</p> <p>Аще бо и не писано будетъ старцево житие,</p> <p>никакоже сие вредитъ старца, еже не получити ему от насъ(ь) воспоминаниа.</p>

Житие Сергия Радонежского в редакции Епифания Премудрого	Житие Кирилла Сунарецкого
<p>ихже бо имена на небесѣхъ(ъ) Богъ написа, симъ(ъ) никааже потреба еже от человекѣхъ требовати писаниа же и въспоминаниа. Но мы сами от сего не плъзуемся оставляюще толикую и таковую плъзу, и того ради сиа вся събравъше начинаемъ(ъ) писати, яко да и прочии мниси, яже не сутъ(ъ) видали старца, да и тѣ прочтутъ(ъ) и поревнують старцевѣ добродѣтели и его житию вѣруютъ(ъ).</p> <p>Блажени бо рече не видѣвше вѣроваша (<i>Духанина</i>: 138, 140).</p>	<p>Ихъже бо имена на небесѣхъ Богъ написа — симъ никакая же потреба, еже от человекѣхъ требовати писаниа и воспоминаниа. Но мы сами от сего не ползуемся, оставляющи толику ползу, и того ради, сиа вся собравше, начинаемъ писати, да яко прочии, иже не суть видѣли старца, да и тии почтутъ и поревнують старцовой добродѣтели и его житию.</p> <p>Блажени бо, рече, не видѣвшии, а вѣровавшии (<i>Руди 2016</i>: 450–451).</p>

Фрагменты 1) от слов «Аще бо и не писано будетъ такового старца житие, никакоже сие вредитъ того чюднаго старца» до слов «Но самы от сего не ползуемъся, оставляюще толику ползу себѣ» (*Руди 2017*: 497), 2) от слов «Но обаче молимся всемилостивому и всесилному Богу и Пречистѣи Его Богоматери» до слов «вслѣд жития его ходити, и от сего приимет ползу» и 3) от слов «да яко и прочии, яже не суть видѣли старца, да и тии почтутъ и поревнують старцовой добродѣтели и его житию» до слов «како бы сотворити первѣе начатокъ писанию, яко выше силы моя сие дѣло бысть» (*Руди 2017*: 498) читаются также в выговской редакции Жития инока Епифания, составленной в кругу тех же книжников в 30-е гг. XVIII в. [Поньрко: 367–368]. Цитата из Василия Великого и парафраз (Тов. 12:7) в это сочинение не вошли.

Обратимся теперь к эпизоду преставления Жития Александра Ошевенского, в котором в описании беседы преподобного с братией и предсмертного завещания, по мнению И. Яхонтова, прослеживается влияние Жития Антония Римлянина¹⁸. Это

¹⁸ Предполагаемые заимствования в Житии Александра Ошевенского могли бы послужить одним из косвенных датирующих признаков для этого памятника, не имеющего прямых указаний на время создания. Очевидно,

Житие было известно исследователю по «Русской исторической хрестоматии» В. Ф. Аристова, где в сокращенном виде был перепечатан текст Соловецкого списка конца XVI в., считавшегося в то время древнейшим, опубликованный Православным Собеседником в 1858 г. (*Аристов*: 386–399).

Как выяснилось позднее, в списках XVI в. Житие Антония Римлянина встречается в двух редакциях, при этом Соловецкий список содержит редакцию Б, вторичную по отношению к редакции А, текст которой был распространен несколькими вставками [Захарова: 140–144]. Одним из источников дополнений редакции Б явилось Житие Зосимы и Савватия Соловецких в I Стилистической редакции [Пак: 83–90].

Именно в эпизоде преставления в редакции Б Жития Антония Римлянина читаются несколько вставок из Жития Зосимы и Савватия Соловецких, то есть часть текста обоих памятников дословно совпадает. Поскольку в некоторых других эпизодах Жития Александра Ошевенского обнаруживается влияние Жития Зосимы и Савватия Соловецких (см.: [Яхонтов: 109], [Пигин, 2017: 306, прим. XXXII], [Кузьмина, 2019: 70]), вероятнее всего, оно и было непосредственным источником рассматриваемого эпизода. В подтверждение можно привести три примера.

В одном случае агиограф Александра Ошевенского воспроизводит ошибочное чтение Жития Зосимы и Савватия Соловецких по списку Великих Миней Четых «обительствомъ» вместо «обильствомъ»:

Житие Зосимы и Савватия Соловецких	Житие Александра Ошевенского	Житие Антония Римлянина в редакции Б
...и съберутся братии множество въ духовнѣи любви,		...и соберутся братии множество в духовной любвѣ,

что, если в 1567 г. Житие Антония Римлянина было использовано агиографом Александра Ошевенского в качестве литературного источника, к этому времени оно должно было уже существовать. О проблемах датировки Жития Антония Римлянина см.: [Макарий: 170–171, 327–328], [Ключевский: 306–310], [Фет, 1988, 1989], [Подскальски: 237–238], [Назаренко], [Секретарь].

Житие Зосимы и Савватия Соловецких	Житие Александра Ошевенского	Житие Антония Римлянина в редакции Б
и умножится святаа сиа обитель всѣмъ обительствомъ (sic!) духовнымъ, и в телесных(ъ) потребах(ъ) не будете скорбни» ¹⁹и всѣмъ обительством (sic!) духовнымъ исполнится, и множество соберется братии о Христѣ. Въ духовнѣи любви и в тѣлесных потребахъ не будете скудни... [Пигин, 2017: 254].	и умножится святая сиа обитель всѣмъ обилствомъ духовнымъ, и в телесных потребах не будете скорбни» (<i>Рамазанова</i> : 269).

Здесь расхождения между Житием Зосимы и Савватия Соловецких и Житием Антония Римлянина невелики и немногочисленны (в основном на уровне орфографии). В двух следующих случаях имеются существенные структурные и текстуральные различия между памятниками, при этом Житие Александра Ошевенского следует Житию Зосимы и Савватия Соловецких.

Текст предсмертной молитвы в редакции Б Жития Антония Римлянина представляет собой контаминацию молитвы из анонимного Похвального слова апостолу Филиппу (нач. «Якоже въ пролѣтие сиание различно красныхъ цвѣтець весело творить зрѣние...») и молитвы из Жития Зосимы и Савватия Соловецких. Следов заимствований из Похвального слова апостолу Филиппу в Житии Александра Ошевенского не имеется:

Житие Зосимы и Савватия Соловецких	Житие Александра Ошевенского	Житие Антония Римлянина в редакции Б
Владыко Ч(е)л(овѣ)колюбче,	Молитва. «О Владыко человѣколюбче!	<Молитва.> «Владыко человеколюбче,

¹⁹ ГИМ. Синодальное собрание. № 993. Великая Минея Четья. Апрель. Успенский список. XVI в. (до 1552 г.). Л. 184с.

Житие Зосимы и Савватия Соловецких	Житие Александра Ошевенского	Житие Антония Римлянина в редакции Б
<p>сподоби мя одесную тебе стати,</p> <p>егда приидеши въ славѣ судити живымъ и м(е)ртвымъ и въздати комуждо по дѣлом(ъ) его»²¹.</p>	<p>Сподо//би мя одесную Тебе стати,</p> <p>егда сядеши судити въ славѣ Своеи живым и мертвым и въздати комуждо по дѣлом его» [Пигин, 2017: 255].</p>	<p>Господи, явися Господи и помози ми. И избави мя от руки князя и власти, и миродержители тмы, да не покрывает мене темны тѣх воздух, ниже дым ихъ помрачить душу мою. Укрепи мя, Господи мои, Господи, да преиду // огненныя волны и глубины бездѣнныя, яко да не потопленъ буду в них. Да не обрящет врагъ оклеветати мя, но да преиду миродержителя и лукаваго вожда ихъ и от темных княз(ь) и²⁰ тартаръ избавленъ да буду. И тако да явлюся пред Тобою чистъ и непорочень.</p> <p>И сподоби мя одесную Тебе стати. И восприати Тобою общанная благая святым Твоим.</p> <p>Егда приидеши въ славѣ судити живым и мертвым и въздати комуждо по дѣлом его» (Рамазанова: 270).</p>

²⁰ В публикации «князи».

²¹ ГИМ. Синодальное собрание. № 993. Л. 184с.

В описании погребения Житие Александра Ошевенского точно повторяет соответствующее описание Жития Зосимы и Савватия Соловецких и не упоминает присутствие на похоронах архиепископа, священного собора и множества горожан, фигурирующих в Житии Антония Римлянина:

Житие Зосимы и Савватия Соловецких	Житие Александра Ошевенского	Житие Антония Римлянина в редакции Б
<p>И тако погребенъ бысть братию ч(е)стно</p> <p>с кандилы и со свѣщами, и с надгробнымъ пѣниемъ²².</p>	<p>И тако погребенъ // бысть братию честно</p> <p>с кандилы и съ свѣщами [Пигин, 2017: 255].</p>	<p>И погребенъ бысть честно архиепископом Нифонтомъ съ священнымъ соборомъ и со множествомъ народа града того, со свѣщами и с кадилы, со псалмы и пѣнии и пѣсньми духовными в лѣто 6655 месяца августа, въ 3 день на память преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ Исакиа, Далмата и Фавста (Рамазанова: 271).</p>

Наконец, рассмотрим небольшую фразу в главе «О прихождении братии преподобному», источник которой до сих пор не назывался — «и дѣло благословится, и душа освятится» [Пигин, 2017: 248]. Она восходит к славянскому переводу Жития Афанасия Афонского, а в Житие Александра Ошевенского попадает, скорее всего, через посредство Жития Павла Обнорского²³:

²² ГИМ. Синодальное собрание. № 993. Л. 184с.

²³ Агиограф Павла Обнорского, как установила М. С. Егорова, обращался к Житию Афанасия Афонского в редакции Сборника Нила Сорского [Егорова: 263–264].

Житие Афанасия Афонского в редакции Соборника Нила Сорского	Житие Павла Обнорского	Житие Александра Ошевенского
<p>Устави же всѣмъ братиамъ сущимъ въ ручнѣхъ дѣлѣхъ(ъ), и въ всѣхъ(ъ) службахъ(ъ).</p> <p>не празнословити, но пѣснословити и благодарити Бога. И сѣи уставъ положи нерушимъ(ъ), не точию внутри обители дѣлающимъ(ъ), но и внѣ гдѣ служащимъ. или жито ис корабля в житницу преношающимъ(ъ), или иная кая служащимъ. Вся сиа не съ празнословиемъ(ъ), но съ пѣниемъ и молитвою творити. да благодаритсѣ Богъ, питааи и окормляя насъ(ъ).</p> <p>и дѣло благословитсѣ, и душа ос(вя)титсѣ (Лѣннгерен: 334–335).</p>	<p>Заповѣда же всѣмъ братиамъ, сущимъ в ручнѣхъ дѣлехъ, и въ всѣхъ службахъ, или камо на дѣло изыдуть, не празнословити никогдаже, но съ молитвою дѣло творити, да и дѣло благословитсѣ, и душа освятитсѣ... (ВМЧ: 529).</p>	<p><u>Тако же и на дѣло монастырское идѣже аще прилучашесѣ</u>²⁴ итѣти, или на службу, всегда псалмы Давидовы во устѣх имѣти или молитва Исусова, — то и дѣло благословитсѣ, и душа освятитсѣ [Пигин, 2017: 248].</p>

Выявление заимствований из Жития Павла Обнорского в Житии Александра Ошевенского до сих пор было затруднено

²⁴ Здесь заимствование из Жития Кирилла Белозерского, ср.: «Такоже и на дѣло монастырское, идеже аще прилучашесѣ, съ страхом Божиимъ отхожааху и бяху работающе не яко человѣком, но яко Богови, или пред Богомъ стояще» (Прохоров: 105).

сходством некоторых мест с Житием Кирилла Белозерского, послужившего источником Жития Павла Обнорского. Однако существуют два больших фрагмента, которые читаются только в этом житии, благодаря чему источник устанавливается надежно.

Первый фрагмент заимствован с незначительными изменениями. Исключив слова «тако», «молимся», «Своя», агиограф дополнил заимствованный текст вставками «и своих ученикъ сохраняи» и «и припадающих к чудотворному гробу твоему милостивное прошение подаваи» (выделены курсивом):

Житие Павла Обнорского	Житие Александра Ошевенского
<p>Но ты убо, отче, тако добрѣ течение постничества скончявъ, преставися и въздаяние трудовъ приатъ, Святыя Троица яснѣ зарями просвѣщаемъ и божественыя благодати неизреченнѣ наслаждаяся, поминаи чяда своя,</p> <p>призывающихъ тя,</p> <p>и заступаи присно, и моли о насъ, молимся,</p> <p>о преподобне, яко да твоими молитвами Господь Богъ даруетъ намъ прегрѣшениемъ оставление. Вѣси бо наше неможение и лѣнность, вѣси же и лукаваго, еже на насъ, навѣтъ и озлобления,</p> <p>вѣси же и естество наше удобьпоползаемо, и къ злобѣ скоротекущее.</p> <p>Тѣмъже требуемъ твоя помощи и заступления и еже къ Богу молитвеное,</p>	<p>Но ты убо, отче, добрѣ течение постничества скончавъ, преставися. Воздание трудовъ приатъ, Святыя Троица зарями яснѣ просвѣщаем // и божественыя благодати неизреченныя наслажаяся, поминаи чада своя</p> <p><i>и своих ученикъ сохраняи!</i></p> <p>Призывающихъ тя</p> <p><i>и припадающих к чудотворному гробу твоему милостивное прошение подаваи,</i></p> <p>и заступаи присно, и моли о нас,</p> <p>преподобне! Яко да твоими молитвами Господь Богъ даруетъ нам прегрѣшениемъ оставление. Вѣси бо наше неможение и лѣнность.</p> <p>Вѣси же и лукаваго еже на нас навѣтъ и озлобление.</p> <p>Вѣси же естество наше удобь поползаемо и ко злобѣ скоротекущее.</p> <p>Тѣмъже требуем твоя помощи и заступления и еже къ Богу молитвеное!</p>

Житие Павла Обнорского	Житие Александра Ошевенского
<p>и припадающе молимся: моли о насъ Господа Бога и Пречистую Богоматерь, яко чядолюби//выи от(е)ць, еже присно съхраняти насъ от всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ врагъ и творити еже къ нему благоугодная, да наставитъ насъ Господь, и укрѣпитъ, и подвижнѣишихъ къ божественнымъ Его заповѣдемъ сътворитъ, и подасть намъ вся благая</p> <p>Своя и полезная изъобильно, и получимъ покои и миръ, в житии семъ безмлъвно пребывающе, и тако всяку добродѣтель исправити възможемъ, и будущихъ мукъ свободимся и вѣчная благаа получимъ благодатию и челоуѣколюбиемъ Отца и Сына и Святаго Духа, единосущнаго Божества, Емуже подобаетъ(ъ) всяка слава, ч(е)сть и поклоняние, Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ, и присно, и въ вѣкы вѣкомъ(ъ) (ВМЧ: 540).</p>	<p>И, припадаючи, молимся: моли о насъ Господа Бога // и Пречистую Его Богоматерь, яко чадолубивъ отецъ, еже присно сохрании насъ от всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ врагъ и творити еже к Нему благоугоднаа.</p> <p>Да наставитъ насъ Господь и укрѣпитъ, и подвижнѣишихъ къ божественнымъ Его заповѣдемъ сотворитъ! И подасть намъ вся благая</p> <p>и полезная изобильно! И получимъ покои и миръ в житии семъ, безмольвно пребывающе, и таку всяку добродѣтель исправити възможемъ!</p> <p>И будущихъ мукъ свободимся, и вѣчная благая получимъ о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ! [Пигин, 2017: 256].</p>

Второй фрагмент при заимствовании был переработан и дополнен несколькими вставками, которые в свою очередь могли иметь источник (выделены курсивом):

Житие Павла Обнорского	Житие Александра Ошевенского
<p>И нынѣ</p> <p>ликуимъ весело и празднуимъ отца нашего трѣжество</p>	<p>Тѣмъже нынѣ, <i>отцы и братия,</i> ликуемъ весело и <i>свѣтло</i> празднуемъ отца нашего торжество,</p>

Житие Павла Обнорского	Житие Александра Ошевенского
<p>радостно, хваляще добродѣтельныя его подвигы, и духовнѣ веселимся,</p> <p>имущи пред очима раку, в' неже положены быша святыя его мощи,</p> <p>подающе исцѣления с вѣрою приходящимъ.</p> <p>И сия мы видящи, мнимъ себе, яко по истинѣ самого зрящи, ибо аще и въ гробѣ положенъ бысть святый, но духомъ с нами есть и видитъ(ъ) всѣхъ насъ(ъ), аще по заповѣдемъ(ъ) Божиамъ живемъ</p> <p>и предания его невредима хранимъ, богоугоднѣ пребывающе, и о семъ(ъ) радуется, и милостивно приближается к намъ, и хранить и блюдетъ насъ, аки чяда своя възлюбленъя.</p> <p>Аще ли нерадители начнемъ(ъ) о своемъ(ъ) спасении, не творяще заповѣди Божия, и закона монастырського, и наказания словесъ отца своего не хранимъ(ъ), то сами помощи Божия и благодати</p>	<p>духовно веселящися и радостно хваляще добродѣтельныя подвигы</p> <p><i>и великия труды по Бозѣ. С вѣрою приходяще, //</i> <i>поклоняемся рацѣ преподобнаго,</i> в неже положены быша честныя мощи его, <i>и милостивное прошение исполняют,</i> подають исцѣления <i>и до сего дни,</i></p> <p><i>содѣйствуетъ бо Духъ Святый костемъ, иже здѣ живущимъ въ страсть Божию и хранящимъ заповѣди Его.</i></p> <p>И сия мы видяще, мнимъ себѣ поистиннѣ, яко самого зряще. Ибо аще и во гробѣ положенъ святый, но духомъ всегда с нами есть. И видитъ всѣхъ насъ, аще по заповѣди его живемъ</p> <p>и предания его невредима хранимъ, богоугодно пребывающе. И о семъ радуется, и милостивно приближается к намъ, и хранить, и блюдетъ насъ аки чада своя возлюбленная.</p> <p>Аще ли // нерадѣти начнемъ о своем спасении, и не творящимъ заповѣди Божия, и закона монастырського, и наказания отца своего не хранимъ, то сами помощи Божия</p>

Житие Павла Обнорского	Житие Александра Ошевенского
<p>лишаемся, и молитва отца нашего не помогает(ъ) намъ, кромѣ же Божия помощи и яже</p> <p>о насъ</p> <p>молитвъ от(е)чьскихъ нѣсмы мощни благо // что сътворити.</p> <p>Тѣмъже, любимии, вседушнѣ о своемъ спасении потщимся и уподобимся отцемъ нашим(ъ), каковымъ жестокомъ(ъ) житиемъ сѣдоша zde и безмльвиемъ, како</p> <p>тихостию</p> <p>и житиемъ чистымъ(ъ) пожиша, бдѣниемъ и молитвою с покаяниемъ многимъ и слезами, единъ помысль имуще, еже како токмо спасутся.</p> <p>Тѣмъже съблюдаите себе, и не оскврнимъ(ъ) святое сие мѣсто, еже отци наши очистиша от бѣсовъ,</p> <p>яко да здѣ добро поживше, прегрѣшениемъ оставление примемъ, и въ будущи вѣкъ с ними уготованныхъ благъ получимъ (ВМЧ: 539–540).</p>	<p>лишаемся, и молитва отца нашего не помогаетъ намъ. Кромѣ Божия помощи и яже</p> <p>отеческихъ молитвъ, нѣсмы мощни что благо сотворити.</p> <p>Тѣмъже, любимии, душевно о своемъ спасении потщимся и уподобимся отцемъ нашим, каковымъ жестокомъ житиемъ пожиша здѣ. И безмольвиемъ, и</p> <p>тихостию,</p> <p><i>и любовию, и чистотою, и смиреніем, и кротостию богоугодно</i></p> <p>пожиша <i>святым</i> житиемъ, бдѣниемъ, и молитвами с покаяниемъ, и многими сле//зами, единъ помысль имущи, еже како спасутся.</p> <p>Тѣмъже соблюдаемъ себе и не осквернимъ святое сие мѣсто, еже отцы наши очистиша от бѣсовъ</p> <p><i>плачемъ и рыданиемъ болъзненным, и сердечнымъ частымъ въздыханиемъ, и теплыми слезами омывше</i></p> <p>Яко да добрѣ пожиша здѣ, и прегрѣшениемъ оставление примемъ, и въ будущи вѣкъ с ними уготованныхъ благъ получимъ о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ, Емуже слава нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь [Пигин, 2017: 297–298].</p>

Рассматриваемое заимствование из Жития Афанасия Афонского обнаруживается также в Ранней (первоначальной)

редакции Жития Корнилия Комельского, созданной в 60–70-х гг. XVI в.²⁵ Хотя одним из основных источников Жития Корнилия Комельского послужило Житие Павла Обнорского, в данном месте читается заимствование непосредственно из Жития Афанасия Афонского²⁶:

Житие Афанасия Афонского в редакции Соборника Нила Сорского	Житие Павла Обнорского	Житие Корнилия Комельского
<p>Устави же всѣмъ братамъ сущимъ въ ручнѣхъ дѣлѣхъ(ъ), и въ всѣхъ(ъ) службахъ(ъ).</p> <p>не празнословити, но пѣснословити</p> <p>и благодарити Бога.</p>	<p>Заповѣда же всѣмъ братамъ, сущимъ в ручныхъ дѣлехъ, и въ всѣхъ службахъ,</p> <p>или камо на дѣло изыдуть,</p> <p>не празнословити никогдаже,</p>	<p><i>По сих же блаженны Корнилие //</i></p> <p>устави всѣмъ братьям, сущим в ручных дѣлех и во всѣх службах,</p> <p>не празнословити, но пѣснословити</p> <p><i>или молитву Иисову глаголати непрестанно,</i></p> <p>и благодарити Бога</p> <p><i>и любовь имѣти между собою.</i></p>

²⁵ Наименование и датировка редакции принадлежат А. Г. Сергееву [Сергеев: 23, 53].

²⁶ О литературных источниках Жития Корнилия Комельского см.: [Сергеев: 57–79]. Заимствования из Жития Афанасия Афонского ранее установлены не были.

Житие Афанасия Афонского в редакции Соборника Нила Сорского	Житие Павла Обнорского	Житие Корнилия Комельского
<p>И сѣи уставъ положи нерушимъ), не точию внутрь обители</p> <p>дѣлающимъ), но и внѣ гдѣ служащимъ. или жито ис корабля в житницу преношающимъ),</p> <p>или иная кая служащимъ. Вся сѣи не съ празнословиемъ), но съ пѣниемъ и молитвою творити. да благодарится Богъ, питааи и окорѣмляя насъ).</p> <p>и дѣло благословится, и душа ос(вя)тится (Лённгрэн: 334–335).</p>	<p>но съ молитвою дѣло творити, да и дѣло благословится, и душа освятится... (ВМЧ: 529).</p>	<p><i>Тако же и приходящая приимаше и наказоваше жити по преданию и по правилом святых отець, и всѣх поучаше страху Божию и трудолюбю, яко праздну никомуже не быти и своя воля не творити никакоже, но вся с повѣльнием насто//ящаго.</i></p> <p>И сѣи устав положи нерушим не точию внутрь обители</p> <p>седающим и дѣлающим что, но и внѣ где служащим, или жито из житници</p> <p>приносящим, или муку с мелници, или иная кая служащим. Вся сѣи не празднословием, но с пѣнием и с молитвою, да благодарится Бог питаяи и окорѣмляя нас, и дѣло благословится, и душа освятятся [Сергеев: 204].</p>

Отметим, что в Житии Корнилия Комельского заимствование из Жития Афанасия Афонского вошло в редакции Сборника Нила Сорского²⁷.

Поскольку следов прямого влияния Жития Афанасия Афонского или Жития Корнилия Комельского на Житие Александра Ошевенского не обнаруживается, фразу «и дѣло благословится, и душа освятится» следует отнести к числу заимствований из Жития Павла Обнорского.

Итак, в настоящее время установлено влияние на Житие Александра Ошевенского девяти литературных источников, которыми явились жития Александра Свирского, Кирилла Белозерского, Зосимы и Савватия Соловецких, Слово Григория Богослова на Неделю новую, Лествица Иоанна Синайского, жития Андрея Критского, Дионисия Глушицкого, Димитрия Прилуцкого и Павла Обнорского.

Жития Евфросина Псковского, Исидора Твердислова и Антония Римлянина отнесены к литературным источникам Жития Александра Ошевенского ошибочно и из числа источников этого памятника должны быть исключены. Поскольку, как выяснилось, Житие Александра Ошевенского не имеет датирующего значения для Жития Антония Римлянина, определение времени создания последнего должно основываться на показаниях других источников.

Хотя Житие Александра Ошевенского буквально пронизано реминисценциями Жития Сергия Радонежского, влияние его было, скорее всего, тоже опосредованным. И. Яхонтов указывает только одно место, испытавшее, по его мнению, влияние этого памятника: «...закрывающая в себе важные сведения для истории Ошевенского монастыря по смерти его основателя, глава о приходе пришедцев и о разношении вещей монастырских — в некоторых местах повторяет выражения жития преп<одобного> Сергия Радонежского» [Яхонтов: 108]. Вопрос

²⁷ Ср. тот же фрагмент по тексту перевода: «Сице и дѣла~~ж~~ща въ рѣчных(ь) дѣлѣхъ братиѣ. или въ мѣсени служѣ~~ж~~щихъ. или въ сокалници. или въ виноградѣ. или въ инои службѣ работа~~ж~~щихъ(ь). не оставѣ~~л~~баше съ празно//словиемъ се творити. нѣ уставъ положи нерѣшимъ. пѣснословити симъ и не празнословити. да и дѣло бл(аго)с(ло)витса, и д(у)ша ос(вя)титса» (РГБ. Ф. 304.1 (главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 749. XV в. Л. 379–379 об.). При передаче текста в качестве его орфографической особенности сохранены буквы юс малый и юс большой.

о Житии Сергия Радонежского как источнике Жития Александра Ошевенского необходимо рассмотреть заново.

Исследователи неоднократно отмечали нетрадиционность решения некоторых сюжетных линий Жития Александра Ошевенского [Руди: 451], [Пигин, 2013: 107], [Pigin: 291, 294], [Пигин, 2021: 41, 45, 47, 49] и некоторых использованных агиографом формул [Кузьмина, 2019: 65], которые стали очевидными при сравнении с другими памятниками. Работа по установлению его источников должна быть продолжена.

Список сокращений

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва), Отдел рукописей.

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва), Отдел рукописей.

CPG — Geerard M. Clavis patrum graecorum. Turnhout: Brepols, 1974. Vol. II. XXII, 685, [1] p.

Источники

Аристов — Хрестоматия по русской истории для изучения древнерусской жизни, письменности и литературы, от начала письменности до XVI века / составил Н. Я. Аристов, профессор русской истории Варшавского университета. Варшава: В. Ф. Голубинский, 1870. [8] с., XVI стл., 1514 стл., [1] с.

Власов — Власов А. Н. Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2010. 640 с.

ВМЧ — Великие Минеи Чети, собранные Всероссийским митрополитом Макарием / Издание Археографической комиссии. Январь. Тетрадь I. Дни 1–6. М.: Синодальная типография, 1910. [10] с., 320 стб.

Грибов и др. — Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего епископом в Перми, составленное преподобным во священноиноках отцом нашим Епифанием / подгот. текста Ю. А. Грибова, пер. Е. Г. Водолазкина, Н. Ф. Дробленковой, Л. С. Шепелевой, коммент. Т. Р. Руди // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2003. Т. 12. С. 144–231, 558–571.

Духанина — Житие Сергия Радонежского (Пространная редакция) / подгот. текста, пер., коммент., исслед. А. В. Духаниной. М.; Брюссель: Conference Sainte Trinite du Patriarcate de Moscou ASBL; Свято-Екатерининский мужской монастырь, 2015. 640 с.

Исидорова — Исидорова З. Н. О редакциях Жития св. Исидора Твердислова // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. СПб.: Наука, 2001. Вып. 4. С. 96–110.

Крушельницкая — Крушельницкая Е. В. Автобиография и житие в древнерусской литературе. Жития Филиппа Иранского, Герасима Болдинского, Мартирия Зеленецкого, Сказание Елеазара об Анзерском ските: Исследование и тексты. СПб.: Наука, 1996. 368 с.

Кузьмина 2018 — Кузьмина М. К. Малоизвестные севернорусские жития XV–XVII вв. М.: Водолей, 2018. 572 с.

Лённгрен — Лённгрен Т. П. Сборник Нила Сорского. М.: Языки славянской культуры, 2000. Ч. I. 472, [2] с.

Охотникова 2008 — Житие преподобного Александра Свирского / публ. В. И. Охотниковой // Соловьева И. Д. Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь: художественное наследие и историческая летопись. СПб.: Издательско-полиграфический комплекс «НП-Принт», 2008. С. 239–273.

Прохоров — Преподобный Кирилл Белозерский / [сост., подгот. текста, вступ. ст., приложения Г. М. Прохорова]. СПб.: Росток, 2011. 304 с.

Рамазанова — Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / подгот. текстов и исслед. Н. В. Рамазановой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 392 с.

Руди 2016 — Руди Т. Р. Житие Кирилла Сунарецкого (публикация текста) // Труды Отдела древнерусской литературы. 2016. Т. 64. С. 448–500.

Руди 2017 — Руди Т. Р. Выговское Житие инока Епифания (публикация текста) // Труды Отдела древнерусской литературы. 2017. Т. 65. С. 495–542.

Семячко, Панченко — Преподобный Димитрий Прилуцкий. Житие и служба / изд. подгот. С. А. Семячко и Ф. В. Панченко. Вологда: [б. и.], 2018. 384 с.

Lenhoff — Lenhoff G. Early Russian Hagiography: The Lives of Prince Fedor the Black. Wiesbaden: Harrassowitz, 1997 X, [4], 496 p. (Slavistische Veröffentlichungen; Bd. 82.)

Список литературы

1. Егорова М. С. Житие Павла Комельского и Сборник Нила Сорского: «чужой» текст в агиографии // Труды Отдела древнерусской литературы. 2016. Т. 64. С. 260–277. EDN: YIAOVN
2. Захарова Е. Д. К вопросу о редакциях Жития Антония Римлянина // Древнерусская литература: источниковедение: сб. науч. тр. Л.: Наука, 1984. С. 137–148. EDN: YVRSND
3. Карбасова Т. Б. О Пространной редакции Жития Александра Ошевенского // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: мат-лы науч. конф. 11–13 ноября 1997 года. Новгород: [б. и.], 1997. С. 93–95. EDN: YQCMAG
4. Клосс Б. М. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. I: Житие Сергия Радонежского. 568 с. EDN: SMYSIT
5. Ключевский В. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: К. Солдатенков, 1871. [4], IV, 466, IV, IV с.
6. Колобков В. А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричнина Ивана Грозного. СПб.: Алетейя, 2017. 640 с. EDN: SCGJSB

7. Кузьмина М. К. Канон преподобнического жития сквозь призму библейских цитат. М.: Водолей, 2017. 400 с.
8. Кузьмина М. К. Традиции русской агиографии XV–XVI веков в Житии Александра Ошевенского // Монашество в истории. Актуальные проблемы и новые методы в исследованиях: мат-лы I и II науч. конф. (2017–2018). М.: Московский Иоанно-Предтеченский Ставропигиальный женский монастырь, 2019. С. 63–71. EDN: MMOSME
9. Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. [1-е изд.]. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1857. Т. 3. [4], 340, IV с.
10. Назаренко А. В. Антоний Римлянин // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. Т. 2. С. 675–676.
11. Охотникова В. И. Псковская агиография XIV–XVII вв.: исследования и тексты: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. Т. 2: Жития преподобных Евфросина Псковского, Саввы Крыпецкого, Никандра Псковского. 772 с. EDN: QTBTGNT
12. Пак Н. В. Еще раз к вопросу о редакциях Жития Антония Римлянина // Славяноведение. 2021. № 4. С. 79–101. DOI: 10.31857/S0869544X0015973-3. EDN: WISCDV
13. Пигин А. В. Лествица Иоанна Синайского как источник Жития Александра Ошевенского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3 (53). С. 106–107. EDN: ROPDTL
14. Пигин А. В. Пространная редакция Жития Александра Ошевенского // Русская агиография: исследования. Материалы. Публикации. СПб.: Пушкинский Дом, 2017. С. 206–309. EDN: YPGLAV
15. Пигин А. В. Поэтика уподобления в русской агиографии: Александр Ошевенский vs Алексей человек Божий // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 1. С. 39–54 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1612425525.pdf (10.08.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2021.8642. EDN: CHAHIS
16. Пигин А. В. «И от своего отечества изгнани быша»: утраченный эпизод в Житии Александра Ошевенского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 2 (88). С. 158–168. DOI: 10.25986/IRI.2022.88.2.013. END: EGIKCG
17. Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). 2-е изд., испр. и доп. для рус. пер. СПб.: Византинороссика, 1996. XX, 572 с. (Subsidia Byzantinorossica; т. 1.)
18. Поньрко Н. В. Житие Кирилла Сунарецкого (или Виданского) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 366–368.
19. Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных // Труды Отдела древнерусской литературы. 2006. Т. 57. С. 431–500. EDN: RPHKDR
20. Секретарь Л. А. Житие Антония Римлянина // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 172–173.

21. Семячко С. А. Устав преподобного Кирилла Белозерского и его отражение в письменных памятниках // Труды Отдела древнерусской литературы. 2009. Т. 60. С. 450–459. EDN: SHCHXH
22. Семячко С. А. «Откуда таковый и великий в послѣдняя сия врѣмена свѣтилник въся, еда от Иерусалима или от Синаа?» // Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований. 2020. № 1. С. 11–36. DOI: 10.31860/2712-7591-2020-1-11-36. EDN: QQEAAM
23. Сергеев А. Г. Житие и Устав св. Корнилия Комельского как исторический источник: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. 226 с. EDN: QDKCYT
24. Фет Е. А. Житие Антония Римлянина // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 245–247.
25. Фет Е. А. Нифонт // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 141.
26. Юхименко Е. М. Кирилл Сунарецкий (Сунский, Виданский) // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2014. Т. 34. С. 622.
27. Яхонтов И. Житий св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Составлено по рукописям Соловецкой библиотеки. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1881. 377 с.
28. Pigin A. V. On Some Sources of the Life of Alexander Oshevsky (The Theme of the Family in the Hagiography) // *Scrinium. Journal of Patrology and Critical Hagiography*. 2015. Vol. 11. Pp. 281–294. DOI: 10.1163/18177565-00111p23. EDN: XXGLQZ

References

1. Egorova M. S. The Life of Pavel Komelsky and the Sobornik of Nil Sorsky: “Alien” Text in Hagiography. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*, 2016, vol. 64, pp. 260–277. EDN: YIAOBH (In Russ.)
2. Zakharova E. D. On the Issue of Editions of the Life of Anthony the Roman. In: *Drevnerusskaya literatura: istochnikovedenie: sbornik nauchnykh trudov [Old Russian Literature: Source Studies: Collection of Scientific Papers]*. Leningrad, Nauka Publ., 1984, pp. 137–148. EDN: YVRSDN (In Russ.)
3. Karbasova T. B. About the Extended Version of the Life of Alexander Oshevsky. In: *Proshloe Novgoroda i Novgorodskoy zemli: materialy nauchnoy konferentsii 11–13 noyabrya 1997 goda [The Past of Novgorod and the Novgorod Land: Proceedings of the Scientific Conference, November 11–13, 1997]*. Novgorod, 1997, pp. 93–95. EDN: YQCMAG (In Russ.)
4. Kloss B. M. *Izbrannyye trudy [Selected Works]*. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1998, vol. 1. 568 p. EDN: SMYSIT (In Russ.)
5. Klyuchevskiy V. *Drevnerusskie zhitiya svyatykh kak istoricheskiy istochnik [Old Russian Lives of Saints as a Historical Source]*. Moscow, K. Soldatenkov Publ., 1871. 466 p. (In Russ.)
6. Kolobkov V. A. *Mitropolit Filipp i stanovlenie moskovskogo samodержaviya: oprichnina Ivana Groznogo [Metropolitan Philip and the Formation of the*

- Russian Autocracy: Oprichnina of Ivan the Terrible*]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2017. 640 p. EDN: SCGJSB (In Russ.)
7. Kuz'mina M. K. *Kanon prepodobnicheskogo zhitiya skvoz' prizmu bibleyskikh tsitat* [*Canon of Monastic Lives Through the Prism of Biblical Quotations*]. Moscow, Vodoley Publ., 2017. 400 p. (In Russ.)
 8. Kuz'mina M. K. Traditions of Russian Hagiography of the 15th–16th Centuries in the Life of Alexander Oshevensky. In: *Monashество v istorii. Aktual'nye problemy i novye metody v issledovaniyakh: materialy I i II nauchnoy konferentsii (2017–2018)* [*Monasticism in History. Actual Problems and New Methods in Research: Materials of the 1st and 2nd Scientific Conference (2017–2018)*]. Moscow, Moskovskiy Ioanno-Predtechenskiy Stavropigial'nyy zhenskiy monastyr' Publ., 2019, pp. 63–71. EDN: MMOSME (In Russ.)
 9. Makariy (Bulgakov). *Istoriya Russkoy Tserkvi* [*History of the Russian Church*]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk Publ., 1857, vol. 3. 340 p. (In Russ.)
 10. Nazarenko A. V. Anthony the Roman. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [*Orthodox Encyclopedia*]. Moscow, Tserkovno-nauchnyy tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya" Publ., 2001, vol. 2, pp. 675–676. (In Russ.)
 11. Okhotnikova V. I. *Pskovskaya agiografiya XIV–XVII vv.: issledovaniya i teksty: v 2 tomakh* [*Pskov Hagiography of the 14th–17th Centuries: Studies and Texts: in 2 Vols*]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2007, vol. 2. 772 p. EDN: QTBGNT (In Russ.)
 12. Pak N. V. Once Again to the Question of the Editions of the Life of Antonius the Roman. In: *Slavyanovedenie* [*Slavic Studies*], 2021, no. 4, pp. 79–101. DOI: 10.31857/S0869544X0015973-3. EDN: WISCDV (In Russ.)
 13. Pigin A. V. Ladder of John of Sinai as a Source of the Life of Alexander Oshevensky. In: *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [*Old Russia. The Questions of Middle Ages*], 2013, no. 3 (53), pp. 106–107. EDN: ROPDTL (In Russ.)
 14. Pigin A. V. Extended Version of the Life of Alexander Oshevensky. In: *Russkaya agiografiya: issledovaniya. Materialy. Publikatsii* [*Russian Hagiography: Research. Materials. Publications*]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2017, pp. 206–309. EDN: YPGLAV (In Russ.)
 15. Pigin A. V. Poetics of Likeness in Ancient Russian Hagiography: Alexander Oshevensky vs Alexis the Man of God. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2021, vol. 19, no. 1, pp. 39–54. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1612425525.pdf (accessed on August 10, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2021.8642. EDN: CHAHIS (In Russ.)
 16. Pigin A. V. "And They Were Expelled from Their Homeland": The Lost Episode in the Life of Alexander Oshevensky. In: *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [*Old Russia. The Questions of Middle Ages*], 2022, no. 2 (88), pp. 158–168. DOI: 10.25986/IRI.2022.88.2.013. END: EGIKCG (In Russ.)
 17. Podskal'ski G. *Khristianstvo i bogoslovskaya literatura v Kievskoy Rusi (988–1237 gg.)* [*Christianity and Theological Literature in Kievan Rus (988–1237)*]. St. Petersburg, Vizantinorossika Publ., 1996. 572 p. (Subsidia Byzantinorossica; vol. 1). (In Russ.)

18. Ponyrko N. V. The Life of Cyril of Sunaretsky (or Vidansky). In: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of the Scribes and Literature of Ancient Rus']. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1992, issue 3, part 1, pp. 366–368. (In Russ.)
19. Rudi T. R. On the Composition and Topic of the Lives of the Saints. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*, 2006, vol. 57, pp. 431–500. EDN: RPHKDR (In Russ.)
20. Sekretar' L. A. The Life of Anthony the Roman. In: *Velikiy Novgorod. Istoriya i kul'tura IX–XVII vekov: entsiklopedicheskiy slovar'* [Velikiy Novgorod. History and Culture of the 9th–17th Centuries: Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2007, pp. 172–173. (In Russ.)
21. Semyachko S. A. The Charter of St. Cyril of Belozersky and Its Reflection in Manuscript Texts. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*, 2009, vol. 60, pp. 450–459. EDN: SHCHXH (In Russ.)
22. Semyachko S. A. “Otkudu takovyy i velikiy v poslednyaya siya vremena svetilnik v'sia, eda ot Ierusalima ili ot Sinaa?” [“Where from Has Such and the Great Lamp Shined in These Latter Days, Whether from Jerusalem or from Sinai?”]. In: *Slovesnost' i istoriya. Zhurnal filologicheskikh i istoriko-kul'turnykh issledovaniy* [Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies], 2020, no. 1, pp. 11–36. DOI: 10.31860/2712-7591-2020-1-11-36. EDN: QQEAAM (In Russ.)
23. Sergeev A. G. *Zhitie i Ustav sv. Korniliya Komel'skogo kak istoricheskiy istochnik: dis. ... kand. ist. nauk* [The Life and Charter of St. Kornily Komelsky as a Historical Source. PhD. histor. sci. diss.]. St. Petersburg, 2001. 226 p. EDN: QDKCYT (In Russ.)
24. Fet E. A. The Life of Anthony the Roman. In: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of the Scribes and Literature of Ancient Rus']. Leningrad, Nauka Publ., 1988, issue 2, part 1, pp. 245–247. (In Russ.)
25. Fet E. A. Nifont. In: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of the Scribes and Literature of Ancient Rus']. Leningrad, Nauka Publ., 1989, issue 2, part 2, p. 141. (In Russ.)
26. Yukhimenko E. M. Kirill Sunaretsky (Sunsky, Vidansky). In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Tserkovno-nauchnyy tsentr “Pravoslavnaya entsiklopediya” Publ., 2014, vol. 34, p. 622. (In Russ.)
27. Yakhontov I. *Zhitiya sv. severnorusskikh podvizhnikov Pomorskogo kraja kak istoricheskiy istochnik. Sostavleno po rukopisyam Solovetskoy biblioteki* [The Lives of the Holy Northern Russian Ascetics of the Pomeranian Region as a Historical Source. Compiled According to the Manuscripts of the Solovetsky Library]. Kazan, Tip. Imperatorskogo un-ta Publ., 1881. 377 p. (In Russ.)
28. Pigin A. V. On Some Sources of the Life of Alexander Oshevsky (The Theme of the Family in the Hagiography). In: *Scrinium. Journal of Patrology and Critical Hagiography*, 2015, vol. 11, pp. 281–294. DOI: 10.1163/18177565-00111p23. EDN: XXGLQZ (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пак Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, специалист по учебно-методической работе, Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова (ул. Двинская, д. 5/7, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 198035); ORCID: 0000-0003-0307-2395; e-mail: nataliya.pak@gmail.com.

Natalia V. Pak, PhD (Philology), Specialist of Educational and Methodical Work, Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping (ul. Dvinskaya 5/7, St. Petersburg, 198035, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0307-2395; e-mail: nataliya.pak@gmail.com.

Поступила в редакцию / Received 20.08.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.10.2022

Принята к публикации / Accepted 02.11.2022

Дата публикации / Date of publication 21.11.2022

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11322

EDN: AUOATU

Русские рукописные произведения о «неизменяемости судеб Божиих» (сюжет «Марко Богатый»)

А. В. Пигин

Институт русской литературы (Пушкинский Дом),

Российская академия наук

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

e-mail: av-pigin@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рукописным произведениям XVII–XIX вв., в которых использован мировой сюжет, получивший на русском материале название «Марко Богатый»: богатому человеку предсказано, что его зятем и наследником станет сын бедных родителей; он пытается погубить отрока, но предсказание сбывается. Сюжет был известен и в Европе, и на Востоке, на русскую почву он проник в эпоху Средневековья. В центре внимания четыре произведения: «Приклад» о цесаре Конраде и рыцаревом сыне из Римских Деяний, «Сказание о богатом купце», повесть без заглавия из рукописного сборника Библиотеки Российской академии наук (Архангельское собрание, С. № 138) и «Повесть о богатом и убогом, и еже како неизменяемы суть судьбы Божия» из рукописных сборников печорского старообрядческого книжника XIX в. И. С. Мяндина. Два последних произведения вводятся в научный оборот впервые. В статье исследованы композиция и сюжет книжных памятников, в качестве сравнительного материала привлекаются фольклорные сказки о Марко Богатом. Книжные тексты различаются и по происхождению («Приклад» — переводное произведение, остальные — оригинальные), и по времени создания, и по разработке сюжета. При этом все они — «душеполезные» произведения, в которых утверждается мысль о зависимости человеческой судьбы от Божиего промысла. Генетические связи между произведениями четко не прослеживаются, а появление некоторых мотивов в текстах объясняется влиянием фольклорных сказок.

Ключевые слова: рукописная книжность, фольклорные сказки, сюжет о Марко Богатом, поэтика сюжета, И. С. Мяндин

Благодарность. Работа выполнена по теме Государственного задания Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН № 0186-2019-0002.

Для цитирования: Пигин А. В. Русские рукописные произведения о «неизменяемости судеб Божиих» (сюжет «Марко Богатый») // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 4. С. 42–69. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11322. EDN: AUOATU

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11322

EDN: AUOATU

Russian Handwritten Works on the “Immutability of the Destinies of God” (the Plot of “Marco the Rich”)

Alexander V. Pigin

*Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),
Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russian Federation)*

e-mail: av-pigin@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to handwritten works of the 17th–19th centuries, in which the global plot known as “Marko the Rich” in Russian materials, is used: a rich man receives a prophecy that his son-in-law and heir will be the son of poor parents; he tries to ruin the boy, but the prediction comes true. The plot was known both in Europe and in the East, it penetrated into Russian literature in the Middle Ages. The focus is on four works: “Example” (Priklad) about the Caesar Conrad and the knight’s son from the “Roman Acts” (Gesta Romanorum), “The Tale of a Rich Merchant,” a short novel without a title from the manuscript codex of the Library of the Russian Academy of Sciences (Arkhangelsk collection, S. No. 138), “The Short Novel About the Rich and the Poor, and How God’s Destinies are Immutable” from the manuscripts of the 19th-century Pechora Old Believer scribe I. S. Myandin. The last two works are being examined for the first time. The article examines the composition and plot of the literary works, as a comparative material, folklore tales about Marko the Rich are used. Literary works differ in origin (“Example” is a translated work, the rest are original), in the time of creation, and in plot development. At the same time, they are all religious works that affirm the idea of the dependence of human fate on God’s providence. Genetic connections between the works are not clearly traced, and the appearance of certain motifs in the texts is explained by the influence of folklore tales.

Keywords: handwritten books, folklore tales, the plot of Marko the Rich, poetics of the plot, I. S. Myandin

Acknowledgments. The work was carried out on the topic of the State assignment of the Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of the Russian Academy of Sciences No. 0186-2019-0002.

For citation: Pigin A. V. Russian Handwritten Works on the “Immutability of the Destinies of God” (the Plot of “Marco the Rich”). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2022, vol. 20, no. 4, pp. 42–69. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11322. EDN: AUOATU (In Russ.)

.....

В широко распространенном у многих народов легендарно-сказочном сюжете «Марко Богатый»¹ (АТУ 461, 930; СУС 461=930) разрабатывается популярная в мировой словесности тема предопределения человеческой судьбы. Богатому человеку Марко (Онике, безмянному купцу, барину, царю и т. д.) предсказано, что сын нищих родителей женится на его дочери и завладеет всем его имуществом; Марко пытается погубить ребенка и тем самым перехитрить судьбу, но предсказание сбывается, а сам Марко погибает или становится вечным перевозчиком на реке. Известный как в устных, так и литературных вариантах на Востоке и на Западе сюжет еще в эпоху Средневековья проник на русскую почву, где получил сугубо христианское осмысление, суть которого в том, что невозможно противиться «неизменяемым судьбам Божиим».

Изучение сюжета о Марко Богатом заключалось главным образом в обзоре и сравнении его вариантов в словесности разных народов и попытках определить его генезис и пути миграции. Один из первых российских исследователей сюжета Н. Ф. Сумцов указал на древнейшую его фиксацию в индийской повести VI в., которая «получила популярность на мусульманском Востоке, была даже приурочена к личности Магомета и затем с Востока многими путями пошла в Европу, где получила самостоятельную разработку, в западной Европе — в виде чрезвычайно популярной легенды, в восточной — преимущественно в виде народной сказки» [Сумцов, № 1 (кн. 20): 25]. А. Н. Веселовский рассмотрел русскую сказку о Марко Богатом в ряду европейских и восточных «фаталистических рассказов», восходящих к византийским преданиям об императоре Константине [Веселовский: 96–141]. Г. Н. Потанин исследовал монгольскую и тибетскую легенды в сопоставлении с русской сказкой о Марко [Потанин, 1895, 1899: 466–508].

На материале собственно славянских фольклорных сказок (восточнославянских, в том числе сибирских, и южнославянских)

¹ Это имя — Марко Богатый — встречается только в устных славянских текстах, в анализируемых в статье рукописных произведениях его нет. Тем не менее, в силу научной традиции, будем использовать для этого сюжета такое название. Имя «Марко» для нас — всего лишь обозначение функции персонажа в сюжете. Как известно, имя — самый неустойчивый элемент «бродячего» сюжета.

сюжет о Марко Богатом изучала В. С. Кузнецова [Кузнецова, 2016, 2017, 2019а, 2019б]. Она выделила два типа начального эпизода сказки: 1) Марко изгоняет Христа, пришедшего к нему в образе нищего, и затем узнает о своей судьбе; 2) Марко слышит то же предсказание от Христа или от кого-то из небожителей, находясь на ночлеге в чужом доме. Основная часть сюжета также представлена двумя разновидностями: 1) «от судьбы не уйдешь» — ряд попыток Марко известить своего наследника (оставить на смерть в лесу, в море, дать соответствующее поручение в письме, сжечь на заводе, в яме и т. д.), заканчивающихся гибелью самого Марко; 2) путешествие юноши по повелению Марко к Змею (Идолищу, людоеду и т. п.) за данью, во время которого происходят чудесные встречи и опросы — в финале Марко навсегда остается перевозчиком через реку. Причем для южнославянских вариантов сюжета зачин «Марко изгоняет Христа» и рассказ о путешествии к Змею не характерны, они встречаются только в записях, сделанных у восточных славян, и являются «поздними наращиваниями» [Кузнецова, 2019б: 110]². Более ранней формой славянских повествований о Марко Богатом В. С. Кузнецова считает сочетание начального эпизода «Марко на ночлеге» и набора эпизодов сюжетной разновидности «от судьбы не уйдешь».

В русской традиции этот сюжет известен не только по фольклорным сказкам, но и по литературным произведениям.

Из этого ряда следует сразу исключить произведения, которые совпадают с анализируемым сюжетом лишь в некоторых мотивах. Так, Н. Ф. Сумцов склонен был, по-видимому, считать полноценным литературным воплощением сюжета древнерусское «Слово от Патерика, яко не достоин от церкви идти, егда поют», которое читается в Прологе (30 апреля) и Измарагде³.

² Впрочем, аналогичный вывод был сделан еще Н. Ф. Сумцовым: «Русским вариантам, по полноте содержания, нужно отдать предпочтение. Полнота эта объясняется тем, что к основному мотиву о попытках погубить ребенка присоединяется в начале легенда о Христе, в конце легенда о встречах и опросах. Болгарские и греческие варианты обошлись без этих наростов...» [Сумцов, № 1 (кн. 20): 25].

³ Ф. И. Буслаев считал это «Слово...» лишь одним из источников русской сказки о Марко Богатом [Буслаев: 448–449]. Н. Ф. Сумцов повторил этот вывод Ф. И. Буслаева, но при этом отметил, имея в виду «Слово...», что сказка о Марко «проникла в литературные сборники религиозно-

Некий благочестивый юноша служил у знатного вельможи и однажды увидел, как жена хозяина изменяла ему со слугой. Чтобы скрыть свой грех, госпожа решила погубить юношу и оговорила его перед мужем. Юноше дали «убрус» (полотенце) и отправили к «мечнику», которому повелели отсечь голову тому, кто придет с «убрусом». Однако по пути юноша зашел в церковь и отстоял всю службу. В итоге «убрус» отнес любовник госпожи, который и был казнен, праведный же юноша «соблюденъ <...> бысть от смерти»⁴. С сюжетом «Марко Богатый» этот рассказ роднит мотив чудесного избавления от смерти; встречается в некоторых вариантах и рассказ о спасении героя благодаря посещению церкви. Сходство этих текстов (произведений на сюжет «Марко Богатый» и легенды из Измарагда и Пролога), как увидим в дальнейшем, осознавалось древнерусскими книжниками. Однако в «Слове...» отсутствуют мотивы предсказания судьбы и попыток его преодоления — то, что составляет основу сюжета о Марко. Сказка о Марко Богатом относится к древним «бродячим» сюжетам, она разошлась во множестве вариантов, поэтому нет ничего удивительного в том, что отдельные ее мотивы находят параллели в других произведениях («Слово о некоем игумене, егоже искуси Христос во образе нищаго» из Пролога (18 октября), сочинения о царе Соломоне, песни о гневе Ивана Грозного на сына и т. д.).

К настоящему времени исследованы и опубликованы два рукописных произведения, в которых использован данный сюжет: одно из них переводное — «Приклад, яко прозрению Божию никто противитися может» (о цесаре Конраде и рыцаревом сыне) из Римских Деяний, другое русское — «Сказание о богатом купце».

Латинский сборник повестей Римские Деяния (*Gesta Romanorum*) был переведен на русский язык с польского в последней трети XVII в. (после 1663 г., когда увидело свет не дошедшее до нас краковское издание памятника, послужившее нравственного содержания, например, Измарагды» [Сумцов, № 1 (кн. 20): 9, 19, 20, 22, 29].

⁴ Из «Измарагда» // Памятники литературы Древней Руси: середина XVI в. М., 1985. С. 58–61.

основой для перевода). Составленный в Англии на латинском языке, по-видимому, не позднее XIII в., он включает переработки античных сюжетов, жития святых, псевдоисторические рассказы о римских императорах (этим объясняется название сборника), легендарные и сказочные повести (в русском переводе — около 40 текстов) [Ромодановская, 1998]. Наличие «выкладов» (толкований), завершающих тексты и трактующих их в религиозно-дидактическом ключе, придает сборнику «душеполезный» характер. Текстологическое исследование древнерусского сборника было осуществлено Е. К. Ромодановской [Ромодановская, 2009], однако различия между редакциями для нашей темы не имеют большого значения, поскольку текст «Приклада» о цесаре Конраде достаточно стабилен⁵. В *Gesta Romanorum* текст был включен из хроники Готфрида фон Витербо (XII в.) [Веселовский: 133–135], [Ромодановская, 2009: 184–185].

«Приклад» о цесаре Конраде содержит все основные мотивы сюжета «Марко Богатый», на что уже обращали внимание исследователи: «1) Граф Леопольд, боясь гнева императора Конрада, бежит в лес и живет там в шалаше. 2) После охоты император случайно попадает к нему в дом. 3) Жена Леопольда рождает сына (Генрика. — *А. П.*), а император трижды слышит глас с неба, что этот ребенок будет его зятем и наследником престола. 4) Император приказывает убить младенца и принести его сердце. 5) Слуги, пожалев, уносят ребенка в лес, а императору приносят сердце зайца. 6) Проходящий мимо герцог находит мальчика и усыновляет. 7) Узнавший мальчика император посылает его к жене с письмом и приказом убить. 8) По пути мальчик ночует в доме священника, который подменяет письмо. 9) Дочь короля отдана замуж за юношу» [Ромодановская, 2009: 184–185]. Уникальность этой версии сюжета заключается в том, что «Марко» (цесарь Конрад) не погибает в конце повести, но смиряется с Божией волей: «...послал по онаго юношу и подтвердил его быть зятем своим и потом

⁵ Текст «Приклада» по разным редакциям Римских Деяний издан: [Ромодановская, 2009: 341–344, 452–454, 597–599, 713–714]. Различия между этими вариантами незначительны и не затрагивают сам сюжет: так, в Уваровской редакции в «Прикладе» «особо подчеркнут мотив страха, который испытывают все действующие лица» [Ромодановская, 2009: 70]; по-разному в списках передаются некоторые имена и географические названия и т. п.

оставил, чтобы по нем и на цесарство его посажен был и все государствовал» [Ромодановская, 2009: 344]. Соответственно, и пророчество в начале текста не содержит известия о его гибели: «Утекай, утекай, ибо сие первородное будет зять тебе» [Ромодановская, 2009: 343]. Так выражается нравоучительный смысл этой повести, поскольку главная ее цель — в доказательстве мысли, «яко прозрению Божию никто противиться может».

«Сказание о богатом купце» — русское сочинение, введенное в научный оборот О. А. Белобровой [Белоброва]. Оно известно сейчас в единственном списке, который входит в состав рукописного сборника второй четверти — середины XVIII в., включающего разнообразный литературный материал (апокрифы, повести, обработки былин и т. д.) (РГБ, собр. Тихонравова (ф. 299), № 361)⁶. В роли Марко здесь выступает богатый купец Бендер из «града Вавилона», которому изгнанный из его дома Христос предрекает страшную участь: дочь купца выйдет замуж за некоего Фиврана, сына нищих родителей из «града Фантифона», к которому перейдет все богатство Бендера, а сам купец «зле погибнет». Как и в «Слове...» из Измарагда и Пролога (30 апреля), во время последнего испытания юноша спасается благодаря тому, что слушает в церкви литургию. Но в отличие от большинства вариантов сюжета о Марко Богатом, на дочери купца он женится уже после гибели последнего. Эта перестановка объясняется тем, что в «Сказании» оказался опущен фрагмент с письмом купца жене. Получается, что об исполнении предсказаний Христа купец так и не узнает, что несколько ослабляет нравственный смысл текста. О. А. Белоброва датировала это произведение концом XVII — началом XVIII в. и сделала основной акцент на сопоставлении его текста с различными вариантами сказки о Марко Богатом, отметив их сходства и различия. К числу последних относится, по ее наблюдению, заморская экзотика «Сказания» — в сказках же отчетливо проступают реалии российской действительности. «Приклад» о цесаре Конраде О. А. Белоброва не привлекала

⁶ Рукопись описана: [Георгиевский: 63–64]. О сборнике см. также: [Сперанский: 31, 67, 71, 72, 113, 125, 164, 165].

к анализу и генезис «Сказания» выводила из фольклорно-сказочного материала, но отметила при этом некоторые общие черты текста с другими повестями петровского времени.

Позднее проблема взаимосвязи «Приклада» из Римских Деяний, «Сказания», фольклорных сказок и легенд из Пролога привлекла внимание Е. К. Ромодановской. Исследовательница предположила, что одним из источников «Сказания» являлся «Приклад» и что «Сказание» могло сыграть «роль своеобразного промежуточного этапа между переводной повестью ("Прикладом". — А. П.) и ее фольклорным устным переложением. В таком случае не Сказание создавалось на основе русских сказок, а сказки типа "Марко Богатого" имели своим источником книжную повесть» [Ромодановская, 1979: 172]. При этом, по утверждению Е. К. Ромодановской, «это предположение в настоящий момент надо считать лишь чисто рабочей гипотезой, поскольку окончательно решить этот вопрос, как и вопрос о взаимоотношении русского Сказания и переводной повести, невозможно без привлечения всех сходных памятников и специальной текстологической работы» [Ромодановская, 1979: 172]⁷.

К этой интересной проблеме соотношения устных и книжных вариантов сюжета мы еще вернемся. Но прежде представим новые источники — две рукописные повести, которые до сих пор не становились объектом изучения в связи с сюжетом «Марко Богатый».

Одна из них, более ранняя, входит в состав объемного сборника рубежа XVII–XVIII вв. из библиотеки архиепископа Афанасия Холмогорского (БАН, Архангельское собрание, С. № 138, л. 327 об. — 328 об., всего 428 листов, формат «в лист»). Составители описания сборника отметили, что «рукопись предполагалось сформировать как собрание расположенных по алфавиту выписок из памятников нравоучительных, церковных, церковноисторических, исторических и литературных»⁸.

⁷ Все эти выводы Е. К. Ромодановская дословно повторила и в более поздней работе: [Ромодановская, 1994: 159–163].

⁸ Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л.: Наука, 1965. Т. 3. Вып. 2: Исторические сборники XV–XVII вв. / сост. А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская. С. 249. Некоторые сочинения из этого сборника ранее привлекали к себе внимание исследователей (см.: [Лобакова], [Пигин]).

Под буквой «Ц» в сборнике, между «Повестью о видении некоему мужу духовну» и статьями о «чаровниках», находится небольшая повесть без заглавия, начинающаяся словами: «Бѣ нѣкий купецъ богатъ сый велми. . .» (далее — Повесть-1). Размещение этой повести под буквой «Ц» и в таком окружении не вполне ясно. Очевидно, это один из отмеченных в описании сборника случаев нарушения алфавитного порядка, когда под той или иной буквой содержатся тексты, не относящиеся к ней (по первому слову, по именам и т. д.)⁹.

В Повести-1 воспроизводятся все основные эпизоды сюжета «Марко Богатый»: купец узнает о предсказании, находясь на ночлеге в доме убогого человека, у которого появляется на свет сын, он трижды пытается убить отрока, но сам погибает в яме с огнем, которая была приготовлена для его зятя. Герои не имеют имен, отсутствуют в повести и географические названия. Действие разворачивается как исполнение Божией воли: предсказание купец получает от Бога, письмо с приказом погубить юношу заменяет ангел, в финале приводится цитата из Священного Писания: «И збытся Писание: "Ровъ изры и ископа другу, и самъ впаде"» (ср.: Пс. 7:16; 56:7; Прит. 26:27; Еккл. 10:8). В повести содержится отсылка к «Слову от Патерика, яко не достоин от церкви ийти, егда поют» из Пролога (30 апреля) и Измарагда: «Богу же милующу раба сего: *якоже и благочестиваго сына от мечника избави, сице и сего незлобиваго*». При этом ключевой мотив «Слова...», на который ссылается автор повести, — юноша слушает в храме литургию, и это спасает его от руки «мечника», — здесь отсутствует. Это обстоятельство не позволяет рассматривать «Слово...» как источник повести, но свидетельствует о том, что автор прекрасно осознавал близость двух историй.

Еще одно литературное произведение на интересующий нас сюжет является наиболее поздним из известных сегодня в русской рукописной книжности — «Повѣсть о богатом и убогом, и еже како неизмѣняемы суть судьбы Божия» (далее — Повесть-2) (вторая половина XIX в.). Эта повесть входит в состав двух сборников известного печорского старообрядческого книжника Ивана Степановича Мяндина (1823–1894): ИРЛИ, Усть-Цилемское собрание, № 67 и № 70 (далее: УЦ-67 и УЦ-70).

⁹ Описание рукописного отдела... С. 249–252.

Творчество И. С. Мяндина хорошо изучено, его перу принадлежат многочисленные переработки древнерусских произведений; некоторые из них исследованы и опубликованы¹⁰. Более ранним является список УЦ-67 (сборник составлен до 1875 г.) — его мы и будем рассматривать в дальнейшем. УЦ-70 датируется 1882 г. и содержит более позднюю переработку текста из УЦ-67, но сравнение этих двух списков не входит в задачи настоящей статьи¹¹.

В описании усть-цилемских рукописных сборников В. И. Малышев ошибочно отметил, что эта повесть входит в состав Великого Зерцала, причем для двух списков он указал разные тексты из этого сборника (№ 56 и 61 из Приложения 3 в книге П. В. Владимирова [Владимиров. Приложение 3: 63])¹² (см.: [Малышев: 117, 120]). В действительности в Великом Зерцале нет этого произведения, а под указанными В. И. Малышевым номерами в нем находятся совсем другие повести. Ошибку В. И. Малышева заметила Е. К. Ромодановская, которая к тому же верно определила, что эта повесть имеет «сходный сюжет» со «Сказанием о богатом купце» и «Прикладом» из Римских Деяний, но специально рассматривать повесть она не стала [Ромодановская, 1979: 172 (примеч. 37)]. Повесть упомянула и Н. А. Карманова, изучавшая мяндинские редакции повестей из Великого Зерцала; она отнесла ее к Великому Зерцалу «гипотетически», не найдя в самом сборнике Великое Зерцало, но и не решившись при этом поставить под сомнение ссылку В. И. Малышева [Карманова: 91]. Поскольку обнаружить повесть в Великом Зерцале исследовательница не смогла, в дальнейшем она это произведение не рассматривала.

Повесть-2 передает сюжет «Марко Богатый» в целом по той же схеме, что и Повесть-1. Безымянный купец, находясь на ночлеге в доме убогого человека, подслушивает диалог Христа и некоего

¹⁰ Библиография работ, посвященных творчеству И. С. Мяндина, обширна. См. обобщающую работу на эту тему: [Волкова, 2006].

¹¹ Отметим лишь, что к радикальному переосмыслению текста его редактирование в УЦ-70 не привело, но все же УЦ-70 может рассматриваться как самостоятельный вариант этой повести по сравнению с УЦ-67. Исследованию этой повести в сборниках И. С. Мяндина с публикацией самого текста мы планируем посвятить отдельную работу.

¹² Отмеченные П. В. Владимировым повести № 56 и 61 опубликованы: [Державина: 235 (№ 56), 238 (№ 61)].

небожителя, из которого узнает об уготованной ему участи, три раза он пытается погубить отрока: оставляет младенца в снегу, посылает письмо жене и начальнику солеваренного завода (письмо подменяется), приказывает бросить юношу в печь на заводе, но оказывается в ней сам.

Более подробно, по сравнению с ранее рассмотренными произведениями, в этой повести разработан образ жены купца. Если в других текстах ее человеческие качества скрыты, то здесь она изображается «нищелюбивой» и «смирномудрой»: «...всегда творяше милостыню и помогаше бѣднымъ, обаче втай от мужа своего». В повести использован агиографический мотив: жена была «неплодной», молилась Богу, и «услыша Богъ молитву благочестивой жены, и абие зачатъ и бѣ непраздна»¹³. Соответственно, и дочь, родившаяся, подобно святым, после молитв «неплодной» матери, не уступает ей в благочестии. Именно она спасает своего мужа от гибели, призывая его «помолитися святымъ иконам для того, что Господь избавиль его в той день от смерти»: по этой причине юноша не приходит вовремя к месту своей казни (трансформация мотива «пребывание в церкви во время литургии»). Соответственно, и известие о спасении юноши и о возмездии нечестивому купцу мать и дочь воспринимают с радостью: «И они, слыша сие с радостию, Бога благодарили, что ихъ Господь избавиль от такого лукаваго и немилостиваго господина, а добраго и милостиваго зятя даль имъ наслѣдником». Отрок также наделяется исключительно положительными качествами («отроча красно и премудро зѣло», «зряще отрока благовидна, красна и разумна» и т. д.); на том месте, куда его — новорожденного — бросает в снег купец, возгорается «огнь, яко от пещи». Психологически убедительной является следующая деталь: жена купца «не смѣюще послушатися» своего мужа, «вѣдяще его нравъ». Эмоции персонажей — удивление, радость, страх — описаны и в других случаях («Купецъ <...> абие бысть яко изумленъ и надолзѣ стоя забывся» и др.). Убогий человек обнищал, как уточняется в повести, не из-за лени,

¹³ Мотив рождения святого у престарелой («неплодной») матери по молитвам к Богу является житийным топосом (ср. в житиях Евфимия Великого, Димитрия Солунского, Параскевы Пятницы, Александра Свирского, Александра Ошевенского и др.), он восходит к библейской истории рождения Исаака у Авраама и Сарры.

а из-за большого числа детей. Этот психологизм, разработку характеров (конечно, в эмбриональной форме) и включение бытовых подробностей заманчиво приписать творческой инициативе И. С. Мяндина¹⁴, но, к сожалению, мы не знаем, какой текст послужил для него источником.

Содержание всех четырех рассмотренных произведений для удобства сравнения можно представить в таблице:

Памятники	«Приклад» из Римских Деяний ¹⁵	«Сказание» (Тихонр.-361)	Повесть-1 (Арханг. С. № 138)	Повесть-2 (УЦ-67)
Содержание				
Заглавие	«Приклад, яко прозрению Божию никто противитися может»	«Сказание о богатом купце»	Нет	«Повѣсть о богатом и убогом, и еже како неизмѣняемы суть судьбы Божия»
Персонажи: «Марко» и гонимый юноша.	Цесарь Конрад и сын рыцаря Леопольда Генрик.	Купец Бендер в Вавилоне и сын нищих родителей Фивран в городе Фантифоне.	Купец и сын земледельца (имен нет).	Купец и сын убогого (имен нет).
«Марко» узнает о своей судьбе.	На ночлеге в лесном доме после охоты цесарь слышит «глас» во сне.	Купец изгоняет из своего дома Христа, приняв его за нищего, после этого узнает о своей судьбе из разговора Христа с ангелом.	На ночлеге у земледельца купец слышит «глас от Бога».	На ночлеге в доме убогого купец узнает о своей судьбе из разговора Христа, пришедшего в этот же дом, с неким небожителем.

¹⁴ Как отмечает Т. Ф. Волкова, некоторые редакторские изменения в пересказах И. С. Мяндина связаны с тем, что в текстах источников ему не хватало «психологических мотивировок поведения персонажей, описания их чувств и мыслей» [Волкова, 2006: 852].

¹⁵ По тексту Основной редакции [Ромодановская, 2009: 341–344].

Памятники Содержание	«Приклад» из Римских Деяний	«Сказание» (Тихонр.-361)	Повесть-1 (Арханг. С. № 138)	Повесть-2 (УЦ-67)
<p>Первая попытка погубить юношу (младенца).</p>	<p>Цесарь приказывает слугам забрать ребенка у матери и принести его сердце. Слуги приносят сердце зайца, а ребенка оставляют на дереве. Некий рыцарь находит ребенка и воспитывает его как сына.</p>	<p>Купец покупает ребенка у родителей. Во время путешествия по морю приплывает к монастырю, приказывает поварам вынуть сердце ребенка и приготовить из него еду. Повара приносят сердце щенка, а ребенка отдают «искусной жене для бережения» в монастыре.</p>	<p>Купец покупает ребенка у его отца-земледельца, приказывает слуге отнести ребенка в лес и отрезать ему голову. Слуга оставляет ребенка на дереве, а сам обрезает себе руку «ради знаку кроваваго», «будто зарьзаль» младенца. Охотники находят младенца и приносят к царю, который приказывает его воспитать.</p>	<p>Купец покупает ребенка у его отца и бросает его в снег, «мразу зъло люту бывшу». Ребенка находит игумен, привозит его в свой монастырь и обучает книгам.</p>

Памятники Содержание	«Приклад» из Римских Деяний	«Сказание» (Тихонр.-361)	Повесть-1 (Арханг. С. № 138)	Повесть-2 (УЦ-67)
<p>Вторая попытка погубить юношу: письмо «Марко» жене.</p>	<p>Цесарь забирает юношу к себе во двор, посылает его с письмом к своей жене. В письме — приказ погубить юношу. По пути юноша ночует возле церкви (кошела), священник читает письмо и переписывает его: юношу должны женить на дочери цесаря. Жена цесаря исполняет этот приказ.</p>	<p>Нет</p>	<p>Купец узнает историю спасения юноши, уговаривает царя отдать юношу ему. Он отправляет юношу к своей жене с письмом. В письме — приказ погубить юношу. Ангел заменяет письмо другим, согласно которому за юношу нужно выдать дочь купца. Жена купца исполняет этот приказ.</p>	<p>Купец уговаривает игумена отдать ему юношу на службу, отправляет юношу в свой дом с двумя письмами: одно — начальнику солеваренного завода, чтобы бросили юношу в котел, другое — жене с приказом отправить юношу на завод. Второе письмо по Божией воле заменяется приказом женить юношу на дочери купца. Приказ исполняется.</p>

Памятники Содержание	«Приклад» из Римских Деяний	«Сказание» (Тихонр.-361)	Повесть-1 (Арханг. С. № 138)	Повесть-2 (УЦ-67)
<p>Третья попытка погубить юношу. «Марко» сбрасывают в яму (печь) с огнем. «Кто яму другому копал, сам в нее попал».</p>	<p>Нет</p>	<p>Через 12 лет купец возвращается в монастырь, узнает историю спасения отрока и покупает его у монахов. Он нанимает работников, в обличье которых являются ангелы, приказывает им вырыть яму и сжечь в ней юношу; отправляет юношу к работникам. По пути юноша оставивается в церкви. Купец отправляется проверить выполнение приказа, работники (ангелы) бросают его в яму с огнем.</p>	<p>Купец возвращается домой и узнает, что юноша стал его зятем. Он повелевает слугам вырыть в лесу яму, разжечь в ней огонь и бросить в него юношу. Отрока опаивают вином и сонного отправляют в колеснице к яме. Слуги долго не могут разжечь огонь, юноша просыпается и убегает. Купец идет в лес проверить выполнение приказа, садится в колесницу, слуги принимают его за его зятя и сбрасывают в яму вместе с колесницей.</p>	<p>Купец возвращается домой и узнает, что юноша стал его зятем. Он сговаривается с начальником завода, чтобы бросить юношу в печь, и отправляет юношу на завод. Но юноша задерживается в молении перед святыми иконами по настоянию своей жены. Купец отправляется на завод проверить выполнение приказа. Рабочие в темноте принимают его за юношу и бросают его в печь.</p>

Памятники Содержание	«Приклад» из Римских Деяний	«Сказание» (Тихонр.-361)	Повесть-1 (Арханг. С. № 138)	Повесть-2 (УЦ-67)
Финал	Кесарь постигает, что «прозрению Божию ничто может пропивиться», признает юношу своим зятем и наследником.	Юноша женится на дочери купца и становится его наследником.	Юноша становится наследником купца и благодарит за это Бога.	Жена и дочь купца принимают известие о его гибели с радостью, потому что Господь избавил их от «не милостиваго господина, а добраго и милостиваго зятя даль имъ настѣдником».

Сравнение произведений позволяет сделать ряд выводов. Прежде всего, можно гипотетически реконструировать инвариант сюжета о Марко Богатом, каким он представлен в русской рукописной книжности (левый столбец). Гипотетически — поскольку число найденных книжных вариантов все же невелико и нельзя исключить вероятности обнаружения других произведений. Вполне ожидаемо, что в нем нет сказочного путешествия героя к Змею с чудесными встречами и опросами. Все произведения представляют собой «душеполезные» тексты, в которых человеческая судьба поставлена в зависимость от Божиего промысла. Если принять, что этот инвариант включает три испытания — три попытки погубить юношу, то полный набор эпизодов содержат Повесть-1 и Повесть-2, а «Приклад» и «Сказание» передают сюжет в усеченном виде. Важно отметить, что все три испытания известны и фольклорным сказкам на этот сюжет, хотя комбинация их подвижна¹⁶. Отсутствие в «Прикладе» третьего испытания (кстати, хорошо известного европейской традиции) легко объяснить: нравственный смысл этого текста не в наказании грешника, а в его исправлении

¹⁶ В исследовании по данной теме мы использовали не менее 40 записей восточнославянской фольклорной сказки «Марко Богатый», включая неопубликованные, но перечислить все тексты не позволяет объем статьи.

и смирении перед Божией волей. По этой причине третье испытание, заканчивающееся гибелью «Марко», здесь лишнее.

В «Сказании о богатом купце» отсутствует второе испытание — письмо купца жене, которое подменяется, после чего юноша женится на его дочери. В результате свадьба юноши и дочери купца происходит, как уже было отмечено, после гибели последнего, и об исполнении важной части пророчества купец так и не узнает. Эта особенность текста может свидетельствовать о «выпадении» на каком-то этапе его истории этого звена.

Существование некоего общего для анализируемых произведений инварианта сюжета не позволяет тем не менее установить взаимоотношения между ними. Сомнительной представляется гипотеза Е. К. Ромодановской о зависимости «Сказания» от «Приклада»: каждый из этих текстов содержит такие фрагменты, которые отсутствуют во втором, но зато известны по другим вариантам. Разными в «Прикладе» и «Сказании» являются зачины: «Марко на ночлеге» и «Христос в гостях у Марко». Радикально отличается и финальная часть текстов: смирение героя перед Богом в одном случае и возмездие — в другом. Следует отметить, что «оптимистическая» версия «Приклада» совершенно не характерна и для фольклорных вариантов сказки о Марко Богатом. Общий мотив двух сочинений содержится в первом испытании: преследователь приказывает вынуть сердце младенца, но ему приносят сердце зайца («Приклад») или щенка («Сказание»). Но этот мотив не является уникальным, он встречается, например, в Повести о рождении и похождениях царя Соломона¹⁷ и в сказках о царе Соломоне¹⁸, откуда мог попасть в «Сказание» минуя «Приклад».

Совершенно по-разному разработан сюжет и в близких по времени создания «Сказании» и Повести-1: различаются и тип зачина («Христос в гостях у Марко», «Марко на ночлеге»), и сами испытания, и их количество (два в «Сказании», три в Повести-1). Примечательно, что даже функционально близкие мотивы имеют существенные отличия: так, в Повести-1

¹⁷ См.: Повесть о рождении и похождениях царя Соломона // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 455.

¹⁸ Тексты этих сказок указаны в: [Белоброва: 262].

слуги бросают купца в яму по ошибке, приняв его за юношу, — в «Сказании» же «работники» (ангелы) хорошо осознают, что перед ними купец Бендер («И работники, ухватиша за руки, поведоша во огонь, и купец возмолися им: "Братия, не сотворите ми зла и не умертвите мя, аз я хозяин, а не слуга". И работники ему сказали: "Твое уготованое место". И въвергоша его во огонь, и купец зле погип...» [Белоброва: 265]).

Наиболее близки между собой Повесть-1 и Повесть-2, однако и между ними обнаруживаются различия, которые не позволяют безоговорочно считать первый текст источником второго. Причем отличающиеся от Повести-1 мотивы в Повести-2, как правило, находят аналогию в устной традиции:

Повесть-1 (Арханг. С. № 138)	Повесть-2 (УЦ-67)	Фольклорные сказки о Марко Богатом
<p>Глас от Бога купцу</p> <p>«И бысть гласъ от Бога купцу тому сицевъ, яко "в сию ночь родится у земледѣльца младенецъ и будетъ обладати всѣмъ сокровищемъ твоимъ и богатствомъ"».</p>	<p>Разговор Христа и ангелов</p> <p>«В полунощи же под окномъ убогаго онаго нѣкий гласъ вопроси на столѣ почивающаго, глаголя: "Господи Владыко, Сыне Божий! Благослови и надѣли щастиемъ сего господина сына, сей ночи родившагося, у котораго изволилъ еси почивати, и богатаго онаго немилостиваго сей же ночи родившейся дщери". И абие отозвася на столѣ лежащий: "Святии ангели! Идите и служите обоимъ родившимся. И да будетъ сынъ убогаго онаго богатаму немилостивому зять и наслѣдникъ его богатства"».</p>	<p>Разговор Христа и ангела</p> <p>«В эту ночь в той деревне ночевали два странника; когда родился сын у крестьянина и дочь у купца, один странник (он был Ангел) и спрашивает у другого (Бога): "Чем наделить двух новорожденных младенцев?". Старший странник говорит: "Пусть сын бедного крестьянина женится на дочери богатого купца"¹⁹.</p>

¹⁹ Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества / издал А. М. Смирнов. Пг., 1917. Вып. 2. С. 795 (№ 309).

Повесть-1 (Арханг. С. № 138)	Повесть-2 (УЦ-67)	Фольклорные сказки о Марко Богатом
<p>Купец повелевает отрезать младенцу голову</p> <p>«И в пути идущу, рабу своему велѣлъ рабу (<i>так!</i>), отнесши в дебрь, главу отрѣзати младенцу».</p>	<p>Купец бросает младенца в снег</p> <p>«...и абие поверже младенца в глубокий снѣгъ, бѣ бо зима и мразу зѣло люту бывшу <...> И егда возвращающуся ему (игумену. — А. П.) от богатаго, узрѣ на деснѣй странѣ огонь, яко от печи. <...> И абие зреть младенца повержена, жива и весела играюща».</p>	<p>Марко бросает младенца в снег</p> <p>«Дело было зимою. Проехав несколько верст, Марко Богатый велел остановиться, отдал крестника своему приказчику <...>. Приказчик взял и бросил его в крутой овраг. <...> ...поравнились купцы против оврага, и послышался им детский плач. <...> ...там зеленый луг, а на том лугу сидит ребенок и играет цветами»²⁰.</p> <p>«Выехал среди волоку, загреб его в снег. Уехал от этого мальчишка. Ехали торговые и видят, над этим мальчиком отцвел цвет лазоревый. <...> Разгребли снег, сидит мальчик, играет цветами»²¹.</p>

²⁰ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. / изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М.: Наука, 1985. Т. 2. С. 346–347 (№ 305). (Сер.: Литературные памятники.)

²¹ Записки Красноярского подотдела Восточносибирского отдела императорского Русского географического общества. По этнографии. Томск, 1906. Т. 1. Вып. 2. С. 144 (№ 34).

Повесть-1 (Арханг. С. № 138)	Повесть-2 (УЦ-67)	Фольклорные сказки о Марко Богатом
<p>Купец повелевает слугам вырыть в лесу яму, разжечь в ней огонь и бросить в него юношу</p> <p>«Диаволимъ же навѣтомъ умысли дву рабъ своихъ, и посла ихъ в лѣсъ выкопати яму, и возложиша огня вели въ ямѣ той. И приказалъ имъ: "Какъ я к вамъ пришлю раба сего, и вы сожгите его"».</p>	<p>Купец повелевает бросить юношу в печь на заводе</p> <p>«По нѣкоемъ же времени совѣщася оный господинъ с приставником работ, еже бы зятя воврещи в пещь огненую» (на солеваренном заводе).</p>	<p>Марко повелевает бросить юношу в печь (котел, смолу) на заводе</p> <p>«...отправься с этим посланным на мыльный завод и как пойдешь возле большого кипучего котла, толкни его туда»²².</p> <p>«...есть у нас смолопивные заводы (смолу варят), а я напишу письмо, штобы смоловарь, как он придет, письмо подаст, так этого... штобы оны в смолу его и бросили»²³.</p>

Если основой для Повести-2 послужил текст типа Повести-1, то в этом случае автор Повести-2 осуществлял замену мотивов с оглядкой на фольклорную сказку. Но с таким же основанием можно предположить, что Повесть-2 представляет собой литературную обработку фольклорной сказки без обращения к литературному произведению²⁴.

²² Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. 2. С. 347.

²³ Ончуков Н. Е. Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губернии). СПб., 1908. С. 353.

²⁴ И. С. Мяндин, если он имел отношение к созданию этой повести, мог воспользоваться как текстом в устном бытовании, так и публикацией сказочного сюжета в каком-то издании середины — 3-й четверти XIX в. В настоящее время переработки Мяндиным фольклорных текстов не выявлены, но «в ряде мяндинских переделок отчетливо ощущается ориентация на поэтическую систему фольклора» [Волкова, 2015: 464]. В некоторые свои переделки он включал фрагменты или мотивы из устных нарративов [Волкова, 2015: 465].

Вернемся к предположению Е. К. Ромодановской о том, что литературные сочинения на сюжет «Марко Богатый» являлись источниками для фольклорной сказки, а не наоборот. Исследовательница сделала этот вывод («рабочую гипотезу») на основе двух произведений, одно из которых пришло в русскую литературу в составе переводного сборника, а к фольклорной традиции она не обращалась. Привлечение двух новых произведений (Повести-1 и Повести-2) и сравнение всех известных литературных текстов с фольклорными сказками убеждает в том, что картина была сложнее. Генетические связи между произведениями не очевидны, а использование при их создании мотивов из устных версий сюжета «Марко Богатый» не подлежит сомнению. В рукописной книжности «Сказание», Повесть-1 и Повесть-2, являющаяся к тому же поздним произведением, представлены единичными списками и вряд ли могли оказать существенное влияние на богатую фольклорную традицию сюжета, а «оптимистическая» версия «Приклада», как уже было сказано, не находит параллели в устных вариантах. Не исключено, что у русских рукописных произведений существовал какой-то не дошедший до нас или не обнаруженный пока литературный текст-архетип. Но порожденные им произведения, несомненно, подпитывались устной традицией. В свою очередь и этот предполагаемый литературный текст-архетип мог быть создан на основе фольклора. Нам приходится, таким образом, вернуться к старой идее В. Я. Проппа: «Сюжет может совершить круговорот, идя из устной традиции к письменной повести и оттуда, иногда у другого народа и в другие века, он может, именно в силу своей внутренней фольклорности, вернуться обратно в фольклор» [Пропп: 281].

По этой причине изучение «бродячих» сюжетов должно осуществляться по возможности с привлечением всей совокупности устных и литературных текстов. Исследование фольклорной или литературной традиции таких сюжетов отдельно представляется занятием малопродуктивным.

В приложении к статье публикуем текст повести из сборника БАН, Архангельское собрание, С. № 138.

ПРИЛОЖЕНИЕ

// (л. 327 об.) Бѣ нѣкий купецъ богатъ сый велми, и в пути ему бывшу, и прилучися ему преночевати у земледѣльца нѣкоего. И бысть гласъ от Бога купцу тому сицевъ, яко «в сию ночь родится у земледѣльца младенецъ и будетъ обладати всѣмъ сокровищемъ твоимъ и богатствомъ». Онъ же воставъ от сна. И се родился в нощи той сынъ у земледѣльца того. Вложи же диаволь мысль купцу по имѣнии своемъ жалость, еже бы имъ не обладалъ той младенецъ, егда приидеть в возрастъ. И купи его у земледѣльца, даль ему за младенца пятьдесятъ златникъ и взя с собою. И в пути идущу, рабу своему велѣлъ рабу (*так!*), отнесци в дебрь, главу отрѣзати младенцу. Рабъ же той, убося Страшнаго суда, положилъ его на древѣ живаго, обвита суца, а самъ себѣ ради знаку кроваваго обрѣза руку ради знаку. И прииде к господину своему, что бутто зарѣзалъ в крови младенца. Радъ же бысть о семъ купецъ.

На той часъ посланы быша от царя ловцы звѣрей в дебрь тую, идѣже младенецъ, и обрѣтоша младенца плачюща, и взяша его, и принесоша к царю. И царь воспитати повелѣ его. И егда же уже в возрастъ прииде и служити начатъ пред царемъ той младенецъ, и видѣ той купецъ, нѣкогда бывъ пред царем, того младенца в совершенномъ возрастѣ, служаща ему. И позна по сказанию многихъ, яко в дебри обрѣтенной есть. И позна, яко той есть младенецъ, купленный имъ. И самъ царь сказалъ купцу, како обрѣтоша его. И начатъ просити купецъ у царя того юноши себѣ. Понеже царь велми любилъ купца, и вдал // (л. 328) ему того юношу.

Тогда паки обрадовался купецъ и послалъ его в домъ к супруги своей. И написалъ рукописание с нимъ: какъ приидет сей новый рабъ, и она бы потребила вскорѣ. Благий же Богъ, вѣдый вся тайная наша и милоу незлобивыхъ, и посла аггела своего во стрѣчю юноши тому на пути. И вопросы юноши: что онъ камо грядеть. И онъ вся ему порядку сказалъ и грамоту показалъ. Аггелъ же Господень, подержавъ грамоту в руку, паки отдалъ юноши и велѣлъ итти безпечално. И пришед в домъ, и подасть грамоту госпожи. И бѣ написано в ней Божиимъ повелѣниемъ: «Какъ приидеть рабъ сей, и ты вдай единородную

дщерь нашу в жену, не дожидаяся мене». Она же, не мѣшкавъ, и впаде дщерь за него по писму тому.

По времени же купечества своего возвратися купецъ той в домъ и обрѣте юношу во умѣ своемъ, уже зять ему, и дѣтищъ уже родися ему. Тогда разтерза ризы своя, яко егоже повелѣ убитъ, аножно и дщерию облада. Дьяволимъ же навѣтомъ умысли дву рабъ своихъ и посла ихъ в лѣсъ выкопати яму и возложиша огня вели въ ямѣ той. И приказалъ имъ: «Какъ я к вамъ пришлю раба сего, и вы сожгите его». И напоиль его и послалъ к нимъ. Богу же милующу раба сего: якоже и благочестиваго сына от мечника избави, сице и сего незлобиваго.

Привезоша сего юношу на колесницы ко ямѣ огню, напоиша пьяна аки мертва. И раби тии спаша, яже разжигати посланы огонь, а огонь еще за ихъ сномъ не разгорѣ велми. Воспрянувъ же юноша той от сна и пьянства, на колесницѣ везомый на смерть. И видѣвъ огонь той велий палящъ въ ямѣ, и разумѣвъ, яко его ради огонь той сотворенъ, избѣг с колесницы от огня в дебрь.

Господинъ же поиде досмотритися къ ямѣ дѣла сего и помысли, // (л. 328 об.) яко уже згорѣ рабъ той въ ямѣ, понеже не обрѣтесе на колесницѣ. Радостенъ бысть о семъ, что «Уже не обладаетъ сокровищемъ, рече, моимъ». И выде от руда шедшаго (*так!*) на колесницу, и успе зѣло. Раби же тии соннии оснувшесе, и видѣша уже огонь велми разгорѣся, и взявше колесницу со всѣмъ, мняще ту юношу того спяща, и ввергоша з господиномъ колесницу въ яму огненную, и згорѣ.

Юноша же пришедъ в домъ и облада домомъ и сокровищемъ всѣмъ, во всемъ ходя и благодаря Бога. И збытсѣ Писание: «Ровъ изры и ископа другу, и самъ впаде».

Список сокращений

- БАН — Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург).
 ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург).
 РГБ — Российская государственная библиотека (Москва).
 СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979.

ATU — Uther H.-J. The Types of International Folktales: A Classification and Bibliography. 2004. Parts I–III. Helsinki. 2004.

Список литературы

1. Белоброва О. А. Сказание о богатом купце // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Наука, Изд-во АН СССР, 1965. Т. 21. С. 259–265.
2. Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: в 2 т. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. Т. 1. [8], IV, 643 с.
3. Веселовский А. Н. Konstantinische Sagen. 1875 // Веселовский А. Н. Работы о фольклоре на немецком языке (1873–1894). Тексты. Опыт параллельного перевода. Комментарии. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 96–151.
4. Владимиров П. В. «Великое Зерцало» (Из истории русской переводной литературы XVII века). М.: В Универ. тип., 1884. [2], XIV, 106, 79 с.
5. Волкова Т. Ф. Иван Степанович Мяндин — редактор древнерусских повестей (Некоторые итоги изучения литературного наследия печорского книжника) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т. 57. С. 839–890.
6. Волкова Т. Ф. Фольклорные темы и образы в литературных переработках древнерусских сюжетов И. С. Мяндина // Рябининские чтения — 2015: мат-лы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2015. С. 463–465.
7. Георгиевский Г. П. Собрание Н. С. Тихонравова. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1913. Вып. 1: Рукописи. 127 с.
8. Державина О. А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М.: Наука, 1965. 440 с.
9. Карманова Н. А. Печорский крестьянин-старообрядец И. С. Мяндин — переписчик и редактор новелл «Великого Зерцала» // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2006. Вып. 11. С. 90–110.
10. Кузнецова В. С. О сюжетных разновидностях сказки о Марко Богатом (AaTh 461) в русских сибирских записях // I Сибирский форум фольклористов: тезисы докладов. Новосибирск: Академиздат, 2016. С. 56–58. (Сер.: Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока.)
11. Кузнецова В. С. Легенда о Христе в составе сказки о Марко Богатом: устные и книжные источники славянских повествований // Вестник славянских культур. 2017. Т. 46. С. 122–134.
12. Кузнецова В. С. Восточнославянские разновидности сюжета о Марко Богатом (AaTh 930) в сибирском бытовании // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 60. С. 168–182. DOI: 10.17223/19986645/60/11 (a)
13. Кузнецова В. С. Разновидности сюжета о Марко Богатом (AaTh 930) в восточно- и южнославянских записях // Вестник славянских культур. 2019. Т. 52. С. 104–116. (b)
14. Лобакова И. А. Историческая повесть о митрополите Филиппе. Литературные источники и их интерпретация конца XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Т. 55. С. 301–312.

15. Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1960. 215 с.
16. Пигин А. В. Древнерусская Повесть о Христовом крестнике: проблема жанра // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 4. С. 42–67 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1571047274.pdf (01.07.2022). DOI 10.15393/j9.art.2019.5781
17. Потанин Г. Н. К сказке о Марке Богатом // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1895. Т. 13. Вып. 2. С. 61–69.
18. Потанин Г. Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М.: Типо-литография товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1899. 893 с.
19. Пропп В. Я. Поэтика фольклора / сост., предисл. и коммент. А. Н. Мартьяновой. М.: Лабиринт, 1998. 352 с.
20. Ромодановская Е. К. Западные сборники и оригинальная русская повесть (К вопросу о русификации заимствованных сюжетов в литературе XVII — начала XVIII в.) // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1979. Т. 33. С. 164–174.
21. Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге нового времени: пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск: Наука, 1994. 232 с.
22. Ромодановская Е. К. «Римские деяния» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3: П–С. С. 304–307.
23. Ромодановская Е. К. Римские Деяния на Руси. Вопросы текстологии и русификации: исследование и издание текстов. М.: Индрик, 2009. 968 с.
24. Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII в. Материалы для истории русской литературы XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 268 с.
25. Сумцов Н. Ф. Сказки и легенды о Марке Богатом // Этнографическое обозрение. М., 1894. № 1 (кн. 20). С. 9–29; Дополнения к статье о Марке Богатом. № 2 (кн. 21). С. 176–177.

References

1. Belobrova O. A. The Tale of a Rich Merchant. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Moscow, Leningrad, Nauka, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1965, vol. 21, pp. 259–265. (In Russ.)
2. Buslaev F. I. *Istoricheskie ocherki russkoy narodnoy slovesnosti i iskusstva: v 2 tomakh* [Historical Essays of Russian Folk Literature and Art: in 2 Vols]. St. Petersburg, Tipografiya tovarishchestva “Obshchestvennaya pol’za” Publ., 1861, vol. 1. 643 p. (In Russ.)
3. Veselovskiy A. N. Konstantinische Sagen. 1875. In: *Veselovskiy A. N. Raboty o fol’klore na nemetskom yazyke (1873–1894). Teksty. Opyt parallel’nogo perevoda. Kommentarii* [Veselovsky A. N. Works on Folklore in German (1873–1894). Texts. Experience of Parallel Translation. Comments]. Moscow,

- The Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2004, pp. 96–151. (In Russ.)
4. Vladimirov P. V. “Velikoe Zertsalo” (*Iz istorii russkoy perevodnoy literatury XVII v.*) [“The Great Mirror” (*From the History of Russian Translated Literature of the 17th Century*)]. Moscow, V Universitetskoy tipografii Publ., 1884. [2], XIV, 106, 79 p. (In Russ.)
 5. Volkova T. F. Ivan Stepanovich Myandin — Editor of Old Russian Novels (Some Results of the Study of the Literary Heritage of the Pechora Scribe). In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2006, vol. 57, pp. 839–890. (In Russ.)
 6. Volkova T. F. Folklore Themes and Images in Literary Reworkings of Old Russian Plots by I. S. Myandin. In: *Ryabininskie chteniya — 2015: materialy VII konferentsii po izucheniyu i aktualizatsii kulturnogo naslediya Russkogo Severa* [*Ryabinin Reading — 2015: Materials of the 7th Conference on the Study and Actualization of the Cultural Heritage of the Russian North*]. Petrozavodsk, 2015, pp. 463–465. (In Russ.)
 7. Georgievskiy G. P. *Sobranie N. S. Tikhonravova* [*Collection of N. S. Tikhonravov*]. Moscow, Pechatnya A. I. Snegirevoy Publ., 1913, issue 1: Manuscripts. 127 p. (In Russ.)
 8. Derzhavina O. A. “Velikoe Zertsalo” i ego sud’ba na russkoy pochve [“The Great Mirror” and Its Fate in the Russian Tradition]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 440 p. (In Russ.)
 9. Karmanova N. A. Pechora Peasant Old Believer I. S. Myandin — Copyist and Editor of the Tales of “The Great Mirror”. In: *Staroobryadchestvo: istoriya, kultura, sovremennost’* [*The Old Believers: History, Culture, Modernity*]. Moscow, 2006, issue 11, pp. 90–110. (In Russ.)
 10. Kuznetsova V. S. About the Plot Varieties of the Tale of Marko the Rich (AaTh 461) in Russian Siberian Records. In: *I Sibirskiy forum fol’kloristov: tezisy dokladov. Seriya “Pamyatniki fol’klora narodov Sibiri i Dalnego Vostoka”* [*1st Siberian Forum of Folklorists: Abstracts of Reports. The Series “Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East”*]. Novosibirsk, Akademizdat Publ., 2016, pp. 56–58. (In Russ.)
 11. Kuznetsova V. S. Legend of Christ Within the Folktale About Marko the Rich: Oral and Book Sources of Slavic Narratives. In: *Vestnik slavyanskikh kul’tur* [*Bulletin of Slavic Cultures*], 2017, vol. 46, pp. 122–134. (In Russ.)
 12. Kuznetsova V. S. East Slavic Varieties of the Plot About Marko the Rich (AaTh 930) in the Siberian Texts. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [*Tomsk State University Journal of Philology*], 2019, no. 60, pp. 168–182. DOI: 10.17223/19986645/60/11 (In Russ.) (a)
 13. Kuznetsova V. S. Versions of the Plot About Marko the Rich (AaTh 930) in the East- and South Slavic Texts. In: *Vestnik slavyanskikh kul’tur* [*Bulletin of Slavic Cultures*], 2019, vol. 52, pp. 104–116. (In Russ.) (b)
 14. Lobakova I. A. The Historical Tale About Metropolitan Philip. Literary Sources and Their Interpretation of the End of the 17th Century. In: *Trudy*

- Otdela drevnerusskoy literatury*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2004, vol. 55, pp. 301–312. (In Russ.)
15. Malyshev V. I. *Ust'-Tsilenskies rukopisnye sborniki XVI–XX vekov [Ust-Tsilma Manuscript Collections of the 16th–20th Centuries]*. Syktyvkar, Komi Book Publishing House Publ., 1960. 215 p. (In Russ.)
 16. Pigin A. V. The Old Russian Tale of Christ's Godson: the Problem of Genre. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2019, vol. 17, no. 4, pp. 42–67. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1571047274.pdf (accessed on July 1, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2019.5781 (In Russ.)
 17. Potanin G. N. To study the Tale of Marko the Rich. In: *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete [Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at the Imperial Kazan University]*. Kazan, 1895, vol. 13, issue 2, pp. 61–69. (In Russ.)
 18. Potanin G. N. *Vostochnye motivy v srednevekovom evropeyskom epose [Oriental Motifs in the Medieval European Epic]*. Moscow, Tipo-litografiya tovarishchestva I. N. Kushnerev i K^o Publ., 1899. 893 p. (In Russ.)
 19. Propp V. Ya. *Poetika fol'klora [The Poetics of Folklore]*. Moscow, Labirint Publ., 1998. 352 p. (In Russ.)
 20. Romodanovskaya E. K. Western Collections and the Original Russian Short Novel (on the Question of Russification of Borrowed Plots in the Literature of the 17th — Early 18th Century). In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Leningrad, Nauka Publ., 1979, vol. 33, pp. 164–174. (In Russ.)
 21. Romodanovskaya E. K. *Russkaya literatura na poroge novogo vremeni: puti formirovaniya russkoy belletristiki perekhodnogo perioda [Russian Literature on the Verge of Modern Times: Ways of Formation of the Russian Belles-Lettres in the Transitional Period]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1994. 232 p. (In Russ.)
 22. Romodanovskaya E. K. "Roman Acts". In: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi [Dictionary of the Scribes and Literature of Old Russia]*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1998, issue 3, part 3, pp. 304–307. (In Russ.)
 23. Romodanovskaya E. K. *Rimskie Deyaniya na Rusi. Voprosy tekstologii i rusifikatsii: issledovanie i izdanie tekstov [Roman Acts in Russia. Issues of Textology and Russification: Research and Publication of Texts]*. Moscow, Indrik Publ., 2009. 968 p. (In Russ.)
 24. Speranskiy M. N. *Rukopisnye sborniki XVIII v. Materialy dlya istorii russkoy literatury XVIII veka [Handwritten Collections of the 18th Century. Materials for the History of Russian Literature of the 18th Century]*. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963. 268 p. (In Russ.)
 25. Sumtsov N. F. Fairy Tales and Legends About Marko the Rich. In: *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*. Moscow, 1894, no. 1 (book 20), pp. 9–29; Additions to the Article About Marko the Rich, no. 2 (book 21), pp. 176–177. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пигин Александр Валерьевич, доктор *Alexander V. Pigin*, PhD (Philology), филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела древнерусской литературы, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Российская академия наук (наб. Макарова, 4, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034); ORCID: 0000-0002-9306-1421; e-mail: av-pigin@yandex.ru. Professor, Leading Researcher of the Department of Ancient Russian Literature, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences (nab. Makarova 4, St. Petersburg, 199034, Russian Federation); ORCID:0000-0002-9306-1421; e-mail: av-pigin@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 30.08.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 14.10.2022

Принята к публикации / Accepted 20.10.2022

Дата публикации / Date of publication 21.11.2022

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11502

EDN: SIBVSH

Парафразы сказок А. С. Пушкина в фольклорной традиции Карельского Поморья

В. Р. Созина

*Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

e-mail: valerya.sozina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрен процесс перехода фольклорных сказок в литературу и обратный процесс их перехода в народную среду. Определен объем понятия «фольклорный пересказ», указаны способы знакомства исполнителей фольклора с литературной сказкой, поставлены ключевые вопросы этнопоэтики фольклористики: в чем отличие русской сказки от сказок других народов? что сохраняется от литературных текстов при переходе в фольклор? Основываясь на понятии парафразы в трактовке И. А. Есаулова, автор произвел анализ сказок, совпадающих с сюжетными типами пушкинских текстов, записанных в XIX в. на территории Карельского Поморья. Данные материалы хранятся в Научном архиве Карельского научного центра РАН. Из них лишь два текста опубликованы в сборнике «Русские народные сказки Карельского Поморья». Наибольшее количество вариантов записано на сюжет «Сказки о рыбаке и рыбке». Один вариант зафиксирован на сюжет «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» от А. Е. Старикова. Для пересказов пушкинской «Сказки о царе Салтане» характерны трансформация образа моря (сказка Е. И. Ладиной), двойная фольклорная обработка литературного текста (Е. А. Сахарова) и краткость (А. И. Сулонова). Сюжет сказки о попе и его работнике в Карельском Поморье был зафиксирован дважды: первый вариант практически полностью повторяет литературный текст, второй — теряет православный код пушкинского текста. Особое значение в пушкинских текстах имеет морская стихия. Она может отражать настроение помощника (Рыбки), являться центром мироздания или же местом обитания нечистой силы. В фольклорных пересказах пушкинских текстов на территории Карельского Поморья море воспринимается как естественная преграда или же пропускается. Перехода в устную народную среду, пушкинские сказки, как правило, сохраняют православный код русской культуры.

Ключевые слова: сказка, фольклорный пересказ, А. С. Пушкин, парафраз, христианство, мотив, сюжет, Карельское Поморье

Благодарность. Исследование проведено в рамках реализации Программы поддержки НИОКР студентов и аспирантов ПетрГУ, финансируемой Правительством Республики Карелия, проект «Русские говоры Карельского Поморья: цифровая репрезентация народной речевой культуры».

Для цитирования: Созина В. Р. Парафразы сказок А. С. Пушкина в фольклорной традиции Карельского Поморья // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 4. С. 70–89. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11502. EDN: SIBVSH

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11502

EDN: SIBVSH

Paraphrases of Fairy Tales by A. S. Pushkin in the Folk Tradition of Karelian Pomerania

Valeria R. Sozina

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: valerya.sozina@yandex.ru

Abstract. The article considers the process of transition of folklore fairy tales into literature, and the reverse process of their transition into the folk environment: the scope of the “folklore retelling” concept is determined, ways of acquaintance of folklore performers with literary fairy tales are highlighted, key questions of ethnopoetics of folklore are posed: what is the difference between the Russian fairy tales and the fairy tales of other peoples? What part of literary texts is preserved in the transition to folklore? Based on the concept of paraphrase in the interpretation of I. A. Esaulov, fairy tales that coincide with the plot types of Pushkin’s texts, recorded in the 20th century on the territory of the Karelian Pomerania, are analyzed. These materials are stored in the scientific archive of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Only two of these texts were published in the “Russian folk tales of the Karelian Pomerania” collection. The largest number of versions was recorded for the “Tales of the Fisherman and the Fish” plot. One version of the plot of “The Tale of the Dead Princess and the Seven Bogatyrs” from A. E. Starikov was discovered. The retellings of Pushkin’s “The Tale of Tsar Saltan” are characterized by the transformation of the image of the sea (the fairy tale by E. I. Ladina), the double folklore processing of the literary text (E. A. Sakharova) and brevity (A. I. Suslonova). The plot of the tale about the priest and his worker in the Karelian Pomerania was found twice: the first version almost completely repeats the literary text, the second one loses the Orthodox code of Pushkin’s text. The sea element is of particular importance in Pushkin’s texts. It can reflect the mood of the assistant (Fish), be the center of the universe or the habitat of evil spirits. In folklore retellings of Pushkin’s texts in the Karelian Pomerania, the sea is perceived as a natural barrier or is skipped. As they pass into the oral folk environment, Pushkin’s tales, as a rule, retain the Orthodox code of Russian culture.

Keywords: fairy tale, folklore retelling, A. Pushkin, paraphrases, Christianity, motif, plot, Karelian Pomerania

Acknowledgments. The research was made possible in part by R&D Support Program for undergraduate and graduate students of PetrSU, funded by the Government of the Republic of Karelia.

For citation: Sozina V. R. Paraphrases of Fairy Tales by A. S. Pushkin in the Folk Tradition of Karelian Pomerania. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2022, vol. 20, no. 4, pp. 70–89. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11502. EDN: SIBVSH (In Russ.)

Сказки являются неотъемлемой частью русской литературы. Богатство сюжетов, типизированность героев, глубокая мудрость и сверкающее остроумие — эти и многие другие достоинства русской сказки отмечены многими писателями и исследователями этого жанра. Значение сказок для русской культуры отмечал и А. С. Пушкин: «Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!» [Пушкин, 1937: 121], — писал он в письме брату.

Сказки во все времена являлись одним из самых популярных жанров в народе. Начиная с первых упоминаний в летописях XII в. этот жанр был неразрывно связан с литературой. Это подтверждали исследователи, выделявшие фольклорную основу и фантастические преувеличения в преданиях летописцев, прямые аналогии с популярными сказочными сюжетами в повестях древнерусской литературы, трансформацию в форму волшебной сказки переводных повестей [Ведерникова]. Так, можно отметить сказочное утروение и усложнение испытаний в летописном рассказе о мести княгини Ольги. Еще один пример: в «Повести о Горе Злочастии» прослеживается совпадение со сказками о Доле, которая преследует бедняка. Уже изначально подготовка к печати текстов народных сказок поставила в литературоведении сложный вопрос авторства: если первые публикации в конце XVIII в. (см., напр., сб. В. Левшина «Русские сказки» 1780–1783 гг.) отличались активной обработкой текстов, то начиная с издания А. Н. Афанасьева фольклорные материалы печатались в переведанном виде и с вариантами.

Проблема влияния устного народного творчества на произведения А. С. Пушкина волновала многих исследователей (см.: [Азадовский, 1938], [Волков], [Леонова], [Лупанова] и др.).

Фольклоризм поэта определялся привлечением всего богатства родного и мирового фольклора: от сюжетов, мотивов и образов до народно-поэтического языка и символов. Пушкин перекладывал фольклорные сюжеты в стихи и поэтому называл сказки поэмами [Пропп, 2000: 92]. В результате общения с Ариной Родионовной и декабристами, кропотливого собирания и исследования фольклора поэт создал шесть сказок.

Литературные сказки Пушкина «полигенетичны» [Иванова, Лобкова] по своему происхождению. Как отмечал В. М. Гацак, «движение от фольклора к литературе — первое особо крупное преобразование художественного творчества» [Гацак: 292]. Обратный процесс: переход литературных сказок в фольклор, т. е. фольклоризация литературных сюжетов или рефольклоризация, — фольклористами расценивался как снижение качества текста, потеря авторской индивидуальности.

Не все народные сказки, совпадающие по сюжету с литературным текстом, являются его пересказом, поэтому необходимо определить объем понятия «фольклорный пересказ». В монографии «Русская сказка» В. Я. Пропп дает определение понятия «сказка» [Пропп, 2000: 22–28], от которого мы и будем отталкиваться. Пересказ сохраняет все элементы жанра, выделенные ученым: устное бытование, развлечение, композиционно-стилистическое построение, установку на вымысел. Главное отличие пересказа от фольклорной сказки заключено в сохранении исполнителем ключевых элементов сюжета и фрагментов литературного текста; значительные трансформации, как правило, затрагивают хронотоп и стилистику. Не всегда пересказ «узнается» сразу, иногда для этого необходимо проведение сопоставительного исследования [Иванова, Лобкова]. По мнению В. Я. Проппа, литературная сказка может начать функционировать как фольклорный текст: «...попасть в орбиту народного обращения, начать курсировать, давать варианты, передаваться из уст в уста...» [Пропп, 2000: 25].

Знакомство исполнителя с литературной сказкой происходит несколькими способами: непосредственное чтение текста, если он грамотен; прослушивание прочитанного текста; устная передача (из уст в уста) или через радио и телевидение. Влияние телевидения на фольклор подтверждается не только

совпадением сюжетов и стилистики некоторых текстов (это, скорее, влияние книжной традиции), но и свидетельством самих исполнителей. Так, нами были обнаружены два текста, записанные от М. А. Сахатаровой из д. Ярчево Пудожского района, которая сказку о мертвой царевне начинала со слов «По телевизору как...»¹, а сказку о рыбаке и рыбке отказывалась рассказать, объясняя это так: «...дак это ведь вы знаете все. Только я по телевизору её слышала, так не знаю, старинного не знаю»².

В истории фольклористики записи пересказов литературных сказок — явление, встречающееся нечасто. Так, в монографии «Пушкин. Итоги и проблемы изучения» И. М. Колесницкая отметила две песни, которые были записаны собирателями в середине 1930-х гг. в Беломорье, на стихи из пушкинской «Сказки о царе Салтане» [Колесницкая: 444, сноска 40]. В 1927–1928 гг. В. И. Чернышев предпринял попытку собирания фольклорных текстов, в том числе пересказов пушкинских сказок в Пушкинском районе Псковской области и в Болдино [Чернышев: 283–287]. Исследователь не ставил перед собой целью дать подробный научный анализ полученных текстов, хотя о необходимости изучения вариантов фольклорных текстов писали многие (см., напр.: [Померанцева: 17–18]).

В конце XIX в. А. Н. Веселовским было основано новое направление в литературоведении — историческая поэтика, которое в XX в. было развито в трудах В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского и других исследователей [Пропп, 1969, 1998, 2002], [Мелетинский]. В поэтике фольклора были определены и охарактеризованы такие категории, как жанр, отношение к действительности, герой (тип), время и т. д.

В конце XX в. была сформулирована задача для появления еще одного литературоведческого направления: «Среди различных дисциплин, которые начинаются словом *этно-*, явно не хватает еще одной — *этнопоэтики*, которая должна изучать национальное своеобразие конкретных литератур, их место в мировом художественном процессе» [Захаров: 9].

¹ Сахатарова 1975 — Научный архив Карельского научного центра Российской академии наук (далее: НА КарНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Кол. 82. № 145. Л. 256.

² Там же. Л. 258.

Одной из проблем этнопоэтики в фольклористике является ответ на вопрос: чем русская сказка отличается от сказок других народов? Есть ли нечто общее, помимо сюжета, в сказках разных народов и разных эпох? Что остается в литературной сказке от фольклорной, а от литературной иноязычной — в русской литературной сказке?

О том, что делает русскую литературу именно русской, писал еще Пушкин в статье «О народности в литературе»: «Один из наших критиков, кажется, полагает, что народность состоит в выборе предметов из Отечественной истории <...> Народность в писателе есть достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками — для других оно или не существует или даже может показаться пороком» [Пушкин, 1949]. Народность в литературе автор определяет по-своему: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более и <ли> менее отражается в зеркале поэзии» [Пушкин, 1949]. Следовательно, по мнению поэта, на литературу оказывают влияние природа, государство и религия народа.

На развитие новой русской литературы оказывало воздействие такое явление, как парафраз [Есаулов, 2019]. Была предложена генерализация термина парафраз по отношению не к частному явлению, а к общей тенденции в становлении русской литературы. Впервые термин «парафраз» был использован в заголовке сборника В. К. Третьяковского, А. П. Сумарокова и М. В. Ломоносова. Три поэта «поспорили»: каждый написал оду на псалом 143. В одной книжке оказались три попытки «перевести» церковнославянский текст на «светский» русский язык. Как отмечает И. А. Есаулов, это было больше, чем спор, больше, чем просто перевод, это было «переложение текста одного типа культуры на другой» [Есаулов, 2019: 31].

Фольклорные пересказы пушкинских сказок в Карелии можно охарактеризовать как парафраз (парафраз). На исполнителей влияли два культурных «тока»: сказочники были знакомы с литературой (например, знали тексты сказок А. С. Пушкина, Г. Х. Андерсена, братьев Гримм и др.), многие из них также читали или слышали от других печатные публикации народных сказок.

В статье проанализированы пересказы пушкинских сказок, записанные в XX в. на территории Карельского Поморья. Эти материалы хранятся в фольклорном фонде Научного архива Карельского научного центра Российской академии наук (НА КарНЦ РАН).

«Сказка о рыбаке и рыбке» была заимствована из сборника братьев Гримм, французский перевод которого имелся в библиотеке поэта [Азадовский, 1936: 138, 148]. Еще в 1900 г. Н. Ф. Сумцов обратил внимание на близость обеих сказок, но не указал на непосредственный источник заимствования [Азадовский, 1936: 139]. Поэт приписал происхождение этого сюжета славянам «поморянам», т. е. древним жителям Померании [Томашевский: 435]. Пушкинский текст не был простым переводом. Нельзя и утверждать, что в нем говорится только о жадной старухе — это было бы буквальным прочтением сказки. Поэт кардинально изменил конфессиональный аспект сюжета: в сказке братьев Гримм предпоследнее желание старухи — приказ сделать ее Римским Папой — неисполнимо в католической церкви: Папу выбирают, а не назначают. В русской сказке выполнение последнего желания героини стать самим Богом, повелевающим солнцем и месяцем, невозможно представить, поскольку оно нарушает заповеди христианства (поклонение иным Богам, кроме Христа, и создание кумира).

Сюжет о старике и его волшебном покровителе популярен в фольклорной традиции Карелии: в архиве нами было обнаружено 20 вариантов сказок на этот сюжет, из них 11 записано от исполнителей, живущих возле Белого моря. Во всех пересказах «Сказки о рыбаке и рыбке» сохраняется главный внутренний смысл сказки: неисполненное последнее желание героини.

Первый вариант³ был записан И. Этиной от Н. К. Степановой (д. Кандалакша Кемского района) в 1935 г. Это единственный текст данной исполнительницы, но он удивляет своим наполнением. Старуха, получив от золотой рыбки двух слуганок, пытается уничтожить волшебного дарителя. Узнав об

³ Степанова 1935 — НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 56. № 233. Л. 436–437.

этом, рыбка забирает у нее «хижинку», «корытико» и прислугу.

В 1938 г. в Сумском Посаде М. А. Шнеерсон и И. М. Колесницкая от Е. В. Рохмистовой записали сказку, которая затем была опубликована в сборнике «Русские народные сказки Карельского Поморья»⁴. Этот текст интересен тем, что Рыбка дарит старухе не избу или терем, как это ожидается в фольклорной традиции, а келью. Слово «келья» имеет два значения: переносное («небольшая комната одинокого человека») и прямое, религиозное («отдельная комната или жилище монаха»). Еще одна особенность текста — переложение дидактической функции Рыбки на старика. Он, а не помощник, говорит старухе: «Не умела ты, голубушка, в добре жить, так сиди-ка в старом корыте»⁵.

В 1967 г. в г. Кемь А. П. Разумова и А. А. Митрофанова записали от А. А. Власовой «Сказку о рыбаке и рыбке»⁶. Этот текст является практически полным пересказом пушкинской сказки: идентично описание главных героев, тройное закидывание невода стариком, встреча с золотой рыбкой, молчаливый уход помощницы и исчезновение богатств. Исполнительница дает личную характеристику действиям старухи, называя их «капризами».

В апреле 1968 г. состоялась экспедиция карельских фольклористов в Поморье. Собирателями А. П. Разумовой и Н. А. Лавонен было записано 4 сказки на сюжет СУС 555 «Золотая рыбка».

В с. Нюхча текст был записан от Ф. Н. Кичигиной⁷, в с. Шижня — от А. Ф. Соболевой⁸, в с. Сумский Посад — от А. И. Суслоновой⁹

⁴ Русские народные сказки Карельского Поморья / вступ. ст. А. П. Разумовой; АН СССР, Карельск. филиал. Ин-т яз., лит. и ист. Петрозаводск: Карелия, 1974. С. 291–294.

⁵ Там же. С. 294.

⁶ Власова 1967 — НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 125. № 11. Л. 23–24.

⁷ Кичигина 1968 — НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 126. № 36. Л. 36–37.

⁸ Соболева 1968 — НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 126. № 5. Л. 5–6.

⁹ Суслонова 1968 — НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 126. № 116. Л. 136–137.

и А. Г. Трифионовой¹⁰. Все исполнительницы, кроме А. Ф. Соболевой, отмечали, что когда-то читали сказку А. С. Пушкина. Этим обусловлено то, что все тексты сохраняют основные мотивы литературной сказки, характеры героев типизируются, но передают идею автора, язык близок к пушкинскому тексту, но дополняется диалектизмами и просторечием. В первых трех вариантах сохраняется авторский смысл текста: волшебный помощник забирает материальные блага у той, которая вознамерилась стать Богом. Предполагаем, что этот же финал мог быть и у четвертого текста (А. Г. Трифионовой), однако архивная запись обрывается комментарием собирателей, что исполнительница дальше плохо знает текст.

Следующая экспедиция в Карельское Поморье состоялась в ноябре 1968 г. Собиратели А. П. Разумова и Т. И. Сенькина записали 3 текста на сюжет сказки о золотой рыбке (СУС 555).

От У. Т. Зайковой из с. Шуерецкое было записано 2 текста о жадной старухе. Собиратели отметили в паспортных данных, что сказочница была грамотной и сама читала книги. Первая сказка «Береза»¹¹ не имеет ничего общего с пушкинским текстом, хотя они и принадлежат к одному типу СУС 555. А вот текст «О золотой рыбке»¹² является пересказом литературной сказки: это подтверждается сохранением всех мотивов и стилистики текста. Несмотря на то, что исполнительница пропускает только незначительные детали, она кардинально меняет смысл текста. Когда старуха требует сделать ее вольной царицей и чтобы ей повиновалась волшебная рыбка, ее желание исполняется! Здесь наказан муж, а не его жена, обладающая властным характером.

В с. Шуерецкое была записана также сказка от Н. Г. Никитиной¹³. Ее можно охарактеризовать как фольклорный пересказ пушкинского текста: исполнительница сохраняет ключевые элементы сюжета, ритмичное построение и православный смысл.

¹⁰ Трифионова 1968 — НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 126. № 92. Л. 108–109.

¹¹ Зайкова 1968 — НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 127. № 14. Л. 15–16.

¹² Зайкова 1968 — НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 127. № 15. Л. 16–17.

¹³ Никитина 1968 — НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 127. № 38. Л. 30–32.

Неизвестно, какие источники послужили основой для «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях». Первоначально существовало мнение, что сказку рассказала Арина Родионовна [Розов: 31]. Против этой версии выступал В. В. Сиповский: «... "Сказка о мертвой царевнѣ" болѣе принадлежить западу, чѣмъ русскому народу...» [Сиповский: 82]. Мнение Сиповского подтвердил М. К. Азадовский: многие мотивы не характерны для русской традиции. Так, в русских сказках нет описания рождения девочки, а соперничество мачехи и падчерицы зафиксировано лишь дважды: в сборниках сказок начала XX в. Н. Е. Ончукова и Д. К. Зеленина [Азадовский, 1936: 144–145]. Данную точку зрения оспорила И. П. Лупанова, которая установила, что мотив зависти мачехи встречается в русской сказочной традиции пять раз: «...он наличествует в старинной сказке о "Старчиках-келейчиках"...» [Лупанова: 191]. Т. В. Зуева добавила еще два фольклорных источника: украинский вариант сказки и былинку из сборника Кирши Данилова «Добрыня чудь покорил» [Зуева: 96–97].

В сказке русского поэта большое значение имеет православный быт. Пушкинская Царевна появляется на свет в Сочельник накануне православного праздника. Сочельник в православной традиции бывает два раза в год: первый накануне Рождества Христова (24 декабря или 6 января по н. с.), а второй — перед Богоявлением Господним (18 января). Еще одним характерным фактом является соблюдение отцом важного в христианской традиции закона: вторично жениться после смерти жены муж может лишь через год. В финальном эпизоде поэт сохраняет важнейшее христианское таинство, обязательное для каждого: венчание героев. В сказке Пушкина историческое время представлено на уровне быта героев (например, иконы над столом) и в лексике — служанка, отпуская царевну в лес, благословляет ее на долгий путь словами: «...бог с тобой!»¹⁴; Елисей усердно молится перед поисками пропавшей невесты, а когда обращается за помощью к Ветру, оговаривается, что не боится никого, кроме Бога.

¹⁴ Сохранено написание слова «Бог» цитируемого издания (В. С.).

На территории Карельского Поморья был зафиксирован только один пересказ¹⁵ пушкинской «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях». В нем отсутствуют христианские атрибуты. Отсутствие элементов православного быта связано с тем, что сказка записывалась в советское время, в середине XX в., когда в стране на всех уровнях происходило «искоренение Церкви и веры» [Есаулов, 2012: 275]. Также это обусловлено тем, что исполнитель, А. Е. Стариков из д. Кереть, объединил пушкинский текст со сказками братьев Гримм и Г. Х. Андерсена (так, в пересказе мачехе изготавливают железные туфли, в которых она танцует).

«Сказка о царе Салтане...» — самая сложная по структуре. В ней объединены два сюжета: о невинно гонимой жене и о прекрасной царевне Лебедь [Медриш: 96]. Начало сказки отсылает нас к лубочной традиции (гадание на жениха) [Герчук: 76], усиленной народными приметам и христианской традицией: поверье «что услышишь под окном, того и жди» и приказ царя родить сына к осени позволяют предположить, что действие происходит в Святки (святые дни, которые начинаются в Рождество и заканчиваются Крещением; 25 декабря — 6 января по юлианскому календарю). Традиционный для сказки мотив «нарушения запрета», за которым следует наказание, представлен в трансформированном виде: как запрещенное в православии гадание и как нарушение главными героями церковного канона — венчание в Святки строго запрещено, ведь именно в это время человеку открыт опасный потусторонний мир. Вероятно, поэтому главным героям предстоит пройти испытания, прежде чем обрести семейное счастье.

В фольклорном архиве представлены три пересказа пушкинской «Сказки о царе Салтане». Первый¹⁶ был записан от Е. И. Ладиной (д. Кереть). Он интересен тем, что в нем трансформирован образ моря: не оно помогает героям оказаться на суше — помощь оказывает Бог (сын просит: «Матушка, хоть бы нас к бережку прибило»¹⁷; на что мать отвечает: «Дитятко,

¹⁵ Стариков 1941 — НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 49. № 10. Л. 59–61.

¹⁶ Ладина 1968 — НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 58. № 43. Л. 164–166.

¹⁷ Там же. Л. 165.

из твоих бы уст да богу в уши»¹⁸). Второй текст¹⁹ записан от Е. А. Сахаровой (г. Сорока (=Беломорск)). Этот вариант прошел двойную фольклорную обработку, поскольку исполнительница слышала его от бабушки примерно в 1908 г. Этим можно объяснить включение пересказа в фольклорную традицию и на лексическом уровне, и на сюжетном. Единственное упоминание в нем о религии: исполнительница называет царя «православным». Пересказ²⁰ А. И. Суслоновой (с. Сумский Посад) отличается краткостью, поскольку исполнительница опускает волшебного помощника, и поэтому все чудеса происходят «сами по себе».

«Совершенно русской», по мнению Н. В. Гоголя, является «Сказка о попе и о работнике его Балде» [Томашевский: 434]. Три интерпретации сюжета единственной бытовой сказки Пушкина подробно рассмотрел Е. М. Неёлов. Во-первых, сюжет является социально-политической сатирой; во-вторых, в пушкинском тексте происходит «совмещение фольклорно-сказочной функции персонажа и характера литературно-сказочного героя»; в-третьих, наказание служителя церкви обусловлено не жадностью попа, а его связью с чертями [Неёлов, 2014: 124, 133].

В архиве КарНЦ РАН зафиксированы два пересказа этой сказки. Первый пересказ²¹ А. Е. Старикова (д. Кереть) практически полностью совпадает с литературным текстом. Исключение: Балда имеет дар предвидения, а поп в конце погибает. Вариант²² Н. Г. Никитиной (с. Шуерецкое) кардинально отличается от сказки Пушкина: рассказчица пропускает эпизод с чертями, а поп не хочет расплачиваться с работником, потому что боится потерять уважение.

В трех из пяти пушкинских сказочных текстов особое значение имеет морская стихия.

¹⁸ Ладина 1968 — НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 58. № 43. Л. 165.

¹⁹ Сахарова 1968 — НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 127. № 93. Л. 69–70.

²⁰ Суслонова 1968 — НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 126. № 121. Л. 142–143.

²¹ Стариков 1941 — НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 49. № 7. Л. 43–44.

²² Никитина 1968 — НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 127. № 48. Л. 40.

Море в сказках Пушкина может быть отражением настроения главного помощника (Рыбки), и в то же время оно является центром мира для героев и их кормильцем. Когда старуха хочет стать владычицей морскою, Рыбка уходит, ничего не сказав. Такая функция моря характерна не только для Пушкина: если посмотреть перевод немецкой сказки в собрании сказок под редакцией П. Полевого, то увидим, что там море также отражает настроения Рыбки (переходит от состояния спокойствия к буре).

В прижизненной публикации «Сказки о царе Салтане» мать с сыном отпускаются в бочке в «Океан». Пушкин делает важную помету в списке опечаток издания: «Въ *Сказкѣ о царѣ Салтанѣ* и проч. вмѣсто слова *Окіянь* ошибкою вездѣ напечатано *Океань*»²³. Следует отметить, что образ Океана важен в фольклорной традиции: он является древнеславянским мифологическим центром мироздания. Е. М. Неёлов в монографии «Волшебнo-сказочные корни научной фантастики» представил два мифологических значения образа Океана: он может быть отождествлен со Вселенной или с живым существом [Неёлов, 1986: 72]. В сказке, по мнению исследователя, он становится художественной категорией. В связи с этим можно выделить структуру образа: постоянными компонентами океана являются корабль и остров.

В «Сказке о царе Салтане» океан многозначен. Во-первых, он является формой материального пространства, бочка или корабль — средствами передвижения, а остров — частью пространства. Во-вторых, учитывая поправку поэта к тексту, выделяется другой, глубинный пласт понимания океана — это Окиян-море, который часто фигурирует в фольклоре. Он является центром мира, а корабль и остров — его частями. Символический подтекст усиливается включением в текст еще одного образа: зеленого дуба над холмом — дерева жизни как центра этого мира [Афанасьев: 214–215]. В символическое понимание образа включается и традиционное восприятие морской стихии как границы в обряде инициации — поэтому царевич выходит на берег острова уже взрослым юношей.

²³ См.: [Пушкин, 1832: 209].

Море в пересказах «Сказки о царе Салтане» меняет свое первоначальное значение. В варианте Е. И. Ладиной (д. Кереть) героям помогает Бог, а не Океан. В пересказе Е. А. Сахаровой (г. Сорока (=Беломорск)) сохраняется внутренний символический смысл текста: море — не просто физическое пространство, оно живое, и поэтому мальчик обращается к волне с просьбой вынести его с матерью на сушу. У А. И. Суслоновой (с. Сумский Посад) опускаются обращения к морю или к Богу: исполнительница просто указывает, что мать с сыном попали на остров. В «Сказке о попе» Балда ходит к морю, чтобы собрать с чертей оброк. Пытаясь выманить их на берег, он «морщит» море, т. е. использует своеобразную формулу вызова. Таким образом, воплощаются древние представления о том, что море — это локус пребывания волшебных сил. В пересказах пушкинской сказки, записанных в Карелии, локус меняется: в варианте А. Е. Старикова (д. Кереть) он становится озером, а в варианте Н. Г. Никитиной (с. Шуерецкое) — пропускается.

Во всех сказках Пушкина морская стихия имеет особую силу. В море обитают чудесные помощники (Рыбка), оно буквально спасает героев от беды (Гвидон). Море является не только центром мироздания, но и местом, где обитает нечистая сила. В пересказах пушкинских текстов, записанных на территории Карельского Поморья в XX в., водные просторы воспринимаются как естественные преграды или пропускаются, и лишь в сказке Е. А. Сахаровой (г. Сорока (=Беломорск)) оно оживает, чтобы помочь заточенным в бочке матери и сыну.

Сказки Пушкина являются синтезом фольклорной и литературной традиции. Их «возвращение» в фольклор порождает трансформацию литературного текста. В устной традиции меняются мотивы, сюжет, концепты, концептосфера, стилистика пушкинских сказок. В ряде записей сохраняется православный код русской культуры; в некоторых, таких как пересказ пушкинского текста о мертвой царевне, дано его отрицание в угоду господствующей атеистической идеологии; во всех пересказах очевидно влияние книжной традиции. Трансформация фольклорной сказки в литературную и ее обратный переход обогащают их взаимодействие.

Список литературы

1. Азадовский М. К. Источники сказок Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Вып. 1. С. 134–163 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/vr1/vr12134-.htm?cmd=p> (04.06.2022).
2. Азадовский М. К. Литература и фольклор: очерки и этюды. Л.: Худож. лит., 1938. 296 с.
3. Афанасьев А. Н. Древо жизни: избр. ст. / вступ. ст. Б. П. Кирдана. М.: Современник, 1982. 464 с.
4. Ведерникова Н. М. Русская народная сказка / АН СССР; ред. Э. В. Померанцева. М.: Наука, 1975. 135 с.
5. Волков Р. М. Народные истоки творчества А. С. Пушкина: баллады и сказки. Черновцы: [б. и.], 1960. 240 с. (Ученые записки Черновицкого гос. ун-та. Серия филологических наук; Т. 44. Вып. 13.)
6. Гацак В. М. Историческая поэтика и фольклор // Историческая поэтика: итоги и перспективы изучения: [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т мировой лит-ры им. А. М. Горького. М.: Наука, 1986. С. 292–305.
7. Герчук Ю. Я. Художественные миры книги. М.: Книга, 1989. 238 с.
8. Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. СПб.: Алетейя, 2012. 448 с.
9. Есаулов И. А. Парафраз и становление новой русской литературы (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. С. 30–66 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1561976111.pdf (04.06.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6262. EDN: XDDAMV
10. Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. Вып. 3. С. 5–11 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2370> (04.06.2022). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2370. EDN: RUYJPT
11. Зуева Т. В. Сказки А. С. Пушкина. М.: Просвещение, 1989. 159 с.
12. [Иванова Т. Г., Лобкова Г. В.] Сказки в записях А. С. Пушкина и их варианты в фольклорных традициях Северо-Запада России: с экспедиционными материалами из фондов Фольклорно-этнографического центра им. А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской гос. консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова / Мин-во культуры РФ, Санкт-Петербургская гос. консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова, Кафедра этномузикологии, Фольклорно-этнографический центр им. А. М. Мехнецова; сост.: Т. Г. Иванова, Г. В. Лобкова. СПб.: Скифия-принт, 2019. 204 с.
13. Колесницкая И. М. Сказки // Пушкин: итоги и проблемы изучения: коллективная монография / АН СССР, Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом); под ред. Б. П. Городецкого [и др.]. М.; Л.: Наука, 1966. С. 437–444 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/ito/ITO-437-.HTM> (04.06.2022).

14. Леонова Т. Г. Русская литературная сказка XIX века в ее отношении к народной сказке: поэтическая система жанра в историческом развитии / под ред. В. М. Гацака. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1982. 197 с.
15. Лупанова И. П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1959. 504 с.
16. Медриш Д. Н. От двойной сказки — к антисказке: сказки Пушкина как цикл // Московский пушкинист: ежегод. сб. / РАН ИМЛИ им. А. М. Горького. Пушкин. комиссия. М.: Наследие, 1995. Вып. 1. С. 93–121 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/mp1/mp1-093-.htm> (04.06.2022).
17. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки: происхождение образа. М.; СПб.: Академия исследований культуры, Традиция, 2005. 240 с.
18. Неёлов Е. М. Волшебнo-сказочные корни научной фантастики. Л.: Изд-во ЛГУ им. А. А. Жданова, 1986. 200 с.
19. Неёлов Е. М. Сказка А. Пушкина «О попе и о работнике его Балде» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. Вып. 12. С. 124–136 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429879028.pdf (04.06.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2014.736. EDN: TKQMGV
20. Померанцева Э. В. Русская народная сказка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 128 с.
21. Пропп В. Я. Морфология сказки. 2-е изд. М.: Наука, 1969. 168 с.
22. Пропп В. Я. Поэтика фольклора: собр. трудов. М.: Лабиринт, 1998. 352 с.
23. Пропп В. Я. Русская сказка: собр. трудов / коммент. Ю. С. Рассказова. М.: Лабиринт, 2000. 416 с.
24. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2002. 333 с.
25. [Пушкин А. С.] Стихотворения Александра Пушкина. Третья часть // Электронные публикации Ин-та рус. лит-ры (Пушкинского Дома) РАН. Пушкин А. С. Прижизненные публикации. СПб.: Тип. Департамента народ. просвещения, 1832. 209 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=8735> (04.06.2022).
26. Пушкин А. С. <115. Письмо Пушкину Л. С., Михайловское, первая половина ноября 1824 г.> // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 13: Переписка, 1815–1827. С. 120–121 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push17/vol13/y132120-.htm> (04.06.2022).
27. Пушкин А. С. <О народности в литературе> // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 11: Критика и публицистика, 1819–1834. С. 40 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push17/vol11/y11-040-.htm> (04.06.2022).
28. Розов А. Н. Арина Родионовна глазами фольклористов // Здесь адресов родных для сердца приближенье: сб. ст. по итогам науч.-практ. чтений / сост. Е. Л. Бабий. СПб.: Летопись, 2009. С. 30–36 [Электронный ресурс]. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/PUSH/Klassiki/Rozov-2009.pdf> (04.06.2022).

29. Сиповский В. В. «Руслан и Людмила»: к литературной истории поэмы // Пушкин и его современники: мат-лы и исслед. СПб., 1906. Вып. 4. С. 59–84 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/ps4/ps42059-.htm> (04.06.2022).
30. Томашевский Б. В. Примечания // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1977. Т. 4: Поэмы. Сказки. С. 409–440 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push10/v04/d04-409.htm> (04.06.2022).
31. Чернышев В. И. Пушкин и русские сказки. Записи // Сказки и легенды пушкинских мест: записи на местах, наблюдения и исследования члена-корреспондента АН СССР В. И. Чернышева / под общ. ред. Комиссии АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 278–287 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/skazki/texts/slp/slp-278-.htm> (04.06.2022). (Сер.: Литературные памятники.)

References

1. Azadovskiy M. K. Sources of Pushkin's Tales. In: *Pushkin: Vremennik Pushkinskoy komissii [The Chronicle of the Pushkin Committee]*. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1936, issue 1, pp. 134–163. Available at: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/vr1/vr12134-.htm?cmd=p> (accessed on June 4, 2022). (In Russ.)
2. Azadovskiy M. K. *Literatura i fol'klor: ocherki i etyudy [Literature and Folklore: Essays and Sketches]*. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1938. 296 p. (In Russ.)
3. Afanas'ev A. N. *Drevo zhizni: izbrannye stat'i [Tree of Life: Selected Articles]*. Moscow, Sovremennik Publ., 1982. 464 p. (In Russ.)
4. Vedernikova N. M. *Russkaya narodnaya skazka [Russian Folk Tale]*. Moscow, Nauka Publ., 1975. 135 p. (In Russ.)
5. Volkov R. V. *Narodnye istoki tvorchestva A. S. Pushkina: ballady i skazki [Folk Origins of Pushkin's Works: Ballads and Fairy Tales]*. Chernivtsi, 1960, vol. 44, issue 13. 236 p. (Scientific Notes of Chernivtsi State University. Series of Philological Sciences) (In Russ.)
6. Gatsak V. M. Historical Poetics and Folklore. In: *Istoricheskaya poetika: itogi i perspektivy izucheniya [Historical Poetics: Results and Prospects of Study]*. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 292–305. (In Russ.)
7. Gerchuk Yu. Ya. *Khudozhestvennye miry knigi [The Art Worlds of the Book]*. Moscow, Kniga Publ., 1989. 238 p. (In Russ.)
8. Esaulov I. A. *Russkaya klassika: novoe ponimanie [Russian Classics: New Understanding]*. St. Petersburg, Aletyya Publ., 2012. 448 p. (In Russ.)
9. Esaulov I. A. Paraphrasis and the Establishment of the New Russian Literature (To the Problem Statement). In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2019, vol. 17, no. 2, pp. 30–66. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1561976111.pdf (accessed on June 4, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6262. EDN: XDDAMV (In Russ.)

10. Zakharov V. N. Russian Literature and Christianity. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, vol. 3, pp. 5–11. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2370> (accessed on June 4, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2370. EDN: RUYJPT (In Russ.)
11. Zueva T. V. *Skazki A. S. Pushkina* [Pushkin's Fairy Tales]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1989. 159 p. (In Russ.)
12. Ivanova T. G., Lobkova G. V. *Skazki v zapisyakh A. S. Pushkina i ikh varianty v fol'klornykh traditsiyakh Severo-Zapada Rossii: s ekspeditsionnymi materialami iz fondov Fol'klorno-etnograficheskogo tsentra imeni A. M. Mekhnetsova Sankt-Peterburgskoy gosudarstvennoy konservatorii imeni N. A. Rimskogo-Korsakova* [Fairy Tales in the Notes of A. S. Pushkin and Their Variants in the Folklore Traditions of the North-West of Russia: with Expedition Materials from the Funds of the Folklore and Ethnographic Center Named After A. M. Mekhnetsov of the Saint Petersburg Conservatory Named After N. A. Rimsky-Korsakov]. St. Petersburg, Skifiya-print Publ., 2019. 204 p. (In Russ.)
13. Kolesnitskaya I. M. Fairy Tales. In: *Pushkin: itogi i problemy izucheniya* [Pushkin: Results and Problems of Study]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966, pp. 437–444. Available at: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/ito/ITO-437-.HTM> (accessed on June 4, 2022). (In Russ.)
14. Leonova T. G. *Russkaya literaturnaya skazka XIX veka v ee otnoshenii k narodnoy skazke: poeticheskaya sistema zhanra v istoricheskom razvittii* [A Russian Literary Fairy Tale of the 19th Century in Its Relation to the Folk Tale: the Poetic System of the Genre in Historical Development]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 1982. 197 p. (In Russ.)
15. Lupanova I. P. *Russkaya narodnaya skazka v tvorchestve pisateley pervoy poloviny XIX veka* [Russian Folk Tale in the Works of Writers of the First Half of the 19th Century]. Petrozavodsk, State Publishing House of the KASSR Publ., 1959. 504 p. (In Russ.)
16. Medrish D. N. From a Double Fairy Tale to an Anti-Tale: Pushkin's Tales as a Cycle. In: *Moskovskiy pushkinist* [Moscow Pushkinist]. Moscow, Nasledie Publ., 1995, issue 1, pp. 93–121. Available at: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/mp1/mp1-093-.htm> (accessed on June 4, 2022). (In Russ.)
17. Meletinskiy E. M. *Geroy volshebnoy skazki: proiskhozhdenie obraza* [The Hero of a Fairy Tale: the Origin of the Image]. Moscow, St. Petersburg, Akademiya issledovaniy kul'tury Publ., Traditsiya Publ., 2005. 240 p. (In Russ.)
18. Neyolov E. M. *Volshebno-skazochnye korni nauchnoy fantastiki* [The Magical Fairy Tale Roots of Science Fiction]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1986. 200 p. (In Russ.)
19. Neyolov E. M. The Tale of “The Priest and of His Workman Balda” by A. Pushkin. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2014, issue 12, pp. 124–136. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429879028.pdf (accessed on June 4, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2014.736. EDN: TKQMGV (In Russ.)

20. Pomerantseva E. V. *Russkaya narodnaya skazka [Russian Folk Tale]*. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963. 128 p. (In Russ.)
21. Propp V. Ya. *Morfologiya skazki [The Morphology of a Fairy Tale]*. Moscow, Nauka Publ., 1969. 168 p. (In Russ.)
22. Propp V. Ya. *Poetika fol'klora: sobraniye trudov [The Poetics of Folklore: Collection of Works]*. Moscow, Labirint Publ., 1998. 352 p. (In Russ.)
23. Propp V. Ya. *Russkaya skazka: sobraniye trudov [The Russian Fairy Tale: Collection of Works]*. Moscow, Labirint Publ., 2000. 416 p. (In Russ.)
24. Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki [Historical Roots of the Fairy Tale]*. Moscow, Labirint Publ., 2002. 333 p. (In Russ.)
25. Pushkin A. S. Poems by Alexander Pushkin. The Third Part. In: *Elektronnyye publikatsii Instituta russkoy literatury (Pushkinskogo Doma) RAN. Pushkin A. S. Prizhiznennyye publikatsii [Electronic Publications of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. Pushkin A. S. Lifetime Publications]*. St. Petersburg, Tipografiya Departamenta narodnogo prosveshcheniya Publ., 1832. 209 p. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=8735> (accessed on July 14, 2022). (In Russ.)
26. Pushkin A. S. <115. Letter to Pushkin L. S., Mikhaylovskoe, First Half of November 1824>. In: *Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochineniy: v 16 tomakh [Pushkin A. S. The Complete Works: in 16 Vols]*. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1937, vol. 13, pp. 120–121. Available at: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push17/vol13/y132120-.htm> (accessed on June 4, 2022). (In Russ.)
27. Pushkin A. S. <On Nationality in Literature>. In: *Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochineniy: v 16 tomakh [Pushkin A. S. The Complete Works: in 16 Vols]*. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1949, vol. 11, p. 40. Available at: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push17/vol11/y11-040-.htm> (accessed on June 4, 2022). (In Russ.)
28. Rozov A. N. Arina Rodionovna Through the Eyes of Folklorists. In: *Zdes' adresov rodnikh dlya serdtsa priblizhen'e [Here the Addresses of Relatives for the Heart are an Approximation]*. St. Petersburg, Letopis' Publ., 2009, pp. 30–36. Available at: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/PUSH/Klassiki/Rozov-2009.pdf> (accessed on June 4, 2022). (In Russ.)
29. Sipovskiy V. V. “Ruslan and Lyudmila”: on the Literary History of the Poem. In: *Pushkin i ego sovremenniki: materialy i issledovaniya [Pushkin and His Contemporaries: Materials and Research]*. St. Petersburg, 1906, issue 4, pp. 59–84. Available at: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/ps4/ps42059-.htm> (accessed on July 18, 2022). (In Russ.)
30. Tomashevskiy B. V. Notes. In: *Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochineniy: v 10 tomakh [Pushkin A. S. The Complete Works: in 10 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1977, vol. 4, pp. 409–440. Available at: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push10/v04/d04-409.htm> (accessed on June 4, 2022). (In Russ.)
31. Chernyshev V. I. Pushkin and Russian Fairy Tales. Notes. In: *Skazki i legendy pushkinskikh mest: zapisi na mestakh, nablyudeniya i issledovaniya chlena-korrespondenta AN SSSR V. I. Chernysheva [Fairy Tales and Legends*

of Pushkin's Places: Field Records, Observations and Studies of the Corresponding Member of the Academy of Sciences of the USSR V. I. Chernyshev. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950, pp. 278–287. Available at: <http://feb-web.ru/feb/skazki/texts/slp/slp-278-.htm> (accessed on June 4, 2022). (Ser.: Literary Monuments.) (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Созина Валерия Романовна, аспирант Института филологии, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Республика Карелия, Российская Федерация, 185910); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1009-3274>; e-mail: valerya.sozina@yandex.ru.

Valeria R. Sozina, Graduate Student of the Institute of Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1009-3274>; e-mail: valerya.sozina@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.08.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 01.11.2022

Принята к публикации / Accepted 15.11.2022

Дата публикации / Date of publication 21.11.2022

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11662

EDN: VGSYBS

Готический злодей и байронический герой

Е. Н. Корнилова

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(г. Москва, Российская Федерация)*

ekornilova@mail.ru

Аннотация. В статье проведено показательное сопоставление поэтических приемов, разработанных авторами готического романа, с моделями, которые использует Дж. Г. Байрон в «Паломничестве Чайльд Гарольда» и цикле «восточных поэм». Отмечено родство между готическим злодеем и байроническим героем; возможно, это даже две грани одного героического типа. Их обоих преследует одиночество и отчуждение от общества; оба этих типа, в общем, «козлы отпущения» или преследуемые виной странники. Для такого героического типа характерны бунтарство, таинственное прошлое, мучительная борьба добра и зла в душе. При этом байронический характер — тип абсолютно современный, в то время как готический злодей погружен в условный фантастический или исторический контекст. Вместе с протагонистом из готики в тексты Байрона приходят сюжетные коллизии «черного романа», замкнутый хронотоп, романтический психологизм. После появления драм Байрона складывается архетип «байронический герой», который в англоязычной критике становится синонимом понятия «антигерой», а в России имеет иную семантику: «лишний человек», порождение «страдания и сомнения». Байронический герой воплощает тему метафизического бунта, конфликта с мирозданием и связанного с ним страдания. Через посредство байронических героев Байрон последовательнее всех заявил о том, что «мировая скорбь» есть неизбежное порождение времени, его духовный итог.

Ключевые слова: готический роман, демонический злодей, замкнутый хронотоп, байронический герой, мировая скорбь, скептицизм, меланхолия

Для цитирования: Готический злодей и байронический герой // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 4. С. 90–111. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11662. EDN: VGSYBS

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11662

EDN: VGSYBS

Gothic Villain and Byronic Hero

Elena N. Kornilova

*Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)*

ekornilova@mail.ru

Abstract. The article provides a vivid comparison of the poetic devices developed by the authors of the Gothic novel with the models used by J. G. Byron in “Child Harold’s Pilgrimage” and the “Oriental Poems” cycle. The relationship between the Gothic villain and the Byronic hero is noted; perhaps they are even two facets of the same heroic type. They are both haunted by loneliness and alienation from society; both of these types are generally “scapegoats” or guilt-ridden wanderers. Such a heroic type is characterized by rebelliousness, a mysterious past, a painful struggle between good and evil in his soul. At the same time, the Byronic character is an absolutely modern type, while the Gothic villain is immersed in a conditional fantastic or historical context. Together with the Gothic protagonist, Byron’s texts acquire the plot collisions of the “black novel,” a closed chronotope, and romantic psychologism. After the appearance of Byron’s dramas, the “Byronic hero” archetype was formed, which became synonymous with the concept of “antihero” in English criticism, while in Russia it has different semantics: “superfluous person,” the product of “suffering and doubt.” The Byronic hero embodies the theme of metaphysical rebellion, conflict with the universe and the suffering associated with it. Through Byronic heroes, Byron most consistently stated that “world sorrow” is an inevitable product of time, its spiritual outcome.

Keywords: Gothic novel, demonic villain, closed chronotope, Byronic hero, world sorrow, skepticism, melancholy

For citation: Kornilova E. N. Gothic Villain and Byronic Hero. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2022, vol. 20, no. 4, pp. 90–111. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11662. EDN: VGSYBS (In Russ.)

Введение

Конец XVIII в. в Европе был отмечен глубоким кризисом христианской модели мироздания во всех ее проявлениях [Адорно, Хоркхаймер]. Реакцией на этот кризис стало появление готического романа, в котором складывается новый тип героя — демонический злодей. Положительные герои, скопированные из предшествующей просветительской модели, все еще присутствуют в готических текстах, но они отодвинуты на второй план и не идут ни в какое сравнение с мрачным и таинственным протагонистом новейшей англосаксонской мифологии. Вальтер Скотт, сам подверженный влиянию складывающейся на его глазах готической прозы, очень точно охарактеризовал готического злодея в романах Энн Радклиф: «...никогда раньше не появлялся на страницах романов столь выразительно изображенный персонаж, равно отвратительный как из-за своих прежних преступлений, так и из-за тех, которые он намеревается совершить; человек, чьи таланты и энергия делают его страшным, ханжа и прожигатель жизни в одном лице, бесчувственный, жестокий и неумолимый» [Скотт: 18].

Мощь и сила характера трагического злодея заставляет вспомнить героев шекспировской драматургии.

Обзор литературы

Еще при жизни Байрона целый ряд современников, непосредственно реагировавших на выход новых сочинений поэта, отметил связь байронического героя с демоническим злодеем готики. Одним из первых был Френсис Джеффри, создатель и литературный критик «Эдинбургского обозрения» (*Edinburg Review*, 1812, 1816, 1817), который видел в «мрачных, презрительных» героях Байрона «сатанинский персонаж» и находил их связь с «падшим Ангелом». В том же духе пародировал сочинения лорда Байрона и приятель поэта Томас Лав Пикок в «Аббатстве кошмаров»¹. Позднее исследователи творчества Байрона, несмотря на актуальность готических

¹ Пикок Томас Л. Аббатство кошмаров // Пикок Томас Л. Аббатство кошмаров. Усадьба Грилла. М.: Наука, 1988. 424 с.

исследований [Revisiões Postmodernas...], сосредоточились на других проблемах, но специалисты по готическому роману не прекращали указывать на использование готических приемов и образности в творчестве мятежного поэта (напр., П. Торслев [Thorslev], П. Кочрен [Cochran], Е. МакЭндрю [MacAndrew], Ф. Боттинг и Д. Тоуншенд [Gothic] и др.). В России это родство отмечали В. М. Жирмунский [Жирмунский, 1981, 1945], Н. А. Соловьева [Соловьева] и Б. Р. Нацпок [Нацпок], хотя исследования поэтических приемов при развитии подобного архетипа присутствовали фрагментарно.

Дискуссия

Когда в марте 1812 г. из печати вышли две первые песни «Паломничества Чайльд Гарольда», их юный автор Джордж Гордон Байрон написал в своем дневнике, что он проснулся и увидел себя знаменитым в одно прекрасное утро (“I awoke one morning and found myself famous”²). Поэма, разрушавшая все привычные жанровые каноны, завораживала новизной картин и неожиданностью суждений, но более всего потоком душевных излияний, переходящих «в сплошную лирическую исповедь» [Веселовский: 42]. Публика была поражена смелостью суждений и бунтарскими идеями автора, писавшего Гарольда практически с самого себя. Никакие уверения поэта, в предисловии к первой песни отрицавшего все возможные параллели между рассказчиком и протагонистом, не принимались во внимание ни критикой, ни публикой, которая видела в странствующем юноше автопортрет Байрона, а в поэме — взволнованную исповедь.

В «Дополнении к предисловию» автор с некоторым раздражением утверждал, что задуманный «настоящим рыцарем» характер Чайльд Гарольда «в высшей степени непривлекательный»³. И далее: «Было бы легко притушить его недостатки,

² Byron G. «Memoranda from My Life», 1812 // George Gordon Byron. Byron's Letters and Journals: in 13 vols. / ed. Leslie A. Marchand. Cambridge: Belknap at Harvard University Press, 1973–1979. Vol. 2. P. 246.

³ Байрон Дж. Г. Паломничество Чайльд-Гарольда (Дополнение к предисловию) // Байрон Дж. Г. Избранное / сост. и примеч. О. Афоной. М.: Правда, 1982. С. 117.

заставить его больше делать и меньше говорить, но он предназначался отнюдь не для того, чтобы служить примером. Скорее следовало бы учиться на нем тому, что *ранняя развращенность сердца и пренебрежение моралью ведут к пресыщенности прошлыми наслаждениями и разочарованию в новых, и красоты природы, и радость путешествий, и вообще все побуждения, за исключением только честолюбия — самого могущественного из всех, потеряны для души, так созданной или, вернее, ложно направленной*» (курсив наш. — Е. К.)⁴.

Привлеченная необыкновенным свободомыслием и резкостью юношеских суждений, красотой живописных картин, публика не обратила внимания на несколько преувеличенный патетический стиль поэмы. Личность лорда Байрона, выступившего с шокирующими либеральностью речами в Парламенте, еще не была широко известна в среде лондонских любителей новейшей поэзии, но облик героя поэмы Чайльд Гарольда никого не оставлял равнодушным.

Новый пилигрим был незнакомцем, смутно напоминавшим нечто очень знакомое. Таинственность происхождения и юношеский опыт, обрисованный в самых общих выражениях, скептицизм, отрицание светских ценностей, презрение к нормам общественной морали, мрачность, безбожие, наконец, демонизм — «дух страданья и сомненья», как точно сформулирует М. Ю. Лермонтов, — вот тот комплекс, неотразимо пленительный и неукротимый, без которого невозможно было вообразить романтизм.

Издатель «Эдинбургского обозрения» Фрэнсис Джеффри, чей журнал некогда изругал первую стихотворную книгу поэта, теперь не скрывал своего восторга перед необычностью построения поэмы, в которой, строго говоря, нет сюжета и никаких происшествий. Она содержит «размышления, а также и описания, которые их пробуждают», причем лирические откровения поэта «представлены без какого-либо привычного порядка или связи — иногда их связывает только тонкая нить паломничества Чайльд-Гарольда, а иногда эти

⁴ Байрон Дж. Г. Паломничество Чайльд-Гарольда. С. 118.

скрепы еще более призрачны» [Edinburg Review, 1812: 467]⁵. У автора рецензии не возникает сомнения, что за героем скрывается сам автор: «Лорд Байрон берет на себя труд предостеречь своих читателей от предположения, что он хотел скрыть собственный характер под темными и отталкивающими чертами» [Edinburg Review, 1812: 470]⁶.

Именитый критик будто не замечает, что Байрон, как и высмеянный им в «Английских бардах и шотландских обозревателях» Вордсворт, — поэт по преимуществу внешней образности, в отличие от своих младших современников-визионеров Шелли и Китса. Байрон не моделирует сюжетов — он их либо заимствует и перетолковывает по-своему, либо наблюдает в жизни своего ближайшего окружения. В начале первой песни, написанной на скорую руку по совету друзей и издателя, его герой изнурен «развлеченьями праздными», «безумной жаждой радостей и нег»⁷. А как могло быть иначе, если изображать современника в системе классицистической эстетики, которая для Байрона продолжала оставаться сводом непререкаемых правил вплоть до поэмы «Дон Жуан»? Современник — персонаж комедии, оттого Гарольд,

«Распутством не гнушаясь безобразным,
Душою предан низменным соблазнам,
Но чужд равно и чести и стыду,
Он в мире возлюбил многообразном,
Увы! Лишь кратких связей череду

⁵ “These reflections, too, and the descriptions out of which they arise, are presented without any regular order or connexion — being sometimes strung upon the slender thread of Childe Harold’s Pilgrimage, and sometimes held together by the still slighter tie of the author’s local situation at the time of writing.” Здесь и далее статьи из «Эдинбургского обозрения» цитируются в переводе М. Бульчук.

⁶ “Lord Byron takes the trouble to caution his readers against supposing that he meant to shadow out his own character under the dark and repulsive traits...”

⁷ Байрон Дж. Г. Паломничество Чайльд-Гарольда (пер. В. Левика) // Байрон Дж. Г. Избранное. М.: Правда, 1982. Песнь 1, строфа 2. С. 123. Далее ссылки на это произведение приводятся в тексте статьи с указанием песни (римской цифрой), строфы (арабской цифрой) и страницы в круглых скобках. В случае с другими произведениями — с указанием названия (курсивом) номера песни и строфы (если есть) и страницы в круглых скобках.

Да собутыльников веселую орду» (I, 2: 123).

Далее последует привычное читателям романтической литературы «пресыщенье в нем, / Болезнь ума и сердца роковая, / И показалось мерзким все кругом: / Тюрьмою — родиной, могилой — отчий дом» (I, 4: 123)⁸.

Гарольд, подобно автору, выбирает бегство — путешествие в неведомые края; но ведь странствовал не только Байрон, это опыт многих поколений англичан, отправлявшихся с острова и за богатствами, и за подвигами, и за знаниями. Однако последнее поколение превращает позитивные цели «пилигримов» в негативные: в угрюмое одиночество и бегство от лицемерного окружения, от призрачных наслаждений, от отравы светской любви и порожденной всем этим скуки (*weariness*). Прочь, прочь — из родных пенатов, от постылого бытия, без сожалений:

«Один я в мире средь пустых,
Необозримых вод;
Зачем мне думать о других?
Кто обо мне вздохнет?
Быть может, пес повоет мой,
Но, у другого сыт,
В меня ж, прибредшего домой,
Свои клыки вонзит»⁹.

Эта прощальная песня пажы, созданная, по словам Байрона, под впечатлением от «Песен шотландской границы», изданных Скоттом, запоминается своей пронзительной печалью. Довершает портрет главного действующего лица первых двух песен разрушительный скептицизм: «Прикованный к земле, он возводит взор к небу — / Зная, что надежды на небеса нет, /

⁸ “Worse than adversity the Child befell, — / He felt the fullness of satiety; / Than loathed he in his native land to dwell, / Which seem’d to him more lone than Eremite’s sad cell” (Byron G. Childe Harold’s Pilgrimage // The complete poetical works of lord Byron / ed. by Bliss Perry. Cambridge Edition, 1905. P. 5). Далее тексты в оригинале цитируются по этому изданию.

⁹ Байрон Дж. Г. Паломничество Чайльд-Гарольда (пер. Г. Шенгели) // Байрон Дж. Г. Избранные произведения. М.: ГИХЛ, 1953. Песнь 1. С. 79. В оригинале: “And now I’m in the world alone, / Upon the wide, wide sea: / But why should I for others groan, / When none will sigh for me? / Perchance my dog will whine in vain, / Till fed by stranger hands; / But long ere I come back again, / He’d tear me where he stands” (Op. cit. P. 6).

Благодать, так легко дарованная, / Существует? Ты надеялся
обрести ее вновь / Где-то в другой земле, что ближе к небесам? /
Все еще строишь планы на радости и горести в грядущем? /
Взгляни на этот прах, прежде, чем его развеет / Эта горстка
скажет тебе больше, чем тысяча проповедей» (здесь и далее
подстрочный перевод наш. — *Е. К.*; ср.: II, 4: 153)¹⁰. Последним
штрихом становится вдруг прорвавшаяся ненависть к поки-
нутому им миру, который сделал его одиноким и о котором
он стремится забыть (см.: II, 26, 27)¹¹.

В дальнейшем рассказчик ничем не расширяет сведений
о прошлом героя, отправившегося в «бесцельный путь». Его
сердце «мертво для любви» (II, 31: 160), хотя в прежние вре-
мена он слыл «опасным волокитой» (II, 33: 161). Читателя
смущает равнодушие Гарольда: «Он скорбный край войны
и преступлений / Покинул холодно, без слез, без сожалений»
(II, 16: 156), — особенно на фоне пылкого гнева и сочувствия,
которые испытывает лирический герой. При всем разнообра-
зии материала: картин войны, восстаний, народного горя
и фольклорных празднеств — ипостась Гарольда столь туман-
на, что вызывает больше вопросов, чем понимания и сочув-
ствия. Ключевое для романтизма понятие «воображение»
должно помочь читателю представить судьбу, сформировав-
шую такой характер. К этому читатель приучен авторами
готических романов, где свершенное зло покрыто завесой
тайны, недосказанности, герой отдален от мира людей из-за
осознания собственной вины и даже суть его преступления
зачастую остается за пределами повествования.

Байронического героя традиционно отличали одиночество,
отчужденность от общества, вольнолюбие и независимость,
бунтарство, скептицизм — черты, которые во многом присут-
ствуют и в портрете готического злодея, причем идеи, корре-

¹⁰ “Bound to the earth, he lifts his eye to heaven — / Is't not enough, unhappy
thing! to know / Thou art? Is this a boon so kindly given, / That being, thou
would'st be again, and go, // Thou know'st not, reck'st not to what region, so /
On earth no more, but mingled with the skies? / Still wilt thou dream on future
joy and woe? / Regard and weigh yon dust before it flies: / That little urn saith
more than thousand homilies” (Op. cit. II, 4: 25).

¹¹ “Then turn to hate a world he had almost forgot'. This is to be alone; this,
this is solitude!” (Op. cit. II, 26, 27: 28).

лирующие с традициями готического романа, значительно усиливаются в последних песнях «Паломничества», где с романтических позиций переосмысливается опыт просветителей, например: «Ум, отравленный собственной красотой, становится пленником лжи. Того, что создано мечтою художника, нет нигде, кроме как в нем самом» — или: «Мятущийся ум жаждет поисков, хотя найти — всегда значит разочароваться»¹². Особенно ощутимо влияние идей Руссо в lamentациях четвертой песни, где поэт отказывается от фигуры Гарольда и ведет разговор с читателем от собственного имени: «...я пережил свои упования; что наша жизнь, она фальшивый звук в мировом хоре; <...> небосвод струит на человечество ливень неисчислимых бед... Мы с юных лет изнываем от жажды; до последнего вздоха нас манят призраки... Что любовь, власть, когда мы не знаем счастья?! Все пролетит как метеорит, и черный дым закроет все огни!»¹³. В «Гарольде» мы нигде не найдем поэтизации зла, но герой Байрона порвал с собственной средой, и горький опыт юношеских разочарований откладывает отпечаток на всю его дальнейшую жизнь:

«Я все узнал: предательство льстеца,
Вражду с приятнью дружеской на лице,
Фигляра смех и козни подлеца,
Невежды свист бессмысленный и дикий,
И все, что Янус изобрел двуликий,
Чтоб видимостью правды ложь облечь,
Немую ложь обученной им клики:
Улыбки, вздохи, пожиманья плеч,
Без слов понятную всеядной сплетне речь» (IV, 136: 253)¹⁴.

Гарольд стал символом эпохи, потому что в нем выразилось время, потому что с помощью созданного воображением поэта достаточно условного персонажа эпоха осознала самое себя.

¹² См.: *Op. cit.* IV: 122. Ср. также: IV, 122: 249.

¹³ См.: *Ibid.*, IV: 126.

¹⁴ “From mighty wrongs to petty perfidy / Have I not seen what human things could do? / From the loud roar of foaming calumny / To the small whisper of the as paltry few, / And subtler venom of the reptile crew, / The Janus glance of whose significant eye, / Learning to lie with silence, would seem true, / And without utterance, save the shrug or sigh, / Deal round to happy fools its speechless obloquy” (*Ibid.*, IV, 136: 60).

Тоска Гарольда, щемящее чувство одиночества, упорно преследующая его мысль, что он в разладе со всем миропорядком, действительность, которая внушает скорбь, тщетность попыток отыскать какую-либо цель, достойную дремлющих духовных сил, — вот тот байронический комплекс, на котором зиждется «мировая скорбь».

В первой из восточных поэм, в «Гяуре» (1813), Байрон углубляет стилистику субъективного рассказа, опробованного в «Гарольде», произвольного в своей прерывистой непоследовательности и якобы лишенного заранее составленного плана. Эмоционально окрашенные, динамические картины сменяют друг друга без перехода. Уже в первой из поэм восточного цикла Байрон применяет поэтику готической новеллы с ее динамичным сюжетом, загадочными событиями, происходящими где-то на границе христианской Европы и ислама, «замкнутым» хронотопом, ограниченным узким кругом действующих лиц. Всадник, с пылающим взором, пришпоривающий летящего сквозь мглу коня; удручающая печаль, картина распада и тления великолепного прежде дворца, утратившего владельца; двор и гарем Гассана, исполненные неги и наслаждения; портрет черкешенки Леилы и ее неудавшийся порыв к бегству; жестокая средневековая казнь; динамичный поединок и кровавая месть; враждебный самому духу монастыря послушник, страстно исповедующийся старому монаху. Все эти картины, так причудливо и субъективно составленные автором вопреки хронологической последовательности событий, заразительны. Эмоционально наполненные детали становятся толчком для создания поэтических шедевров поклонников и учеников Байрона. Фрагменты разбитого и прихотливо составленного мозаичного полотна властно завладевают воображением читателя и не отпускают его и после окончания рассказа, поскольку за внешним хаосом скрывается внутренняя стройность — единство ощущения. Замысел «Фрагмента турецкой повести» столь произвольно изложен, что если бы поэт в предисловии не сообщил канву своего замысла («...рассказ должен был заключать в себе историю невольницы, брошенной, по мусульманскому обычаю, в море за неверность и за которую мстит молодой венецианец,

ее возлюбленный» (*Гяур*: 267)), не каждый читатель смог бы его понять. «Это, мы думаем, очень красиво или, во всяком случае, исполнено духа, характера и оригинальности»¹⁵, — утверждает опытный Фрэнсис Джеффри [*Edinburg Review*, 1813: 299]. Несмотря на иронические выпады в дальнейшем развитии критической статьи, рецензент не может удержаться от восторга. Слишком неожидан этот герой, наделенный кипением бешеных страстей, утолить которые не в силах ни любовь, ни месть:

«Моя же страсть была потоком,
Рожденным в кратере глубоком
Горячей Этны...» —

и далее:

«Пускай мою любовь клеймят
Грехом, позором, преступленьем...» (*Гяур*: 299, 300).

Не притупившаяся боль утраты продолжает мучить послушника и превращает монастырское существование в ад, который не обязательно разверзается у престола Сатаны. Демонизм гнездится в сердце, а не во вне его. Известно, что каждая литературная эпоха находит в типе демонического злодея новые качества, но неизменной остается изначальная оппозиция: добро не может существовать без зла. У Байрона важнейшая христианская антитеза помещается буквально в одном предложении:

«Его улыбка, взгляд очей
Грехом как будто заражают» (*Гяур*: 292) —

и далее портрет странного послушника, чья монашеская ряса так напоминает неистовых героев Энн Рэдклифф («Итальянец») [Максимов] и Льюиса («Монах»):

«Его надменные черты
С пороком вместе отражают
Следы духовной красоты...» (*Гяур*: 292).

¹⁵ “This, we think, is very beautiful — or, at all events, full of spirit, character, and originality...”

Гяур, Эблис, Коран и обряды ислама — это все скрытые аллюзии на роман «Ватек». Его автор Уильям Бекфорд для Байрона — заметная личность. Не случайно в «Гарольде» появляются строфы, посвященные замку, выстроенному автором «Ватека» на Иберийском полуострове (I, 22: 130). Особенно связь с готической интерпретацией Востока заметна в описании внешности гяура:

«И пряди темные кудрей
На лоб спускаются прекрасный,
Как будто самых черных змей
Из всей семьи своей ужасной
Ему Горгона отдала,
Их срезав с бледного чела.

<...>

И вместе с горем виден там
Надменный вызов небесам» (Гяур: 293).

Сопоставим этот фрагмент с описанием Царя Тьмы из романа «Ватек»:

«Он казался молодым человеком лет двадцати; правильные и благородные черты его лица как бы поблекли от вредоносных испарений. В его огромных глазах отражались отчаяние и надменность, а волнистые волосы отчасти выдавали в нем падшего Ангела Света»¹⁶.

Впрочем, новаторство Байрона на фоне Бекфорда еще заметней: из священной истории, изложенной интерпретатором Корана, мрачный дух переносится в человеческий, более того, современный читателю реально существующий мир юго-восточной Европы:

«Коль дьявол плотью облакался,
Он в этом облике являлся.
Клянусь спасеньем — только ад
Мог породить подобный взгляд!» (Гяур: 293).

Но вот тонко подмеченные психологические черты, вытекающие из жизненного опыта грешника-монаха, — это уже

¹⁶ Бекфорд У. Ватек // Комната с гобеленами. Английская готическая проза. М., 1991. С. 221.

сам Байрон, вернее, его «Гарольд». Дух, исполненный мучительных, губительных страстей, не ждущий прощения и не способный к примирению, — это воплощенное бунтарство юного автора. Оттого даже самые проникательные читатели видят в «восточном» цикле исповедь не героя, а рассказчика. Например, А. С. Пушкин в записках «О драмах Байрона» замечает: «Он представил нам призрак себя самого. Он создал себя вторично <...> он постиг, создал и описал единый характер (именно свой), все, кроме некоторых сатирических выходов, рассеянных в его творениях, отнес он к сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно пленительному»¹⁷.

Точное наблюдение над особенностями трактовки страстей Байроном делает Е. П. Зыкова: «Бекфорд в "Ватеке" позволял себе любоваться той степенью "совершенства", какой достигли пороки его героя, но ни на одну минуту не давал читателю забыть о том, что перед ним порок, зло; Байрон же в первых "восточных поэмах" не желает эстетизировать зло, но, постулировав возможность проявления страстей как высшую жизненную ценность, как способ самореализации личности, он <...> отказывается от этических оценок в изображении поступков, продиктованных страстями, и воспекает ненависть к врагу как одно из естественных проявлений жизни, человеческой природы» [Зыкова: 46].

В следующей поэме «Корсар» (1814) тенденции предшествующих сочинений только углубляются и расширяются. Конрад — предводитель пиратов, следовательно, настоящий злодей, он «чаще прочих Смерти был слугой» (*Корсар*, II: 332). В «Корсаре» читатель обнаруживает аскета («враг чувственного, он суров и прост») и «властителя душ», «кто, ужасая, восхищает всех» (*Корсар*, I: 312, 314). В IX части Байрон рисует именно тот портрет героя, который впоследствии будет растиражирован создателями массовой литературы:

«Щека в загаре, белое чело,
Волна кудрей — как ворона крыло;
Изгиб губы невольно выдает
Высокомерной мысли тайный ход;

¹⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1978. Т. 7: Критика и публицистика. С. 37.

Хоть голос тих, а облик прям и смел,
В нем что-то есть, что скрыть бы он хотел»
(*Корсар*, I: 315).

Шайку пиратов возглавил аристократ (широко распространенный мотив уже в литературе предромантизма). Рассказчик опускает завесу тайны над прошлым своего героя, как поступали и авторы готических романов. Однако целый ряд намеков приоткрывает не событийный, а более важный для автора «Гарольда» субъективный психологический контекст: как светский человек приходит к мысли возглавить разбойничью шайку? Конрад «стал во главе виновных» потому, что его душа была искривлена в «школе Разочарования» (“...his deeds had driven / Him forth to war with man and forfeit heaven. / Warp'd by the world in Disappointment's school”). Он был «слишком тверд, чтобы уступить, слишком горд, чтобы унижаться, самими своими добродетелями обречен стать жертвой обмана, Он проклял свои добродетели, как причину несчастья, А вовсе не тех предателей, что были этой причиной» (“Too firm to yield — and far too proud to stoop — / Doom'd by his very virtues for a dupe. / He curs'd those virtues as the cause of ill. / And not the traitors who betrayed him still”¹⁸).

В обширном литературном наследии Байрона нет героя, у которого бы не было претензий к «суетному свету» и общественной несправедливости. Рождены они из ощущений юности, воспроизведенных в первой песни «Гарольда». Отпечаток конфликта и страдания от несправедливости людской превращает Гяура в преступника, Конрада — в разбойника, Лару — в мятежника, а Альпа — в предателя Родины. Готическая неодолимая страсть, означающая в том числе ненависть к тирании и неутолимое стремление к свободе, возводится в абсолют и определяет не столько личные, сколько общественные и политические столкновения. Он «принял голос гнева за священный призыв отомстить за обиды, которые причинили ему некоторые, — всем»¹⁹.

¹⁸ Byron G. *The Corsair: a tale // The complete poetical works of lord Byron / ed. by Bliss Perry. Cambridge Edition, 1905. P. 260.*

¹⁹ “To pay the injuries of some on all” (*Ibid.* P. 268).

Декорации восточной истории достойны черной драмы: пиратский остров «среди ликованья темно-синих вод» (*Корсар*, I: 310), дворец Сеид-паши, где сверкает пиршественный чертог, переодетый в дервиша лазутчик, пылающий гарем, высокая сторожевая башня, одновременно и покой, и тюрьма, стены морской крепости... Пират выносит красавицу из объятаго пламенем гарема и попадает в плен. Его ждет мучительная казнь. Невольница убивает своего господина и бежит вместе с пленником; нашедший свою возлюбленную мертвой Корсар исчезает...

В «Корсаре» поэт показал разочарованного человеколюбца, мстящего человечеству за свои разбитые нравственные идеалы. Читатель не мог не задаться вопросом, не пережил ли Конрад в юности того краха надежд, который был известен поклонникам Байрона из лирических излияний «Паломничества Чайльд Гарольда»?²⁰ Случайно ли сам поэт мистифицировал публику, не отрицая романтических измышлений о своих приключениях на Востоке в отсутствие Джона К. Хобхауса?

Однако авантюрный сюжет вмещает в себя сеть психологических наблюдений и прозрений рассказчика. Вот где в полной мере проявляется еще не очевидная современникам поэта «добродетель» готики.

«Он для добра был сотворен, но зло
К себе, его коверкая, влекло» (*Корсар*, III: 355).

Неоднозначность характера героя, его трагическая раздвоенность и противоречивость («Одною добродетелью был он / И тысячей пороков наделен...» (*Корсар*, III: 355)), к которой читателей приучили авторы готических романов, теперь напрямую связывается с растлевающим влиянием общества и конфликтом со средой.

Противоречивость нарисованного поэтом персонажа, обладающего массой привлекательных черт, вызывает сочувствие публики и сожаление о его трагически погубленной душе. Призрак Мильтоновского Люцифера, Князя Тьмы, неизменно витает над байроновскими созданиями, и со временем черты его обрисовываются все заметнее.

²⁰ См.: *Op. cit.* I, 8–9; IV.

Цикл восточных поэм неизменно строится на любовной интриге, как и все романы Вальтера Скотта, о котором Байрон отзывался как о шотландском Филдинге и утверждал в дневнике (запись от января 1821 г.), что прочитал «все романы У. Скотта не менее пятидесяти раз» / “all W. Scott’s novels at least fifty times” [Sanders: 378]. Эстетические предпочтения обоих (Скотта и Байрона) складывались под влиянием представлений, сложившихся в XVIII в. во Франции.

В «Абидосской невесте» (1813) отблески готической прозы сочетаются с любовно-авантюрным сюжетом: брат, убивший брата и поправший права племянника, военные походы, гарем, пираты, запретная любовь брата и сестры, пещера, укрывающая влюбленных, трагическая гибель обоих... Байронический тип героя здесь едва уловим в облике гордого Селима, готового умереть за свою любовь. Зулейка, как и все объекты любовной страсти героев восточных поэм, — лишь жертва, чей удел — страдание и смерть. В «Паризине» (1816) страшная казнь ждет Гуго, а его возлюбленная, издав предсмертный крик, оставит этот мир вслед за любимым. Но даже в жестоком отце и муже, казнившем изменников, нет «байронических» черт. Читатель, привлеченный скандальным сюжетом о связи мачехи и пасынка, узнает Байрона только по красоте пейзажей и гордой осанке высокородных рыцарей. Однако в поэме «Лара» (1814) байронический характер показан в новых обстоятельствах и проявляет себя иначе, чем прежде. Перед нами повзрослевший Гарольд, но еще не вполне сложившийся Манфред, хотя тайны, загадки, духи окружают аристократического отшельника:

«Страстей глубокий след избородил
Его чело морщинами. Но власти
Над ним не возымели эти страсти.
Надменность, но не пыл минувших дней,
Холодный взгляд, спокойные реченья,
Умение разгадывать людей,
К словам льстецов сухое небрежение,
Насмешливость, присущая сердцам,
Глубоко и жестоко уязвленным,
В которой — горечь, с шуткой пополам,
В которой — яд, смешавшийся со стоном...»

(Лара, I, 5: 359).

Граф Лара возвращается из своих скитаний в сопровождении одинокого паж, с которым говорит на неизвестном языке. Что было с ним, чем отягчена его душа, какие грехи и проклятия не позволяют ему сомкнуть глаз во время дивных испанских ночей? Почему слуги, встревоженные таинственными голосами, обнаруживают господина лежащим без чувств с мечом в руке? Какие разоблачения ведет за собой появление Эццелина, и почему граф вместо поединка избирает злодейское убийство врага? На все эти вопросы ответов нет. Ясно, что Лара идет войной против людей своего круга, оттого что негасимым пламенем пылает в нем жажда мести за унижения, которыми обернулись события, предшествующие его бегству.

В последней из восточных поэм — «Осаде Коринфа» (1816) — Альп, добиваясь Франчески, предает родной город, подобно герою шекспировского «Кориолана». Полиник, Алкивиад — все это предатели, которым нет прощения во взрастившей их отчизне. Пугающие, порой дикие сюжеты, где льется кровь и расцветают инцестуальные связи, господствуют неистовые страсти и страдания, обеспечивают популярность восточного цикла у публики.

В соответствии с нравственными предпочтениями просветительской эпохи Фрэнсис Джеффри, оценивая ранние произведения Байрона, выразил пожелание, чтобы поэзия блиставшего в лондонском свете лорда «применялась к предметам менее мрачным и отвратительным, чем те, которым она до сих пор была почти исключительно посвящена» [Edinburg Review, 1813: 309]²¹.

Заключение

Из проведенного сопоставления знаменитой поэмы Дж. Г. Байрона «Паломничество Чайльд Гарольда» и цикла восточных поэм, с одной стороны, и ряда готических романов, с другой, совершенно очевидно, что крупнейший поэт лондонского романтизма творчески освоил и преобразил поэтические приемы готики так, что заставил современников и последующие поколения забыть «демонических» предшественников байронического героя. Тем не менее оба эти типа

²¹ "...we wish to see it employed upon subjects less gloomy and revolting than those to which it has hitherto been almost exclusively devoted."

романтических персонажей были порождением одной страны и одной эпохи, и Байрон, несомненно, унаследовал весь круг готических мотивов и приемов.

Поэта привлекает психологическая амбивалентность демонического злодея, которая является его ключевой чертой, и оттого в контексте творчества Байрона само определение «демоническое» лишается однозначной трактовки; тем не менее читатель ощущает всю глубину разочарований, мучений, трагического непонимания, доводящих до безумия байронического бунтаря [MacAndrew: 81]. Правда, в его произведениях герои вовсе не стремятся ко злу, а совершают его, скорее, невольно и несут на себе печать проклятия всю оставшуюся жизнь. Критики «Эдинбургского обозрения», верные эстетическим ценностям эпохи Просвещения, упрекали автора «Гарольда» и восточных поэм в том, что его персонажи мрачны, презрительны, не соответствуют английскому национальному характеру, непочтительны к религиозным догматам. Однако именно через посредство «демонизма» байронических героев Байрон уверенно заявил, что «мировая скорбь» есть неизбежное порождение времени, его духовный итог. Он последовательнее всех европейских поэтов начала XIX в. обозначил трагедию постреволюционной эпохи, устами просветителей обещающей личности власть над миром и не давшей ничего, кроме страдания, даже привычного покоя. За трагедией героя нетрудно было различить общественный конфликт, вызвавший к жизни это потрясение.

Вместе с типом протагониста готический роман подсказывает поэтическому воображению Байрона и ряд композиционных приемов: форму умолчания трагической вины персонажа, мистическую окраску, любовь к деталям, помогающим превозмочь некоторую условность и декоративность происходящего и, конечно, особый байронический хронотоп. Характеристика хронотопа готического романа, данная М. М. Бахтиным, может быть прямо отнесена к пространственно-временным характеристикам цикла «восточных поэм»: «Время распадается на ряд отрезков — авантюры, внутри которых оно организовано абстрактно-технически, связь его с пространством также технична. Здесь мы встречаем ту же случайную

одновременность и разновременность явлений, ту же игру далью и близостью» [Бахтин: 187].

Разумеется, с самого начала Байрон прекрасно осознает, что изображенные им «готические страсти» являются неким художественным преувеличением, некой правдоподобной, но все же метафорой бытия. Достигший зрелости автор «Дон Жуана» пронизательно отметит некий перекося в свойственной ранним поэмам картине мира: «Покуда я писал преувеличенные бессмысленности, которые развращали вкус читателей, они аплодировали и вторили мне, словно эхо, а теперь, когда я дал за последние три-четыре года вещи, которым нельзя дать умереть, все стадо рычит, ворчит и рвется назад в свое болото. В конце концов я наказан поделом за то, что портил их, потому что ни одна душа на свете не сделала столько, сколько я в моих первых сочинениях для того, чтобы распространить этот стиль, преувеличенный и фальшивый» [Моруа: 252].

Зрелый Байрон — приверженец сатиры, наследник избалованного просветителями жанра — не откажется от готики, но теперь она станет предметом пародии.

Список литературы

1. Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум, Ювента, 1997. 312 с.
2. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит., 1986. 543 с.
3. Веселовский А. Байрон. Биографический очерк. М.: Типо-литография А. В. Васильева и К°, 1902. 305 с.
4. Жирмунский В. М. Предромантизм // История английской литературы. М.; Л., 1945. Т. I. Вып. 2. С. 564–568.
5. Жирмунский В. М. Английский предромантизм // Из истории западноевропейских литератур. Л.: Наука, 1981. С. 149–174.
6. Зыкова Е. П. Восточные мотивы в творческой биографии Байрона // Великий романтик Байрон и мировая литература. М.: Наука, 1991. С. 38–59.
7. Максимов Б. А. Переосмысление просветительской концепции «ужасного» в романах А. Радклиф // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 76. С. 306–328 [Электронный ресурс]. URL: [http://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=2218&article_id=50305\(01.04.2022\)](http://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=2218&article_id=50305(01.04.2022)). DOI: 10.17223/19986645/76/14
8. Моруа А. Байрон. М.; СПб.: Лексика, 1993. 320 с.

9. Нацпок Б. Р. Английский «готический» роман: к вопросу об истории и поэтике жанра // Психология человека. 2008 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskiy-goticheskiy-roman-k-voprosu-ob-istorii-i-poetike-zhanra> (01.04.2022).
10. Скотт В. Миссис Анна Радклиф // Радклиф А. Итальянец, или Тайна одной исповеди / пер. Л. Бриловой. М.: Эксмо, 2007. С. 5–50.
11. Соловьева Н. А. Английский предромантизм: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1984. 412 с.
12. Childe Harold's Pilgrimage: A Romaunt. By Lord Byron // The Edinburg Review. 1812. February. No. 38. Pp. 466–477. (Edinburg Review, 1812)
13. [Cochran P.] The Gothic Byron. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2009. 201 p.
14. Gothic / ed. by Fred Botting and Dale Townshend. London; New York: Routledge, 2004. Vol. 1. 371 p. (Series: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies.)
15. MacAndrew El. The Gothic Tradition in Fiction. New York: Columbia University Press, 1979. 289 p.
16. Revisiones Postmodernas del Gótico en la Literatura y las Artes Visuales / ed. José María Mesa Villar, Ana González-Rivas Fernández, Antonio José Miralles Pérez. Salamanka, 2022. 218 p.
17. Sanders Andrew. The Short Oxford History of English Literature. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1994. 678 p.
18. The Giaour, a Fragment of a Turkish Tale. By Lord Byron // The Edinburg Review. 1813. July. No. 42. Pp. 299–309. (Edinburg Review, 1813)
19. Thorslev Peter L. The Byronic Hero: Types and Prototypes. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1962. 228 p.

References

1. Adorno T., Horkheimer M. *Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty [Dialectic of the Enlightenment. Philosophical Fragments]*. Moscow, St. Petersburg, Medium Publ., Yuventa Publ., 1997. 312 p. (In Russ.)
2. Bakhtin M. M. *Literaturno-kriticheskie stat'i [Literary Critical Articles]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986. 543 p. (In Russ.)
3. Veselovskiy A. *Bayron. Biograficheskiy ocherk [Byron. Biographical Sketch]*. Moscow, Tipo-litografiya A. V. Vasil'eva i K^o Publ., 1902. 305 p. (In Russ.)
4. Zhirmunskiy V. M. Pre-Romanticism. In: *Istoriya angliyskoy literatury [History of English Literature]*. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1945, vol. 1, issue 2, pp. 564–588. (In Russ.)
5. Zhirmunskiy V. M. English Pre-Romanticism. In: *Iz istorii zapadnoevropeyskikh literatur [From the History of Western European Literatures]*. Leningrad, Nauka Publ., 1981, pp. 149–174. (In Russ.)
6. Zykova E. P. Eastern Motifs in Byron's Creative Biography. In: *Velikiy romantik Bayron i mirovaya literatura [Great Romantic Byron and World Literature]*. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 38–59. (In Russ.)

7. Maksimov B. A. Rethinking Enlightenment Ideas of the “Horrible” in the Novels of Ann Radcliffe. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2022, no. 76, pp. 306–328. Available at: http://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=2218&article_id=50305 (accessed on April 1, 2022). DOI: 10.17223/19986645/76/14 (In Russ.)
8. Maurois A. *Bayron* [Byron]. Moscow, St. Petersburg, Leksika Publ., 1993. 320 p. (In Russ.)
9. Natspok B. R. English “Gothic” Novel: to the Question of the History and Poetics of the Genre. In: *Psikhologiya cheloveka* [Human Psychology], 2008. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskiy-goticheskiy-roman-k-voprosu-ob-istorii-i-poetike-zhanra> (accessed on April 1, 2022). (In Russ.)
10. Skott V. Mrs Anna Radcliffe. In: *Radklif A. Ital’yanets, ili Tayna odnoy ispovedi* [Radcliffe A. Italian, or The Secret of One Confession]. Moscow, Eksmo Publ., 2007, pp. 5–50. (In Russ.)
11. Solov’eva N. A. *Angliyskiy predromantizm: dis. ... d-ra filol. nauk* [English Pre-Romanticism. PhD. philol. sci. diss.]. Moscow, 1984. 412 p. (In Russ.)
12. Childe Harold’s Pilgrimage: A Romaunt. By Lord Byron. In: *The Edinburg Review*, 1812, February, no. 38, pp. 466–477. (In English)
13. Cochran P. *The Gothic Byron*. Cambridge, Cambridge Scholars Publ., 2009. 201 p. (In English)
14. *Gothic*. London, New York, Routledge Publ., 2004, vol. 1. 371 p. (Series: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies). (In English)
15. MacAndrew El. *The Gothic Tradition in Fiction*. New York, Columbia University Press Publ., 1979. 289 p. (In English)
16. *Revisiones Postmodernas del Gótico en la Literatura y las Artes Visuales* [Postmodern Revisions of the Gothic in Literature and the Visual Arts]. Salamanka, Universidad de Salamanca Publ., 2022. 218 p. (In Spanish)
17. Sanders Andrew. *The Short Oxford History of English Literature*. Oxford, Clarendon Press Publ., New York, Oxford University Press Publ., 1994. 678 p. (In English)
18. The Giaour, a Fragment of a Turkish Tale. By Lord Byron. In: *The Edinburg Review*, 1813, July, no. 42, pp. 299–309. (In English)
19. Thorslev Peter L. *The Byronic Hero: Types and Prototypes*. Minneapolis, University of Minnesota Press Publ., 1962. 228 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Корнилова Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (ул. Московская, 9, г. Москва, Российская Федерация, 125009); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4606-8484>; e-mail: ekornilova@mail.ru.

Elena N. Kornilova, PhD (Philology), Professor of the Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University (ul. Moskovskaya 9, Moscow, 125009, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4606-8484>; e-mail: ekornilova@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.07.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 14.10.2022

Принята к публикации / Accepted 25.10.2022

Дата публикации / Date of publication 21.11.2022

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11623

EDN: URMZPY

Античные реминисценции в русской поэзии начала XIX в. (по материалам альманаха «Свиток муз»)

И. М. Суворова^{1✉}, А. А. Скоропадская²

^{1,2} *Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

¹ e-mail: suvmih@list.ru ✉

² e-mail: san19770@mail.ru

Аннотация. Поэтический альманах «Свиток муз» (1802–1803) был типичным проявлением эклектики в искусстве начала XX в. Это был «переходный период» от классицизма к сентиментализму с претензией на развитие неоклассицизма в дальнейшей истории русской литературы. Авторы поэтического альманаха намеревались создать новаторскую поэзию, пронизанную непосредственными переживаниями своих чувств и эмоций, без пафоса и официоза «устаревавшего» классицизма. Однако подобное стремление к выразительности невозможно без экспликации эстетических категорий и ценностей, которые авторы альманаха позаимствовали у античных философов. В статье выявлены античные реминисценции, используемые авторами альманаха на уровне жанров, образов и мотивов, а также реминисценции античной философии в описании прекрасного у Платона, связи прекрасного с истиной у Плотина, телесности у Сенеки, катарсиса у Аристотеля.

Ключевые слова: античность, мифология, литература, философия, эстетика, категории, реминисценции, поэзия, альманах, Свиток муз

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) № 22-18-00423 [Электронный ресурс]. URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00423>.

Для цитирования: Суворова И. М., Скоропадская А. А. Античные реминисценции в русской поэзии начала XIX в. (по материалам альманаха «Свиток муз») // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 4. С. 112–128. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11623. EDN: URMZPY

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11623

EDN: URMZPY

Antique Reminiscences in Russian Poetry of the Early 19th Century (Based on the Materials of the “Muses Scroll” Almanac)

Irina M. Suvorova^{1✉}, Anna A. Skoropadskaya²

^{1,2} Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)

¹ e-mail: suvormih@list.ru ✉

² e-mail: san19770@mail.ru

Abstract. The “Muses Scroll” poetic almanac was a typical manifestation of eclecticism in the art of the “transitional period” from classicism to sentimentalism at the very beginning of the 19th century with a claim to the formation of neoclassicism in the further history of Russian literature. An important circumstance was the desire of the authors of the poetic almanac to create innovative poetry, imbued with direct experiences of their feelings and emotions without the pathos and officialdom of the “outdated” classicism. However, such a desire for expressiveness is impossible without the explication of aesthetic categories and values that the authors of the almanac borrowed from ancient philosophers. The result of the aesthetic analysis was the identification in the works of the almanac of reminiscences of ancient philosophy in the description of the beautiful by Plato, the connection of beauty with truth by Plotinus, corporality by Seneca, the heroic and catharsis by Aristotle.

Keywords: antiquity, mythology, literature, philosophy, aesthetics, categories, reminiscences, poetry, almanac, Muses Scroll

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 22-18-00423. Available at: <https://rscf.ru/project/22-18-00423>.

For citation: Suvorova I. M., Skoropadskaya A. A. Antique Reminiscences in Russian Poetry of the Early 19th Century (Based on the Materials of the “Muses Scroll” Almanac). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2022, vol. 20, no. 4, pp. 112–128. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11623. EDN: URMZPY (In Russ.)

Начало XIX в. в русской литературе ознаменовано сосуществованием нескольких художественных методов, сформировавшихся в предыдущем столетии: «...общую тенденцию в развитии русской поэзии этого времени можно было бы определить как движение от классицизма и сентиментализма к романтизму <...>, но реальная картина была несомненно

более сложной и многогранной» [Иезуитова: 91]. Особенности литературного процесса наиболее рельефно проявляются в литературных периодических изданиях, так как идейно-эстетические установки редакций обуславливали отбор публикуемых авторов и произведений. Вдохновленные художественными возможностями сентиментализма, наиболее полно обоснованными и ярко проиллюстрированными Н. Карамзиным, молодые поэты, публиковавшиеся в новых журналах, в своих произведениях акцентировали внимание на эмоциональных переживаниях героев, прославляя любовь и дружбу. Им также было свойственно чувственное описание гармонии человека с природой для обращения души читателя к красоте в сентиментальном духе.

Именно в подобном ключе создавали свои поэтические творения члены Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, которые, «не имея достаточных средств на издание собственного журнала» [Орлов: 202], выпустили в свет в 1802–1803 гг. поэтический альманах «Свиток муз». Творческое стремление издателей говорить по-новому выстраивается на предшествующем литературном опыте. Так, обращает на себя внимание название альманаха, которое явно отсылает к античной традиции. Кроме того, содержание издания показывает активное использование его авторами жанров, образов, мотивов и сюжетов античности.

Вероятно, это связано с инерцией уходящего классицизма, который концептуально провозглашал образцовость античности, что в рамках литературного процесса определило жанрово-тематическую ориентацию. По наблюдениям отечественных исследователей, в это время «и в поэтике, и в литературной практике на первый план выдвигаются нормативные категории стиля и жанра, подчиняющие себе субъективную волю автора» [Аверинцев и др.: 15]. Однако нам видится, что в альманахе может быть не только жанровое и сюжетное заимствование из античной литературы, но возможно также наличие своеобразных реминисценций эстетической мысли античности, которая приобрела особую популярность в отечественной культуре XIX в. Ведь «практика, хотя и отклоняется всякий раз от теории (демонстрирует большую свободу или

большую скованность, опережает теорию, предвосхищает последующие доктрины и т. д.), в своей целостности обнаруживает некие общие для данной эпохи и так или иначе воплощенные в теории эстетические принципы» [Аверинцев и др.: 5].

Современные исследователи К. Кроо и П. Торор полагают, что обращение к античности в начале XIX в. связано с непреходящей ценностью античных образцов для русской культуры в решении проблемы идентичности: «Античность связана с проблемой *своего чужого* или *своего внешнего*. Это чужое внешнее необходимо для русского культурного самосознания для поддержания своего исторического (и не только западного) идентитета. Античность входит в состав Европы, конструируемой в русской культуре одновременно как желаемое будущее и как утраченное прошлое» [Кроо, Торор: 16]. Отсылка исследователей к «утраченному прошлому» в данном случае видится нам полемичной, но их оценка античности как «желаемого будущего» вполне соответствует пафосу авторских произведений альманаха «Свиток муз», содержание всех номеров которого мы подвергли комплексному анализу.

Издание поэтического альманаха «Свиток муз»¹ в 1802–1803 гг. в Санкт-Петербурге было инициировано руководителями Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (см.: [Костин, Костина], [Стешенко]), которых в отечественном литературоведении называли еще «поэтами-радищевцами»: Ивана Мартыновича Борна и Василия Васильевича Попугаева. Обе части альманаха (кн. 1 и 2) датируются 1802 г., но последняя стала доступна читателю только в 1803 г.

В двух частях альманаха опубликовано 77 поэтических произведений, из которых 8 являются переводными (Гораций, Калистрат, И.-В. Гете, Вольтер, Ж.-Ж. Руссо, Г.-К. Пфедфель, Ф.-Г. Клопшток, А. Радклиф, К.-Ф. Геллерт, П.-Д.-Э. Лебрен), а 69 — авторскими. Большая часть оригинальных текстов в той или иной степени апеллирует к античной традиции. Показательно, например, использование авторами альманаха

¹ Альманах «Свиток муз». Кн. 1–2. СПб.: Тип. Шнора, 1802–1803 [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20090302161705/http://lib.ru/rus/Volsnx/Svmuz/Sv_muz.html#Kn1 (22.08.2022). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием книги и страницы в круглых скобках.

античных жанров, среди которых — элегии (15 произведений), послания (12) и оды (6).

Поэтическая образность зачастую создается путем обращения к различным аспектам античного культурного наследия, прежде всего — к мифологии. Например, частая для авторов альманаха тема поэтического вдохновения представлена в образе Кастальского источника. Так, в стихотворении М. К. Михайлова «Моя хижина», описывающем идиллическое одиночество на лоне природы поэта, вдохновляемого Фебом, можно найти намек на Кастальский ручей:

«При корне ж дуба протекает
Ручей жемчужною струей;
Зефир прохладу навевает;
Что ветры мне? что солнца зной?» (Кн. 1: 39).

Аналогичным образом А. Г. Волков в стихотворении «К Музам» рисует творческий поэтический процесс под шум ручья:

«Забывши в вас мятежный свет,
Он в руку лиру принимает,
При шуме ручейка играет
И, голос соглася, поет...» (Кн. 1: 65).

Здесь также воспевается гармоничное единение поэта и природы, творческое уединение противопоставляется военной славе в традициях гедонистической философии.

Поэт А. Х. Востоков в оде «Фантазия» прославляет собственно творческую способность поэта фантазировать, используя образы Олимпа, Пинда, Граций, Пегаса, Кастальского ручья и сада Гесперид:

«Тебе, Олимпа дочь священна,
Тебе, фантазия, мой глас,
<...>
Кастальский ток, жилище муз!
Уже восторгом дух пылает,
Святых мечтаний он алкает,
И рвется вон из плотских уз» (Кн. 1: 12).
«И африканская пустыня
В твоём присутствии, богиня,
Быть может садом Гесперид!» (Кн. 1: 14).

Мифологические образы становятся для Востокова инструментом персонификации абстрактного понятия «фантазия» — они обеспечивают «зримость» описаний творческого процесса и состояния поэтического вдохновения. Торжественный тон оды и аллегоричность, свойственные классицизму, сочетаются с призывом жить простой жизнью и идиллическими картинами поэтического счастья.

В стихотворении А. Х. Востокова «Осенний вечер» описывается ненастье в Петербурге, именуемом в тексте на античный манер «Петрополем». Образы античной мифологии передают величие природной стихии, которая вдохновляет своей силой и мощью на творчество: «дух богов» — та потенция, которая позволяет художнику перерождать мир природы в искусстве («вы мир физический, моральный, перерождать сильны»). Стихию в стихотворении олицетворяют Зевс и Кибела:

«Не зрю ль в восторге: Зевс дождливый,
Во влагу небо претворя,
С власов и мышц водоточивых
Шумящи льет моря?»

Меж тем к Олимпу руки вздела
От наводняемых холмов
Столповенчанная Цибела,
Почтенна мать богов» (Кн. 2: 100).

Примечательно, что это стихотворение сопровождается гравюрой Е. Скотникова по рисунку Г. Ф. Дойена, к которой сделан следующий комментарий:

«С сего прекрасного эскиза выгравирован эстамп в Академии Художеств г. Скотниковым. Славный Дойень, творец одного, ко всем потребным живописцу знаниям присоединяет в высочайшей степени вкус изящного и пламенное поэтическое воображение, без коего нельзя быть истинным артистом» (Кн. 2: 100).

Таким образом, поэтический текст и сопровождающая его художественная иллюстрация оказывают синтетическое воздействие, в словесной и графической форме передавая силу природы. Для обеих этих форм античность — единое образное решение, единый смысловой код эстетического восприятия и философского осмысления.

Самый востребованный мифологический образ у авторов «Свитка муз» — образ Зефира (встречается в 8 произведениях). Так, Зефир рисуется воплощением легкого весеннего ветра в стихотворении «Сон» анонимного автора (О. О.):

«Венок из алых роз, блистая,
На русых волосах лежал,
Зефир прохладный вкруг играя,
Их длинны кудри развевал!» (Кн. 1: 84).

И в стихотворении А. Г. Волкова «Моя богиня»:

«Пускай надменные умы,
Любовь! тебя не обожают;
Пусть им зефиры не играют:
Их юность блекнет средь зимы!» (Кн. 1: 109).

Волков посвящает Зефиру целое произведение («К Зефиру») с просьбой передать свои любовные чувства конкретной девушке:

«Зефир, Зефир, цветов живитель,
Полудня сладкий прохладитель,
Игривый друг весенних дней!
Зефир, цветущих роз лобзатель,
Красавиц нежный обожатель,
Послушай просьбы ты моей!» (Кн. 1: 113).

Подобная интерпретация образа Зефира у авторов может быть связана с такими его типичными мифологическими характеристиками, как непостоянство, легкость и приятность, сопровождающими влюбленных в реальной жизни. Необходимо отметить, что авторы апеллируют к древнеримской традиции в трактовке образа Зефира, где он считается олицетворением весны, а не к древнегреческой, в которой Зефир представлен сильным и стремительным западным ветром.

Определенным антиподом Зефиру служит северный ветер Борей, образ которого также встречается на страницах альманаха. У В. И. Красовского в стихотворении «Осеннее чувство» Борей трактуется как предвестник зимы, лишаящий землю ее растительной красоты:

«Листики, Бореем отрясенны,
Лежат спокойно на земли;
Без них стебли, красот лишены,
Не манят путника вдали!» (Кн. 1: 147).

А. Х. Востоков в своем поэтическом послании «К Борее» с припиской «В первый день мая 1802» обращается к главному герою с призывом прекратить препятствовать весне:

«Борей! доколе будешь свирепствовать,
Дождь хладный с градом сыпать из облак к нам?
И даже снег! — зима престала;
Злой разрушитель! не тронь весну» (Кн. 2: 83).

Античный мифологический образ олицетворяет собой холодное время года. Разрушительная сила Борей подробно описана Гесиодом и Гомером. Востоков сохраняет в стихотворении функции Борей (разрушение, холод, гибель живого) и его внешний вид, описанный в античности (крылья, «снегоносные» волосы), но использование грамматических категорий настоящего времени («весенни игры гонишь ты взмахом крыл») и повелительного наклонения («Страшись, страшись!»), образ Петербурга, в панораме которого описывается вторжение Борей, делают античный образ частью современной автору картины мира.

В стихотворении «Подражание оде Горация» В. В. Попугаев противопоставляет силе Борей силу человека, который, по мысли поэта, способен дать отпор несокрушимому северному ветру:

«Того, кто правде поборает,
Кто тверд в намеренье прямом,
Ни граждан глас не устрашает,
Ни деспот с яростным лицом,
Претящи быть ему правдивым!

Пускай свирепствует Борей
И кроет море волн горами...» (Кн. 2: 97).

Одинаково популярными у авторов «Свитка муз» были Феб (Аполлон) и Амур (Купидон), которым свои строки посвятили М. К. Михайлов («Моя хижина»), А. Х. Востоков

(«Кантата к луне», «Зима», «К богине души моей»), В. В. Попугаев («Судьба Амура» — перевод), В. И. Красовский («Осень»), А. Г. Волков («Плутиска целой», «Купидон и бабочка»), О. О. («Сон»). Чаще всего поэты связывали эти античные мифологические образы с любовными переживаниями (Амур) и поэтическим вдохновением (Феб). Так, в стихотворении «Сон» любовные страдания олицетворены в образе бога любви Амура:

«Амур, мой враг непримиримый,
Мучитель сердца моего,
Ты дал мне зреть предмет любимый
В мечтанье лестном сна сего...» (Кн. 1: 83).

А. Г. Волков изображает Эроса (Купидона) крылатым младенцем. Античный колорит дополняют детали южного пейзажа: лозы, мирты, розы. Номинации Купидона («малютка», «божок»), уменьшительные формы («пальчик», «ручка», «кусточек», «цветочек», «ветерочек») создают незамысловатый и остроумно ироничный сюжет:

«Не так ли мы стремимся
За резвой красотой?
И часто наградимся
Сердечною тоской!» (Кн. 1: 37).

Риторический вопрос и следующее за ним утвердительное восклицание не только знаменуют смену семантической оценки образного плана: идиллическая зарисовка в духе античной анакреонтики приобретает черты философского иносказания, отражающего вечную противоречивую природу любви. Автор стихотворения предупреждает читателя о временности и обманчивости внешней красоты. Эта мысль вполне соответствует представлению о красоте Плотина, который в трактате «О прекрасном» выделял три ступени красоты: первая и высшая — умопостигаемая, вторая — постигаемая душой и третья — воспринимаемая чувственно. Именно чувственная красота, по Плотину, возбуждает в душе человека тоску по

божественной красоте первой ступени, что соответствует образному определению «сердечная тоска»².

Кроме рассмотренных античных образов в текстах альманаха также упоминаются Орфей, Хлоя, Феникс, Атлант, Посейдон / Нептун, Зевс / Юпитер, Марс, Диана, Афродита, Геркулес, Вакх, Нимфы, Пигмалион, Вулкан и Хронос. Подобные реминисценции свидетельствуют об одинаковом интересе авторов к героям как древнегреческой, так и древнеримской мифологии, при отсутствии упоминаний мифологических героев других исторических типов культуры.

Популярностью у русских поэтов пользовались и исторические персоны, такие как Сократ, Нерон, Крез, Сафо и Марк Аврелий. Так, И. М. Борн в произведении «На смерть Радищева» усматривает определенную аналогию в насильственной смерти Сократа и смерти Радищева в следующих строках:

«...И у нас
Имеет, правда, добродетель
Своих страдальцев: там Сократ,
Мудрец и смертных благодетель,
Казнен...» (Кн. 2: 137).

К стихотворению добавлен комментарий автора, в котором продолжено сопоставление античной и современной истории:

«Радищев умер и, как сказывают, насильственной, произвольною смертью. Как согласить сие действие с непоколебимою оною твердостью философа, покоряющегося необходимости и радеющего о благе людей в самом изгнании, в ссылке, в несчастии, будучи отчужденным круга родных и друзей?.. Или познал он ничтожность жизни человеческой? или отчаялся он, как Брут, в самой добродетели? — Положим перст на уста наши и пожалеем об участи человечества» (Кн. 2: 144).

Это произведение было единственным опубликованным откликом современников на смерть А. Н. Радищева, что вполне соответствует смелому духу гражданской поэзии, которая также восходит к античности.

² Плотин. 1. 6. О прекрасном (фрагменты из Эннеад) // Портал «Платонополис» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.platonizm.ru/content/plotin-fragmenty-ennead> (22.08.2022).

Созданные авторами альманаха мифологические образы богов и божеств поражают особой выразительностью, которая наполняет неповторимым эстетическим содержанием каждое произведение. Здесь, согласно А. Ф. Лосеву, происходит «слияние внутренне-идеального и внешне-материального в одну самостоятельную предметность» [Лосев, 2000: 121], которая заключена в его потенциальной пластичности.

Логично предположить, что авторов альманаха привлекала не только пластичность античных мифологических образов, но и идеи античной эстетики, бывшей своеобразной «почвой» для этой самой пластичности.

Эстетическая категория прекрасного чаще всего описывается авторами поэтического альманаха.

А. Х. Востоков так рассуждает о прекрасном в оде «Фантазия»:

«Все то, что стройно и согласно,
Слиялося в моих ушах;
Все то, что благо и прекрасно,
Зрю я в блаженных сих странах.
Все то, что дух наш возвышает
Все то, что нас с творцом сближает,
Чрез чувства все в себя я пью...» (Кн. 1: 20).

Красота как эстетическая характеристика совершенного внешнего облика обыгрывается А. Х. Востоковым в образе мифологического возлюбленного Артемиды (Луны) Эндимиона:

«Эндимион блаженный,
Храним любовью, спит.
<...>
Он спит, сей юноша прелестный,
Любимец чистой красоты...» (Кн. 1: 47).

Прекрасная Луна соединяется с «прелестным» юношей, побуждаемая непреодолимой силой любви, которая утверждает гармонизирующее начало красоты и единственная может противостоять мраку и вдохновлять на творчество:

«Зреть тебя стремятся очи,
Петь тебя стремится дух» (Кн. 1: 47).

Вслед за античными философами Востоков противопоставляет образу «прекрасной луны» образ «филина, сына угрюмой ночи», связывая эстетические категории прекрасного и безобразного с гносеологическими категориями истины и лжи:

«Истине святой подобна
Ты, о светлая луна!
Филин есть неправда злобна,
Ненавидит свет она,
Ненавидит просвещение,
Любит лишь душевный мрак;
Истины священный зрак
Ей наводит ослепленье» (Кн. 1: 45).

Подобное противопоставление вполне соответствует выводу Плотина о связи прекрасного и истины в трактате «О прекрасном»: «Красоту эту нужно видеть тем же самым, чем душа взирает на другие подобные вещи, и, видя ее, испытывать наслаждение и потрясение, изумляться больше, чем телесной красоте, так как соприкасаешься уже с тем, что истинно»³.

Анонимный автор стихотворения «Сон» связывает красоту с телесностью:

«Невинность, кротость в каждом взгляде,
Как луч небес, видна была;
Венок из алых роз, блистая,
На русых волосах лежал,
Зефир прохладный вкруг играя,
Их длинны кудри развевал!» (Кн. 2: 82–83).

Помимо душевной красоты (невинность, кротость), автор описывает внешнюю красоту возлюбленной (уста, русые волосы, длинные кудри) согласно античной традиции гармонии души и тела, так охарактеризованной А. Ф. Лосевым: «Поскольку тело это есть не просто обычное человеческое тело, с его слабостью, болезнями и смертью, оно необходимо есть *идеальное* тело. <...> Это — полная взаимопронизанность духа и тела, *абсолютное равновесие духовного и телесного*. Отсюда, античное тело с диалектической необходимостью оказывается *человеческим* телом...» [Лосев, 1993: 68].

³ Плотин. О прекрасном.

Еще более откровенно о теле пишет в своем стихотворении «К богине души моей» А. Х. Востоков:

«Приди, и полными лилейными руками
 В объятья сладки заключи,
 И нежно к моему биющему сердцу
 Девические перси жми —
 <...>
 И члены в сладостном дрожании ощутят
 Электризацию любви;
 Пусть восхищенная душа моя с твоею
 Сольется радостно в одну:
 Упившись сладостью чистейших удовольствий,
 Пусть вкупе мы потонем в них» (Кн. 1: 78).

Автор придерживается древнегреческой гармонии телесного и духовного, акцентируя внимание на слиянии двух тел и душ возлюбленных, что соответствует представлениям орфиков о душе как о части божества, скрытого в теле, и воззрениям Сенеки, который считал и душу телом, поскольку «что действует, то телесно»⁴.

Античную категорию телесности А. Ф. Лосев связывает с этической категорией героического: «Человек в основе своей есть только прекрасная телесность. <...> [она] не знает ни конечных причин своего происхождения, ни своих конечных целей. Для этого она слишком созерцательна, слишком прекрасна, а главное, слишком телесна. В силу этого античный человек всегда героичен, действуя независимо от своей судьбы» [Лосев, 1988: 236]. В стихотворении «Ода достойным» Востоков отождествляет героизм с мужеством:

«Если мужество, благоразумие,
 Твердость духа и честные правила
 Совместились в нем с милосердием, —
 Он воистину есть герой!» (Кн. 1: 7).

Можно считать этот фрагмент реминисценцией мысли Аристотеля, который полагал: «Мужественный страдает

⁴ Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию. М.: Наука, 1977. С. 268, 297. (Сер.: Литературные памятники.)

и действует соразмерно и разумно»⁵. В этой ситуации всегда обнаруживается сопряжение героического и трагического, что для самого героя нередко заканчивается возвеличиванием и прославлением в веках:

«О, коль те в нем находятся качества,
Он составит народное счастье;
Поздних правнуков благословение
Будет в вечность за ним идти» (Кн. 1: 7).

Востоков убеждает читателя (ода «Фантазия»):

«Все то, что дух наш возвышает
Все то, что нас с творцом сближает,
Чрез чувства все в себя я пью;
Ах, лъзя ль мне днесь землей прельщаться,
Тщете, неправде поклоняться?
Пусть в сих восторгах я умру» (Кн. 1: 19).

Выражением аристотелевской идеи катарсиса можно считать сложное по форме произведение И. М. Борна «На смерть Радищева», в котором он призывает читателей в лице членов Общества любителей изящного сострадать судьбе ушедшего из жизни современника. Возвышенное содержание и гражданский пафос пронизывают последние строки произведения, когда автор обращается к самому герою:

«Ты в сферах неизвестных скрылся
От бранных глаз земных;
<...>
Стократ блаженнее днесь доля
Твоя, бессмертный дух!» (Кн. 2: 144).

Это стихотворение стало заключительным в двух книгах альманаха, который можно считать своеобразным прологом русского неоклассицизма конца XIX в., подтвердившего приверженность русской литературы античным традициям в новой историко-культурной ситуации.

Альманах «Свиток муз» содержит множество реминисценций античной мифологии, философии, топографии, истории

⁵ Аристотель. Этика. М.: АСТ, 2020. С. 73.

и литературы. Реминисценции мифологических и исторических образов, сюжетов, жанров, мотивов и идей в произведениях русских авторов подтверждают неразрывную связь античной и русской культур.

Список литературы

1. Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания: сб. ст. М.: Наследие, 1994. С. 3–38 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30667266_59314553.pdf (22.08.2022). EDN: ZVCJUH
2. Иезуитова Р. В. Поэзия 1800–1810-х гг. // История русской литературы: в 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука, 1981. Т. 2: От сентиментализма к романтизму и реализму. С. 88–103 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/irl/rl0/rl2/rl2-0882.htm> (22.08.2022).
3. Костин А. А., Костина Т. В. Стихотворный сборник «Праздное время» (1798): к предыстории Вольного общества любителей словесности, наук и художеств // XVIII век: сб. ст. и материалов. СПб.: ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, 2008. Т. 25. С. 175–205 [Электронный ресурс]. URL: <http://xviii.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=kOlj10Ct47g%3D&tabid=8318> (22.08.2022). EDN: TGFLAX
4. Лосев А. Ф. Дерзание духа. М.: Политиздат, 1988. 366 с.
5. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 959 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.psylib.org.ua/books/lose000/txt005.htm> (22.08.2022).
6. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Харьков: Фолио; М.: Аст, 2000. Т. 7: Последние века. Кн. 2. 544 с.
7. Орлов В. Н. Вольное общество любителей словесности, наук и художеств // История русской литературы: в 10 т. / АН СССР. Ин-т лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 5: Литература первой половины XIX в. Ч. 1. С. 198–224 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/irl/il0/il5/il521982.htm> (22.08.2022).
8. Стешенко И. А. Альманах как форма литературного процесса первой трети XIX века // Образование — лингвистика — коммуникация: современные тенденции и перспективы развития: сб. тр. Всероссийской науч.-практич. конференции. Новомосковск: Новомосков. ин-т РХТУ им. Д. И. Менделеева, 2020. С. 151–155 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48118373_73386666.pdf (22.08.2022). EDN: BWAЕJW
9. Kroo K., Torop P. Предисловие редакторов сборника // Russian Text (19th Century) and Antiquity (= Русский текст (19 век) и античность). Budapest; Tartu: L'Harmattan, 2008. Pp. 15–23.

References

1. Averintsev S. S., Andreev M. L., Gasparov M. L., Grintser P. A., Mikhaylov A. V. Categories of Poetics in the Change of Literary Eras. In: *Istoricheskaya poetika. Literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya: sbornik statey [Historical Poetics. Literary Epochs and Types of Artistic Consciousness: Collection of Articles]*. Moscow, Nasledie Publ., 1994, pp. 3–38. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30667266_59314553.pdf (accessed on August 22, 2022). EDN: ZVCJUH (In Russ.)
2. Iezuitova R. V. Poetry of the 1800s — 1810s. In: *Istoriya russkoy literatury: v 4 tomakh [The History of Russian Literature: in 4 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1981, vol. 2, pp. 88–103. Available at: <http://feb-web.ru/feb/irl/rl0/rl2/rl2-0882.htm> (accessed on August 22, 2022). (In Russ.)
3. Kostin A. A., Kostina T. V. The Collection of Poems “Idle time” (1798): On the Prehistory of The Free Society of Lovers of Literature, Science, and the Arts. In: *XVIII vek: sbornik statey i materialov [18th Century: Collection of Articles and Materials]*. St. Petersburg, Institute of the Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of the Russian Academy of Sciences Publ., 2008, vol. 25, pp. 175–205. Available at: <http://xviii.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=kOlj10Ct47g%3D&tabid=8318> (accessed on August 22, 2022). EDN: TGFLAX (In Russ.)
4. Losev A. F. *Derzanie dukha [Daring Spirit]*. Moscow, Politizdat Publ., 1988. 366 p. (In Russ.)
5. Losev A. F. *Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii [Essays on Ancient Symbolism and Mythology]*. Moscow, Mysl' Publ., 1993. 959 p. Available at: <https://www.psylib.org.ua/books/lose000/txt005.htm> (accessed on August 22, 2022). (In Russ.)
6. Losev A. F. *Istoriya antichnoy estetiki [History of Ancient Aesthetics]*. Kharkiv, Folio Publ., Moscow, AST Publ., 2000, vol. 7, book 2. 544 p. (In Russ.)
7. Orlov V. N. The Free Society of Lovers of Literature, Science, and the Arts. In: *Istoriya russkoy literatury: v 10 tomakh [History of Russian Literature: in 10 Vols]*. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1941, vol. 5, part 1, pp. 198–224. Available at: <http://feb-web.ru/feb/irl/il0/il5/il521982.htm> (accessed on August 22, 2022). (In Russ.)
8. Steshenko I. A. Almanac as a Form of Literary Process in the First Third of the 19th Century. In: *Obrazovanie — lingvistika — kommunikatsiya: sovremennye tendentsii i perspektivy razvitiya: sbornik trudov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Education — Linguistics — Communication: Current Trends and Development Prospects: Collection of Works of the All-Russian Scientific and Practical Conference]*. Novomoskovsk, Novomoskovsk Institute Russian University of Chemical Technology Named After D. I. Mendeleev Publ., 2020, pp. 151–155. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48118373_73386666.pdf (accessed on August 22, 2022). EDN: BWAEJW (In Russ.)
9. Kroo K., Torop P. Editorial Foreword. In: *Russkiy tekst (19 vek) i antichnost' [Russian Text (19th Century) and Antiquity]*. Budapest (Hungary), Tartu (Estonia), L'Harmattan Publ., 2008, pp. 15–23. (In Russ., In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Суворова Ирина Михайловна, доктор культурологии, профессор кафедры философии и культурологии Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3231-2661>; e-mail: suformih@list.ru.

Irina M. Suvorova, PhD (Culturology), Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3231-2661>; e-mail: suformih@list.ru.

Скоропадская Анна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6593-5526>; e-mail: san19770@mail.ru.

Anna A. Skoropadskaya, PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Classical Philology, Russian Literature and Journalism, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6593-5526>; e-mail: san19770@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 25.08.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 19.10.2022

Принята к публикации / Accepted 05.11.2022

Дата публикации / Date of publication 21.11.2022

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11642

EDN: VALSSG

Проблема жанрового завершения в романе Ф. М. Достоевского «Белые ночи»

Т. П. Баталова

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

e-mail: batalovatp@yandex.ru

Аннотация. В статье обосновывается необходимость использования при анализе художественного произведения категории «жанровое завершение», разработанной П. Н. Медведевым. Роман «Белые ночи» преемственно связан с «Петербургской летописью» Ф. М. Достоевского. Истоки этой взаимосвязи — близость и времени создания, и языковых и поэтических приемов, и мыслей. Многосторонняя взаимосвязь «Белых ночей» с «Петербургской летописью» помогает понять основную идею «сентиментального романа». Анализируя символику рифмующихся в тексте сюжетных ситуаций, образов, деталей («паутина», «желтый», «одинокий», «Матрена» и др.), чисел (8, 26, 15), значение которых усиливается и раскрывается в эпилге, автор статьи приходит к выводу, что в «Белых ночах» художественно завершается основная идея произведения. Этим объясняется и душевный кризис героя, вызванный трагедией мечтательности. Верность Настеньки в любви помогает Мечтателю укрепить веру в идеалы. По типу жанрового завершения «Белые ночи» Ф. М. Достоевского — роман, что соответствует авторской концепции произведения. В романе два сюжетно-композиционных уровня и одно их завершение. Автор статьи доказал, что анализ романа «Белые ночи» убеждает в необходимости использовать принципы социологической поэтики П. Н. Медведева.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, П. Н. Медведев, роман, сюжет, жанровое завершение, мечтательность, герой, Белые ночи, Петербургская летопись, социологическая поэтика, теория жанров, формальный метод

Для цитирования: Баталова Т. П. Проблема жанрового завершения в романе Ф. М. Достоевского «Белые ночи» // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 4. С. 129–141. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11642. EDN: VALSSG

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11642

EDN: VALSSG

The Problem of Genre Completion in “White Nights,” a Novel by F. M. Dostoevsky

Tamara P. Batalova

(*Saint Petersburg, Russian Federation*)

e-mail: batalovatp@yandex.ru

Abstract. The article substantiates the necessity of using the “genre completion” category developed by P. N. Medvedev in the analysis of a work of art. “White Nights” is successively connected with the “Petersburg Chronicle” by F. M. Dostoevsky. This relationship is rooted in the proximity of the time of creation, linguistic and poetic techniques, and thoughts. The multifaceted relationship of the “White Nights” with the “Petersburg Chronicle” helps to understand the fundamental concept of the “sentimental novel.” Analyzing the symbolism of rhyming plot situations, images, details in the text (“web,” “yellow,” “lonely,” “Matryona,” etc.), numbers (8, 26, 15), the meaning of which is amplified and revealed in the epilogue, the author of the article comes to the conclusion that in “White Nights” the main idea of the work is artistically completed. This explains the mental crisis of the hero caused by the tragedy of reverie. Nastenka’s faithfulness in love helps the Dreamer to strengthen his faith in ideals. According to the type of genre completion, “White Nights” by F. M. Dostoevsky is a novel, which corresponds to the author’s concept of the work. There are two plot / composition levels in the novel and one completion for both. The author of the article proves that the analysis of the novel “White Nights” reveals the need to use the principles of P. N. Medvedev’s sociological poetics.

Keywords: F. M. Dostoevsky, P. N. Medvedev, novel, plot, conclusion, dreaminess, hero, , hero, White Nights, St. Petersburg Chronicle, sociological poetics, genre theory, formal method

For citation: Batalova T. P. The Problem of Genre Completion in “White Nights,” a Novel by F. M. Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2022, vol. 20, no. 4, pp. 129–141. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11642. EDN: VALSSG (In Russ.)

В словарях и энциклопедиях литературных терминов категории «завершение» нет. В словаре русского языка слово «завершение» толкуется как «окончание»¹. Для литературоведческого термина это определение неточно, полнее раскрывает терминологическое значение слова Толковый словарь

¹ Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ, 1935. Т. 1. С. 898.

В. И. Даля: «Завершение» — однокоренное с «верх», «вершина», «вершок», «верста», т. е. результат какого-либо продвижения, преодоления, в данном случае — творческого процесса².

Понятие «завершение» как литературоведческий термин используется в работе П. Н. Медведева «Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику» (1928) [Медведев: 35–255], в учении о «жанре» [Медведев: 198–216], которое в теории П. Н. Медведева является центральным (см.: [Захаров, 2007], [Заваркина]). Учение о жанре было разработано П. Н. Медведевым в полемике с формальной школой, представители которой, отрывая художественное произведение от действительности, отрицали значение его содержания (подробнее см.: [Тынянов], [Шкловский], [Эйхенбаум]). Однако необходимость взаимосвязи художественного произведения с жизнью выражает категория *жанра*: «Каждый жанр, если это действительно существенный жанр, есть сложная система средств и способов понимающего овладения и завершения действительности. <...> ... действительность жанра и действительность, доступная жанру, — органически связаны между собой» [Медведев: 205, 207]. Из определения жанра следует, что «жанровое завершение» является результатом «понаимающего овладения и завершения действительности», выраженного в образах героев, теме, фабуле, сюжете произведения [Медведев: 205, 210–216].

П. Н. Медведев писал: «У каждого искусства — в зависимости от материала и его конструктивных возможностей — свои способы и типы завершения. Распадение отдельных искусств на жанры в значительной степени определяется именно типами завершения целого произведения. Каждый жанр — особый тип строить и завершать целое, притом, повторяем, существенно, тематически завершать, а не условно — композиционно кончать» [Медведев: 200]. Таким образом, у «жанра» две стороны: «понаимающе овладеваемая» действительность, порождающая идею произведения, и «завершение» — художественное выражение этого «понаимающего овладения действительности» — идеи произведения.

² Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: в 4 т. СПб.; М.: Тип. М. О. Вольфа, 1880. Т. 1. С. 557.

П. Н. Медведев критиковал формалистическую теорию жанров: «Что же делают формалисты, подходя к проблеме жанра? Они отрывают его от тех двух реальных полюсов, между которыми располагается и определяется жанр. Они отрывают произведение как от действительности социального общения, так и от тематического овладения действительностью. Жанр оказывается случайной комбинацией случайных приемов» [Медведев: 207].

У каждого жанра свое завершение. По характерным им общим чертам жанровые завершения объединяются в ряд типов. Типы жанровых завершений эпических произведений — «роман», «повесть», «рассказ» и др.

Критикуя точку зрения В. Б. Шкловского, П. Н. Медведев писал о единстве романа: «Подобно тому, как единство социальной жизни эпохи мы не можем сложить из отдельных жизненных эпизодов и положений, так и единство романа нельзя сложить путем нанизывания новелл. Роман раскрывает новую, качественную сторону тематически понятой действительности, связанную с новым, качественным же построением жанровой действительности произведения» [Медведев: 209].

Эти особенности жанрового завершения проявляются в романе «Белые ночи». Само название свидетельствует о неоднозначности жанрового определения. Для рассмотрения завершения «Белых ночей» особое значение имеет жанровая взаимосвязь этого произведения с «Петербургской летописью» [Захаров, 1996: 692]. Истоки этой взаимосвязи — в близости времени создания, языковых и поэтических приемов, мыслей. Важны также текстуальные совпадения в этих произведениях (например, о «петербургской погоде»³, о «мечтателе» (39–41, 240–242)): фельетонная публицистика творчески претворяется в драму «воспоминаний мечтателя».

О фельетоне 1840-х гг. И. И. Панаев писал: «Это болтун, по видимому добродушный и искренний, но в самом деле часто злой и злоречивый, который все знает, все видит, обо многом не говорит, но высказывает решительно все, колет эпиграммою

³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1996. Т. 2. С. 35. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

и намеком, увлекает и живым словом ума, и погремушкой шутки...» [Фельетоны: 7].

Описывая петербургские «новости», фельетонист Достоевский с иронией, скрывающей душевную боль, сообщает об отсутствии необходимых условий для активной общественной деятельности петербуржцев:

«А жажда дѣятельности доходить у насъ до какого-то лихорадочнаго, неудержимаго нетерпѣнія: всѣ хотятъ серьезнаго занятія, многіе съ жаркимъ желаніемъ сдѣлать добро, принести пользу» (37).

Писатель подчеркивает:

«Коль неудовлетворенъ человѣкъ, коль нѣтъ средствъ ему высказаться и проявить то что по-лучше въ немъ (не изъ самолюбія, а въ слѣдствіе самой естественной необходимости человеческой сознать, осуществить и обусловить свое Я въ дѣйствительной жизни), то сейчасъ-же и впадаетъ онъ въ какое нибудь самое невѣроятное событіе: то, съ позволенія сказать, сопьется, то пустится въ картежъ и шулерство, то въ бреттерство, то, наконецъ, съ ума сойдетъ отъ *амбиціи*...» (38).

Его критика обобщается до российских масштабов:

«А много-ли насъ, Русскихъ, имѣютъ средства дѣлать свое дѣло <...>. А иная дѣятельность еще требуетъ предварительныхъ средствъ, обезпеченья...» (39).

Наконец, проявляется сарказм трагедии «мечтателя»:

«Тогда въ характерахъ, жадныхъ дѣятельности, жадныхъ непосредственной жизни, жадныхъ дѣйствительности <...> заражается то что называютъ мечтательностію, и человѣкъ дѣлается наконецъ не человѣкомъ, а какимъ-то страннымъ существомъ средняго рода — *мечтателемъ*. А знаете-ли что такое мечтатель, господа? Это кошмаръ Петербургской, это олицетворенный грѣхъ, это трагедія, безмолвная, таинственная, угрюмая, дикая, со всѣми неистовыми ужасами, со всѣми катастрофами, перипетіями, завязками и развязками, — и мы говоримъ это вовсе не въ шутку» (39).

Эта животрепещущая петербургская и общерусская проблема, поднятая в «Петербургской летописи», переосмысливается

в «Белых ночах». «Мечтательность» героя «понимающе овладевается» и «завершается», с одной стороны, как следствие общественных условий, с другой — как личностное качество — особое душевное состояние героя. «Белые ночи» созданы по принципам, характерным для творчества Достоевского: парадокса [Захаров, 2011], рифмы ситуаций [Мейер], [Алексеев], повышенной сценичности [Родина]. Идея произведения определяет и тип повествования, она художественно «завершена», в романе символизируется верность любви постоянного женского сердца — «цѣлой минуты блаженства <...> хотя бы и на всю жизнь человеческую» (278), — которая выводит Мечтателя из «трагически гротесковой» [Зундалевич] погруженности в фантастическую «паутину» мечтательности, вызывающей «боль о человеке», веру в идеалы [Манн].

В романе совмещаются исповедь и записки («Воспоминания Мечтателя»). Сюжет удваивается: на рассказ о событиях накладывается отношение к происходящему Воспоминаящего [Викторович: 18]. Стиль записок характеризует Мечтателя как интеллигента, обладающего литературным даром. В своих записках он контекстуально выделяет значимые для него моменты, которые, «рифмуясь» в тексте, переосмысляются в эпилоге, функционально выражающем основную идею произведения [Краснов].

В романе выделяются слова «одинокий», «желтый», «паутина», «пришпилить» и др. Нумерация «ночей» в заглавиях частей указывает на символичность чисел в тексте «Белых ночей». Герой противопоставляет себя, «одинокого», «всему Петербургу»:

«...вотъ уже восемь лѣтъ, какъ я живу въ Петербургѣ, и почти ни одного знакомства не умѣлъ завести» (228); «Мнѣ вдругъ показалось, что меня, одинокаго, всѣ покидаютъ» (228); «Мнѣ страшно стало оставаться одному, и цѣлыхъ три дня я бродилъ по городу въ глубокой тоскѣ» (229).

Одиночество Мечтателя можно понимать как отсутствие у него родных, семьи, любимых. Но сопоставление со «всем Петербургом» это положение расширяет, одиночество распространяется и на общественную жизнь. Видимо, нет «условий», «средств» для этого, как пишет фельетонист в «Петербургской

летописи». Личность героя раскрывается в его рассказах о петербуржцах:

«Они <петербуржцы>, конечно, не знают меня, да я-то ихъ знаю. Я коротко ихъ знаю; я почти изучилъ ихъ физиономіи — и люблюсь на нихъ, когда они веселы, и хандрю, когда они затуманятся» (229).

Он конкретизирует свои общественные настроения и воспоминание:

«...никогда не забуду исторіи съ однимъ прехорошенькимъ свѣтло-розовымъ домикомъ. <...> ...слышу жалобный крикъ: "а меня красятъ въ желтую краску!" Злодѣи! варвары! <...> У меня чуть не разлилась желчь по этому случаю <...> раскрасили подь цвѣтъ поднебесной имперіи» (229–230).

Упоминание «Поднебесной» абстрагирует желтый цвет, который может толковаться как символ деспотизма.

Герой — полубольной, задыхающийся в городе человек, он поэтически пишет о петербургской природе, но он — не дачник. Это становится понятно после встречи Мечтателя с приехавшим из Павловска приятелем, который «очень любитъ и смѣхъ, и бойкое словцо, и разговоры о прекрасномъ полѣ, и другія веселыя темы» (241–242).

Противопоставление себя внешней жизни выражается и в описании Мечтателем своей квартиры как «неприступнаго угла», каких «много въ Петербургѣ», где светит не то солнце, что всем петербургским людям, в них «заглядываетъ» другое, «новое, какъ-будто нарочно заказанное для этихъ угловъ» (241). Это и маленькая комната героя с темными зелеными стенами, «непозволительно обкуренными» (241), «съ потолкомъ, завѣшеннымъ паутиной» (230).

Как человек творческий, он, переосмысливая литературную традицию парных героев, окружающую жизнь представляет в образе прислуживающей ему «задумчивой и вѣчно печальной» Матрёны (Матрона — «госпожа»). Образ «паутины», рифмуясь с «фантазией» («богиня фантазиі» «подхватила на своемъ игривомъ полетѣ <...> заткала шаловливо всѣхъ и все въ свою канву, какъ мухъ въ паутину» (245)), метафоризируется в «мечтания», которые герой в отчаянии от безысходности

воспринимает как «смесь чего-то чисто-фантастического, горячо-идеального и вмѣстѣ съ тѣмъ <...> тускло-прозаичного и обыкновеннаго, чтоб не сказать: до невероятности пошлаго» (241).

Целые бессонные ночи Мечтателя «проходятъ какъ одинъ мигъ, въ неистощимомъ веселіи и счастіи» (247), но осознание разрыва мечтаний с действительностью приводит его в отчаяние:

«...послѣ моихъ фантастическихъ ночей, на меня уже находятъ минуты отрезвленія, которыя ужасны», приходятъ «черныя думы», что «такая жизнь есть преступленіе и грѣхъ» (249).

Встреча с Настенькой («анастасиос» — «воскресение») восстанавливает его.

В противоположность своим бессонным фантазиям свидания с Настенькой Мечтатель символично называет «белыми ночами», при этом дождливая ночь в расчет не принимается. «Белая» ночь — событие реальное, но необычное, непривычное, красивое. Мечтатель изображает свои свидания с Настенькой в виде сцен. В литературе уже говорилось о «повышенной сценичности» «Белых ночей», но оценивать эту особенность организации текста формалистически, т. е. без отношения к основной идее, как это сделано в современном энциклопедическом издании, недопустимо [Загидуллина: 18]. Автор записок не ставит своей целью дать подробное описание героев. Его цель — показать ценность реальной женской верности в любви, ее соотношение с мечтаниями героя. Повествование представляет собой «диалог» двух тем: мечты о любви и героических подвигах и реальной любви Настеньки. Для художественного решения этой задачи наиболее подходящая форма — сцены.

Контраст сцен свиданий с Настенькой и трагического гротеска мечтательности придает глубину и грациозность произведению. Впечатление «нечаянности» шедевра, легкости восприятия описываемого возникает благодаря ряду моментов. В противоположность литературно-художественному языку рассказов Мечтателя язык Настеньки простой, разговорный. Автор записок не отягощает внимания читателя

точными подробностями событий: время и место действия неопределенны. Все встречи героев произошли в одном и том же месте — на «скамейке» на «набережной канала», когда «весь Петербург поднялся и вдруг у́ехал на дачу» (229). Смысл происходящего выражается через диалоги, благодаря чему, с одной стороны, продвигается действие, с другой — обостряется драматизм ситуации. Ограниченность героев в свободе своих действий подчеркивается трагикомической деталью — «пришпиленностью».

Оба героя переживают свою «страстную седмицу» — четыре «белые ночи» и три дня страданий перед ними. Ожидая приход Жильца, Настенька отчаивается, готова «позабыть» его. Но в конце седьмого дня с появлением Жильца складывается поистине библейская ситуация: «Но в полночь раздался крик: вот, жених идет, выходите навстречу ему» (Мф. 25:1).

Мечтатель, все более и более влюбляясь в Настеньку, испытывал и радость, и муки; на седьмой день обрел надежду на ответное чувство Настеньки, но тут же и потерял ее окончательно. Вместе с тем он нашел верность, постоянство любящего сердца.

В конце «Ночи четвертой» сюжет произведения достигает кульминации, сюжетный конфликт разрешается. Сюжетная линия Настеньки завершается заключением под названием «Утро», в котором помещено ее письмо. Позиция Мечтателя в главе «Утро» неоднозначна. Матрёна объявляет: «А паутинуто я всю съ потолка сняла ...» (277). Паутина сопровождает уединенное существование героя, отсутствие его интереса к окружающему миру. Он может отказаться от мечтаний в пользу реальной жизни, но влюбленный на «всю жизнь человеческую» в Настеньку, герой остается мечтателем. Это включает сюжетную линию героя. Глава «Утро» является эпилогом: герой переосмысливает свое положение. Само заглавие «Утро» неоднозначно: с одной стороны — это утрата, но с другой — начало нового дня, начало нового периода — пятнадцати лет жизни.

Сюжетные ситуации, образы и детали — «паутина», «желтый дом», «Матрёна», «одинокий», «постаревший», — рифмующиеся в тексте произведения, в эпилоге концентрируются.

Их смысл раскрывается. Мечтательность усиливается. «Паутины» становится все больше и больше. Особо значимо в романе настоящее время — «теперь». Время опубликования произведения — 1848 г. Мечтателю — 26 лет, он приехал в Петербург за восемь лет перед этим, т. е. в 1840 г. В финале настоящее претворяется в будущее время, «через 15 лѣтъ, какъ теперь», то есть переносится в 1863 г.: «Роман мечтателя завершается неожиданным эффектом: перечитав повинное письмо Настеньки, мечтатель вдруг представил прислугу Матрену, свою комнату и себя постаревшими <...>. Герой из настоящего заглянул в будущее и оттуда ровно через пятнадцать лет смотрит в прошлое, вспоминая письмо. Тем не менее настоящее в "Белых ночах" не становится прошлым (как в повести). Таким образом мечтатель угадывает свою будущую судьбу. Это его единственная "фантазия", которая сбылась: настоящее в «Белых ночах», как и во всех романах, "чреватое" будущим. Но этот многозначительный эффект романного времени — еще не конец "Белых ночей". Его итог — благословение героем счастья Настеньки, звучащее как молитва...» [Захаров, 1985: 126].

Таково жанровое завершение «Белых ночей», в которых «понимающе овладевается и завершается» в обобщенном виде глубинная черта эпохи. По типу жанрового завершения «Белые ночи» — роман, он «раскрывает новую, качественную сторону тематически понятой действительности, связанную с новым, качественным же построением жанровой действительности произведения» [Медведев: 203].

В завершении «Белых ночей» проявляются такие черты, как принцип парадоксальности, рифма ситуаций, сценичность, развивающиеся в последующих романах Достоевского. В разрешении конфликта имитируется христианская символика — встреча жениха, определяющая эпилог. В финале выделен завершающий композиционный элемент: «Через 15 лет». Эпилог вводит в роман историческую перспективу, в которой сюжетные события, воспринимаемые при первом чтении как случайные, переосмысливаются как закономерные, усиливается идея произведения — женская верность в любви убеждает в необходимости верности своим идеалам.

Список литературы

1. Алексеев М. П. О драматических опытах Достоевского // Творчество Достоевского. 1821–1881–1921: сб. ст. и мат-лов. Одесса: Всеукр. гос. изд-во, 1921. С. 1–22.
2. Викторovich В. А. Жанр записок у Толстого и Достоевского // Лев Толстой и русская литература. Горький, 1981. С. 18–25.
3. Заваркина М. В. Жанр как категория поэтики (проблемы, тенденции, перспективы) // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 1. С. 7–35 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1582887863.pdf (10.05.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7562
4. Загидуллина М. В. Белые ночи // Достоевский: сочинения, письма, документы / сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. С. 16–19.
5. Захаров В. Н. Система жанров Достоевского: типология и поэтика. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 208 с.
6. Захаров В. Н. Петербургский летописец // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1996. Т. 2. С. 683–698.
7. Захаров В. Н. Проблема жанра в «школе» Бахтина // Русская литература. 2007. № 3. С. 19–30.
8. Захаров В. Н. Поэтика парадокса в «Дневнике Писателя» Достоевского // Аспекты поэтики Достоевского в контексте литературно-культурных диалогов / под ред. Каталин Кроо, Тунде Сабо и Гезы Ш. Хорвата. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 269–280. (Dostoevsky monographs; вып. 2.)
9. Зундалевич Я. О. Поэтика гротеска (к вопросу о характере гоголевского творчества) // Поэтика: хрестоматия по вопросам литературоведения для слушателей университета. М.: Изд-во Российского открытого университета, 1992. С. 112–121.
10. Краснов Г. В. Сюжеты русской классической литературы. Коломна: [б. и.], 2001. 141 с.
11. Манн Ю. В. Боль о человеке // Достоевский Ф. М. Белые ночи. Сентиментальный роман (из воспоминаний мечтателя). М.: Детская литература, 1983. С. 3–16.
12. Медведев П. Н. Собр. соч.: в 2 т. СПб.: Росток, 2018. Т. 2. 928 с.
13. Мейер И. В. Рифма ситуаций в одном романе Достоевского // IV Международный съезд славистов: мат-лы дискуссии. М., 1962. Т. 1. С. 600–601.
14. Родина Т. М. Достоевский: повествование и драма. М.: Наука, 1984. 245 с.
15. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.
16. Фельетоны сороковых годов. М.; Л.: Academia, 1930. 368 с.
17. Шкловский В. Б. О теории прозы. М.; Л.: Круг, 1925. 189 с.
18. Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу. Л.: Academia, 1924. 280 с.

References

1. Alekseev M. P. On the Dramatic Experiences of Dostoevsky. In: *Tvorchestvo Dostoevskogo. 1821–1881–1921: sbornik statey i materialov* [Works of Dostoevsky. 1821–1881–1921: Collection of Articles and Materials]. Odessa, Vseukrainskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1921, pp. 1–22. (In Russ.)
2. Viktorovich V. A. The Genre of Notes by Tolstoy and Dostoevsky. In: *Lev Tolstoy i russkaya literatura* [Leo Tolstoy and Russian Literature]. Gorky, 1981, pp. 18–25. (In Russ.)
3. Zavarkina M. V. Genre as a Category of Poetics (Problems, Tendencies, Perspectives). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2020, vol. 18, no. 1, pp. 7–35. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1582887863.pdf (accessed on May 10, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7562. (In Russ.)
4. Zagidullina M. V. White Nights. In: *Dostoevskiy: sochineniya, pis'ma, dokumenty* [Dostoevsky: Writings, Letters, Documents]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2008, pp. 16–19. (In Russ.)
5. Zakharov V. N. *Sistema zhanrov Dostoevskogo: tipologiya i poetika* [The System of Genres of Dostoevsky: Typology and Poetics]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1985. 208 p. (In Russ.)
6. Zakharov V. N. Petersburg Chronicler. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [Dostoevsky F. M. The Complete Works: Canonical Texts]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1996, vol. 2, pp. 683–698. (In Russ.)
7. Zakharov V. N. The Problem of the Genre in Bakhtin's "School". In: *Russkaya literatura*, 2007, no. 3, pp. 19–30. (In Russ.)
8. Zakharov V. N. The Poetics of the Paradox in "A Writer's Diary" by Dostoevsky. In: *Aspekty poetiki Dostoevskogo v kontekste literaturno-kul'turnykh dialogov* [Aspects of Dostoevsky's Poetics in the Context of Literary and Cultural Dialogues]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2011, pp. 269–280. (Dostoevsky Monographs; issue 2). (In Russ.)
9. Zundalevich Ya. O. Poetics of the Grotesque (to the Question of the Nature of Gogol's Works). In: *Poetika: khrestomatiya po voprosam literaturovedeniya dlya slushateley universiteta* [Poetics: Chrestomathy on Literary Criticism for Students of the University]. Moscow, Rossiyskiy otkrytyy universitet Publ., 1992, pp. 112–121. (In Russ.)
10. Krasnov G. V. *Syuzhety russkoy klassicheskoy literatury* [Plots of Russian Classical Literature]. Kolomna, 2001. 141 p. (In Russ.)
11. Mann Yu. V. Pain About a Man. In: *Dostoevskiy F. M. Belye nochi. Sentimental'nyy roman (iz vospominaniy mechtatelya)* [Dostoevsky F. M. White Nights. Sentimental Novel (from the Memoirs of a Dreamer)]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1983, pp. 3–16. (In Russ.)
12. Medvedev P. N. *Sobranie sochineniy: v 2 tomakh* [Collected Works: in 2 Vols]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2018, vol. 2. 928 p. (In Russ.)
13. Meyer I. M. The Rhyme of Situations in One Novel of Dostoevsky. In: *IV Mezhdunarodnyy s'ezd slavistov: materialy diskussii* [The 4th International

- Congress of Slavists: Materials of the Discussion*]. Moscow, 1962, vol. 1, pp. 600–601. (In Russ.)
14. Rodina T. M. *Dostoevskiy: povestvovanie i drama* [*Dostoevsky: Narrative and Drama*]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 245 p. (In Russ.)
 15. Туньянов Ю. Н. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [*Poetics. History of Literature. Cinema*]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 574 p. (In Russ.)
 16. *Fel'etony sorokovykh godov* [*Feuilletons of the 1840s*]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1930. 368 p. (In Russ.)
 17. Shklovskiy V. B. *O teorii prozy* [*About the Theory of Prose*]. Moscow, Leningrad, Krug Publ., 1925. 189 p. (In Russ.)
 18. Ейкхенбаум В. М. *Skvoz' literaturu* [*Through the Literature*]. Leningrad, Academia Publ., 1924. 280 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Баталова Тамара Павловна, кандидат филологических наук, независимый исследователь (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: batalova@yandex.ru. **Tamara P. Batalova**, PhD (Philology), Independent Researcher (Saint Petersburg, Russian Federation); e-mail: batalova@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 11.08.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 12.10.2022

Принята к публикации / Accepted 17.10.2022

Дата публикации / Date of publication 21.11.2022

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11522

EDN: UXVDZN

Биграммы в терминологическом тезаурусе евангельского текста Ф. М. Достоевского

В. В. Борисова

*Московский государственный лингвистический университет
(г. Москва, Российская Федерация);*

*Государственный музей истории российской литературы
им. В. И. Даля (Музейный центр «Московский дом Достоевского»)
(г. Москва, Российская Федерация);*

*Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы*

(г. Уфа, Российская Федерация)

e-mail: vvb1604@gmail.com

Аннотация. В статье наряду со словником описываются графовые модели терминологического тезауруса евангельского текста Ф. М. Достоевского, основанные на кластеризации биграмм как наиболее устойчивых парных словосочетаний, с учетом совокупности их дискурсивных признаков, включая частотность употребления, близкое расположение в текстах и семантическое сходство. Выявление и анализ таких биграмм как концептуальных точек терминологического тезауруса имеет важное значение для его сетевой визуализации, благодаря которой видно, в каком понятийном сопряжении «работают» ключевые термины, как они распределяются по определенным тематическим кластерам. В одном кластере могут быть термины из разных дискурсов. Это важный показатель того, как сопрягаются термины, насколько целостен, несмотря на свой интердискурсивный характер, метаязык современных исследований евангельского текста Достоевского. То есть терминологический тезаурус выполняет в данном случае диагностирующую и прогнозирующую роль в моделировании научного языка.

Ключевые слова: евангельский текст Ф. М. Достоевского, терминологический тезаурус, графовая модель, биграммы, концепт

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) (проект № 22-28-00833).

Для цитирования: Борисова В. В. Биграммы в терминологическом тезаурусе евангельского текста Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 4. С. 142–160. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11522. EDN: UXVDZN

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11522

EDN: UXVDZN

Bigrams in the Terminological Thesaurus of the Gospel Text by F. M. Dostoevsky

Valentina V. Borisova

Moscow State Linguistic University

(Moscow, Russian Federation);

V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature

(Museum Center “Moscow House of Dostoevsky”)

(Moscow, Russian Federation);

M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University

(Ufa, Russian Federation)

e-mail: vvb1604@gmail.com

Abstract. Along with the glossary, the article describes the graph models of the terminological thesaurus of the Gospel text by F. M. Dostoevsky, based on the clustering of bigrams as the most stable paired word combinations and with regard to the totality of their discursive features, including frequency of use, proximity in texts and semantic similarity. The identification and analysis of such bigrams as conceptual points of a terminological thesaurus is important for its network visualization, thanks to which it is clear in which conceptual conjugation key terms function, how they are distributed among certain thematic clusters. One cluster may contain terms from different discourses. This is an important indicator of how the terms are conjugated, and how integral, despite its interdiscursive nature, the metalanguage of modern studies of the Gospel text by F. M. Dostoevsky is. That is, in this case the terminological thesaurus performs a diagnostic and predictive role in modeling a scientific language.

Keywords: Dostoevsky’s Gospel text, terminological thesaurus, graph model, bigrams, concept

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 22-28-00833.

For citation: Borisova V. V. Bigrams in the Terminological Thesaurus of the Gospel Text by F. M. Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2022, vol. 20, no. 4, pp. 142–160. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11522. EDN: UXVDZN (In Russ.)

Настоящая статья является продолжением предыдущих публикаций [Борисова], [Борисова, Шаулов], в которых рассматривалась проблема машинного анализа и «человеческой интерпретации» тезауруса евангельского текста Ф. М. Достоевского на материале терминов-униграмм. Однако наряду с ними в терминологический словарь тезауруса входят биграммы как наиболее устойчивые парные словосочетания, имеющие значение ключевых слов, которые определяют тематическую направленность текста и выполняют важную смысловую нагрузку.

Этими функциями определяется значение биграмм для моделирования литературоведческой терминологии на основе цифровой обработки максимально полного корпуса текстов, что позволяет выстроить сетевую модель терминологического словаря в виде системы графов, учитывающих совместную встречаемость базовых терминов, и описать тезаурус в его основных концептах.

Ключевые термины («вершины» или «узлы»), фигурирующие в графах как центральные понятийные точки, имеют принципиально важное значение в исследованиях «евангельского текста» Достоевского. «Ребра», соединяющие линиями «узлы», наглядно отражают совместную встречаемость этих терминов в тексте. Чем их больше, тем сильнее связь и толще «ребра». При такой сетевой визуализации видно, в каком понятийном сопряжении «работают» термины-биграммы, как они распределяются по определенным тематическим кластерам, обрастая новыми определениями, раскрывающими особенности узуального и контекстуального словоупотребления. В одном кластере могут быть понятия из разных курсов. Это важный показатель того, как биграммы сопрягаются, насколько целостен метаязык современных исследований евангельского текста Достоевского. Таким образом, «машинный анализ» терминологического тезауруса евангельского текста Достоевского выполняет в данном случае диагностирующую функцию.

В терминологическом словнике нами выделены термины, относящиеся к тому или иному дискурсу, подсчитано количество их словоупотреблений, проанализированы наиболее

частотные биграммы, что позволило выявить в исследованиях евангельского текста Достоевского комплекс устойчивых терминологических словосочетаний, закрепленных как литературоведческой, так и религиозно-философской традицией.

Публикуем пятнадцать биграмм, наиболее показательных для каждого дискурса.

Общая (теоретическая) поэтика	Историческая поэтика и этнопоэтика	Богословие	Философский и др. дискурсы
русская литература 1470	евангельский текст 301	Блудный Сын 156	русский народ 226
главный герой 256	христианская традиция 147	Иисус Христос 130	русский человек 204
русская словесность 233	святочный рассказ 134	Священное Писание 119	религиозно-философский 96
художественный мир 159	христианский реализм 94	Образ Христа 99	русская культура 332
поэтика Достоевского 119	цитата / реминисценция 91	Православная Церковь 81	христианская культура 74
древнерусская литература 100	мотив / сюжет 87	Ветхий Завет 78	культурная традиция 62
русская классика 97	православная традиция 83	Божия Матерь 77	православная традиция 83
художественный текст 92	сюжет / жанр 82	Святой Отец 72	духовная жизнь 68
русский роман 80	русский православный 80	Отец 72	социальное христианство 55
классическая литература 79	реминисценция / мотив 79	Великий Пост 56	славянская культура 55
картина мира 68	пасхальный рассказ 72	Евангельское слово 56	русский мир 51
русская поэзия 68	канонический текст 71	Царство Божие 53	русский религиозный 44
литературный жанр 68	пасхальный архетип 70	Святой Дух 53	православная культура 43
	категория соборности 64	Евангельская притча 50	русская мысль 43
		Страшный Суд 48	русская земля 43
		Слово Божие 47	христианская идея 39

Заглавное написание слов, относящихся к религиозной и церковной лексике, — это маркировка богословских категорий, имеющая в терминологическом тезаурусе евангельского текста принципиальное значение. Так обозначается сакральный характер тем Бога, Христа и Церкви в русской словесности. Как справедливо пишет В. Н. Захаров, «заглавная буква не только знак культуры и истории языка, но метафизика текста» [Захаров, 2009: 7] (см. также: [Захаров, 2009: 11], [Захаров, 2007]). Строчный же регистр в написании богословских понятий в ряде литературоведческих исследований обусловлен их метафоризацией и парафразированием.

Анализ итоговой версии словника, в которую вошло более 200 биграмм¹, с тематической точки зрения выявил ряд показательных особенностей его структуры и содержания.

Прежде всего, очевидна типологическая соотнесенность используемых понятий, обусловленная расширением терминологического поля, дополнением литературоведческого инструментария изучения евангельского текста Достоевского категориями из других, родственных дискурсов.

Так, в группу ключевых терминов, обозначающих предмет этнопоэтики, наряду с его традиционными формулировками входят и новые, обусловленные аксиологией и методологией научного направления, в рамках которого изучается евангельский текст Достоевского: вместе с биграммami «русская литература», «русская культура», «славянская культура», «национальная культура», «народная культура» сегодня исследователями активно используются, например, терминологические словосочетания «русская словесность», «отечественная словесность», «христианская культура», «православная культура».

Переход от понятия «русская литература» к понятию «русская словесность» и аналогично от определения «древнерусская литература» к терминологическому словосочетанию «древнерусская словесность» имеет принципиальное аксиологическое значение [Захаров, 1991, 1994а, 2016], [Моторин]. Русская

¹ С ними можно ознакомиться в репозитории нашего проекта, подготовленном А. В. Панасюк (НИУ ВШЭ): URL: <https://github.com/thesaurus-dostoevsky/slovniki/blob/main/bigrams.md> (20.05.2022). Она же занималась созданием графовых моделей, представленных ниже.

литература изначально была и оставалась на протяжении последних десяти веков христианской словесностью, «Откровением того Слова, которое, по Иоанну Богослову, дало начало и смысл миру и которое было явлено крещением Руси» [Захаров, 1991: 9–10].

Статистические данные терминологического словоупотребления подтверждают также преимущественное внимание исследователей к классическому периоду русской литературы (об этом свидетельствуют биграммы «классическая литература», «русская классика»), для которого в наибольшей степени характерна связь с православной традицией. Не меньшим этноконфессиональным своеобразием отмечена «возвращенная литература» XX века и «литература русского зарубежья» первой волны, которая, по словам В. Н. Захарова, «жила памятью былой христианской России, лелеяла исторический образ Святой Руси» [Захаров, 1994с: 8].

Сам предмет изучения художественной литературы конкретизируется благодаря таким биграммам, как «русская поэзия», «русская проза», «русский роман», в которых определение «русский» в рамках изучения «литературного процесса» и «творческого пути» писателя в христианском контексте также приобретает далеко не формальное значение.

Аналогичным образом выглядит в терминологическом словнике система понятий, центральными в которой являются соотносимые категории «художественный мир», «картина мира», «модель мира», «внутренний мир» произведения. Синонимичны по отношению к ним новые биграммы, обозначающие аксиологический поворот в изучении русской литературы от сугубо эстетического и национального аспектов к конфессиональному: «духовный миръ», «христианский миръ», «православный миръ», «Божий Миръ».

Этот поворот маркирован восстановлением первоначального написания слов «миръ» и «міръ», созвучных, но разных по смыслу и написанию. Как известно, у слова «миръ» три значения: 1) противоположность войне, 2) покой, согласие, 3) тишина, порядок. Гораздо больше значений у слова «міръ»: 1) Вселенная, Земля, 2) род человеческий, 3) община («крестьянский миръ»), 4) сообщество верующих («христианский

миръ»), 5) среда (например, «научный миръ»), 6) другое пространство («миръ иной»), 7) внутреннее состояние личности («духовный миръ»)².

И хотя «миръ» есть состояние, в котором в идеале должен находиться «миръ», это разные слова. «Миръ» завещал своим последователям Иисус Христос: «Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ...» (Ин. 14:27), а «Миръ Божий» — это создание Творца, поэтому Церковь молится «о мирѣ всего міра».

У Достоевского в «Дневнике Писателя» за 1880 г. есть четкое различие понятий «миръ» и «міръ»: «Позвольте, представьте что вы сами возводите здание судьбы человѣческой съ цѣлью въ финалѣ осчастливить людей, дать имъ наконецъ миръ и покой»³. Христианский смысл Пушкинской речи, особенно важный в выражении национального идеала, воплощенного, по мысли Достоевского, великим русским поэтом, проявляется только в правильном написании корня «міръ»: «Но укажите хоть на одного изъ этихъ великихъ геніевъ который бы обладалъ такою способностью всемірной отзывчивости какъ нашъ Пушкинъ»⁴.

Соответственно, понятия «миръ» и «міръ» должны дифференцироваться и при изучении евангельского текста Достоевского, однако при цитировании текстов писателя без учета авторской орфографии и пунктуации церковно-славянская традиция, как и богословская, не соблюдается. Это одна из издержек, связанная именно с употреблением богословских терминов, проявляющаяся даже в статьях, в которых национальный образ мира (то есть «русский міръ») в его связях с народно-поэтическими и христианскими традициями специально рассматривается как категория этнопоэтики русской словесности [Шешунова].

² См., напр.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.]. СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, 1905. Т. 2. Стб. 862–865.

³ Достоевский. Канонические тексты. Конкордансы произведений Ф. М. Достоевского. Дневник Писателя за 1880 г. [Электронный ресурс]. URL: https://philolog.petsru.ru/fmdost/concordance/user_new/index.php?fragmentId=2271&wordId=3389140&mode=showFragInWork&wordText=%D0%BC%D0%B8%D1%80%D1%8A&workId=8 (20.05.2022).

⁴ Там же. URL: https://philolog.petsru.ru/fmdost/concordance/user_new/index.php?wordText=%D0%B2%D1%81%D0%B5%D0%BC%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B9&mode=findFragInWork&workId=8 (20.05.2022).

Традиционными атрибутами «образа мира» по-прежнему выступают такие категории исторической поэтики, как «хронотоп», «художественное время», «художественное пространство», «усадебный топос», «концепт дом». При этом в рамках евангельского текста Достоевского также активно изучаются «библейский хронотоп», «христианский хронотоп», «рождественский и пасхальный хронотопы», «христианский календарь» с их сакральной символикой [Захаров, 2011], [Серопян], [Федорова, 2021], используются характерные топонимы «святое место», «святая земля», «Сионская высота» и др.

Не менее репрезентативна тематическая группа, в центре которой — категория «литературный жанр», в том числе «жанр Достоевского». Им, наряду с понятием «русский роман», сопутствуют, например, такие жанровые формулы, как «пасхальный рассказ», «рождественский рассказ», «святочный рассказ», «духовный стих», а также «Евангельская притча», «Послание Апостола», «Житие святого», «Нагорная проповедь», «Откровение Иоанна» и др., что в данном случае свидетельствует о том, что терминологический аппарат в исследованиях евангельского текста в русской словесности в целом и в творчестве Достоевского в частности становится все более адекватным предмету изучения [Захаров, 1994b], [Есаулов]. Здесь имеется в виду не только расширение терминологического тезауруса, но и его трансформация наряду с актуализацией исходных понятий, когда евангельская притча рассматривается как жанровая модель художественного произведения, а евангельский мотив — как элемент нарративной структуры.

Эта тенденция очевидна и в системе терминов, связанных с базовыми категориями «художественный образ», «национальный образ», которые активно дополняются понятиями «христианский образ», «библейский образ», «евангельский образ», «житийный образ», «пасхальный образ», «образ Христа», «Иисус Христос», «русский Христос», «Божья Матерь», «Пресвятая Богородица», перифразами «Сын Человеческий», «образ Божий», «Сын Божий», а также устойчивыми словосочетаниями «Святой Отец», «Злой Дух», «блудный сын» и т. п.

Эти библейские образы русская словесность органично восприняла как систему символов. В самой Библии они представлены как прообразы, выражающие основные христианские истины и имеющие огромную традицию богословско-догматического толкования [Лосский], [Шараков], с которой в той или иной степени соотносится их символическая интерпретация в художественной словесности и в ее этнологических исследованиях.

Так, изначально «христианский образ» понимался как икона — имеется в виду иконность образа, его иконографическое представление (*греч.* *eikon* — образ). В современной литературоведческой практике это понятие используется не только в прямом, но и в переносном смысле, когда художественный образ выступает как результат трансформации и метаморфозы архетипического христианского образа, а в литературном образе, например, вскрывается евангельская семантика [Мюллер], [Бёртнес], [Джексон].

О том, что дискурс этнопоэтики расширяется, свидетельствует группа терминов, в которую наряду с традиционными категориями общей поэтики, такими как «художественный текст», «поэтический текст», «литературный текст», «прецедентный текст», «канонический текст», входят новые биграммы «евангельский текст», «библейский текст», а категории исторической поэтики «литературная традиция», «культурная традиция», «античная традиция» дополняются словосочетаниями «христианская традиция», «православная традиция», «литургическая традиция» и т. п. [Гаричева].

Новое понимание отечественной словесности в ее связях с христианским преданием проявляется и в отношении сюжетологии, в терминологический аппарат которой помимо традиционных обозначений («сюжетная линия», «сюжетная ситуация», «сюжет испытания»), а также терминологических пар («мотив / сюжет», «сюжет / жанр») входят биграммы «евангельский сюжет», «библейский сюжет», «Рождество Христово», «воскрешение Лазаря», «Светлое Воскресение», «спасение души», «испытание веры» и т. п.

Аналогично выглядит тематическая группа терминов, в которой традиционные определения «литературная цитата»,

«литературная реминисценция» дополняются их новыми вариантами «библейская цитата» и «евангельская цитата» [Башкиров], [Гаврилова], органично сопрягающимися с категориями интертекстуальной поэтики.

Таким образом, уже на этапе анализа и интерпретации данных терминологического словника на материале биграмм возможно сделать выводы относительно современного состояния метаязыка этнопоэтики как приоритетного направления отечественного литературоведения: налицо его интердискурсивный характер, обусловленный динамично развивающимся сопряжением поэтологических, богословских и философских категорий в силу генетических и типологических связей между ними, актуализирующихся в новом контексте изучения русской словесности [Захаров, 2020], [Федорова, 2015].

Перейдем к анализу и интерпретации графовых моделей терминологического тезауруса евангельского текста Достоевского. Для их построения из корпуса статей были извлечены случаи совместной встречаемости терминов-биграмм на расстоянии пяти словоупотреблений друг от друга. На основе их машинного анализа построены два графа, в которых термины автоматически сгруппированы по кластерам (группам одного цвета). Размер узла в графе зависит от значения коэффициента степени посредничества: чем важнее термин для сети, тем больше по размеру его узел. Для определения ключевых узлов в сетевой модели подсчитывалась центральность по степени посредничества, позволяющая выявить наиболее важные термины, которые способствуют взаимосвязи кластеров. Ключевым узлом (термином) в обоих графах является биграмма «русская литература», имеющая наибольший коэффициент *betweenness centrality*.

Граф терминов с совместной встречаемостью не меньше 5, расстояние — 5⁵

Визуальный анализ данного графа показывает, какие кластеры — группы вершин, выделенные разными цветами, — в него входят. Это, во-первых, центральный кластер (фиолетовый цвет), в котором ключевые узлы «историческая поэтика», «евангельский текст» связаны с биграммами

⁵ См.: URL: <https://thesaurus-dostoevsky.github.io/static-graphs> (20.05.2022).

«русская словесность», «христианский реализм», «категория соборности», «пасхальный архетип» и т. п., что свидетельствует в данном случае о взаимодействии дискурсов исторической поэтики и этнопоэтики.

Наибольшее количество ребер исходит из узла «русская словесность», главного в кластере (зеленый цвет), в котором наряду с понятием «категория пасхальности» фигурируют такие устойчивые словосочетания, как «блудный сын», «блудная дочь», «евангельская притча» и др.

В свою очередь, биграмма «евангельский текст» плотно связана с такими парными терминами исторической поэтики (синий кластер), как «сюжет / жанр», «реминисценция / мотив», «мотив / сюжет», «цитата / реминисценция», а также с категорией этнопоэтики «евангельская цитата». Здесь налицо большая степень сопряжения поэтологических терминов.

Визуализация тезауруса показывает также, что ряд биграмм, в частности некоторые философские, культурологические и богословские понятия, находятся на периферии графа, несмотря на тенденцию к кластеризации. Так, малой степенью посредничества в данной сетевой модели отличаются термины-биграммы «философская мысль», «религиозно-философский», «русский религиозный». Отдельно фигурирует монотематический кластер (черный цвет), в который входят биграммы «православная традиция», «православная церковь», «православная культура». Аналогично особняком, без связи с самой большой компонентой, функционирует кластер с терминами (красный цвет) «национальная культура», «национальный характер», «русский национальный» и т. п., что свидетельствует о его локальности.

Судя по дискретному характеру графа, степень сопряжения терминов-биграмм, относящихся к дискурсам богословия, философии и этнопоэтики, с категориями общей и исторической поэтики в современном достоевковедении еще недостаточная. Только в центральном кластере с главным узлом «русская литература» проявляется тенденция к совместному словоупотреблению категорий, имеющих отношение к разным дискурсам. Именно с ней связан потенциал развития терминологического инструментария евангельского текста Достоевского.

Граф терминов с совместной встречаемостью не меньше 3, расстояние — 5⁶

В целом, данный граф выглядит менее дискретным, но его отличает преимущественная монокластеризация, выявляются несвязанные компоненты, что свидетельствует о неоднородности тезауруса евангельского текста Достоевского. Хотя от главной биграммы «русская литература» исходит наибольшее количество ребер ко всем кластерам, по-прежнему обособленно на периферии графа представлен ряд богословских понятий («преображение человека», «духовное преобразование», «образ Божий», «Божия Матерь», «Царство Божие» и др.). Не случайно они имеют нулевой коэффициент посредничества с другими терминами.

Тем не менее и в данном графе очевидна тенденция к совместному словоупотреблению разнородных понятий, к их семантическому расширению, когда, например, изначально богословские категории в литературоведческом контексте обрастают новыми значениями.

В частности, в биграмме «блудный сын» выделяются два значения: «блудный сын» как персонаж библейской притчи и «блудный сын» как тип литературного героя, характерный для художественной словесности, что свидетельствует о наложении и взаимопроникновении дискурсов, об экстраполяции библейского понятия в сферу поэтики, что особенно показательно для литературного образа «блудной дочери», созданного по аналогии с ветхозаветным прототипом [Чернов], [Габдуллина].

Выводы по анализу биграмм в целом согласуются с результатами машинного анализа униграмм в терминологическом тезаурусе евангельского текста Достоевского, что свидетельствует об их объективности и репрезентативности.

С одной стороны, налицо интердискурсивный характер терминологического тезауруса евангельского текста Достоевского, обусловленный динамично развивающимся сопряжением поэтологических, богословских и философских категорий. С другой стороны, степень сопряжения терминов-биграмм, относящихся к разным дискурсам, судя по дискретному характеру графовых моделей, в современном достоевковедении

⁶ См.: URL: <https://thesaurus-dostoevsky.github.io/static-graphs> (20.05.2022).

еще недостаточно высокая. Однако очевидна и тенденция к совместному словоупотреблению разнородных понятий, к взаимопроникновению дискурсов.

Таким образом, «машинный анализ» терминологического тезауруса евангельского текста Достоевского и интерпретация его результатов выполняют в данном случае наряду с диагностирующей и важную прогностическую функцию. Необходимо дальнейшее развитие научного аппарата в современных исследованиях русской литературы в русле этнопоэтики как продуктивного междисциплинарного направления в гуманитарной науке, в рамках которого представляется эффективным органичное сопряжение понятий общей и исторической поэтики с богословскими, философскими и иными категориями с учетом корректной актуализации их первичных значений в новом контексте.

Список литературы

1. Башкиров Д. Л. Евангельский текст в произведениях Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. Вып. 8. С. 398–414 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431425044.pdf (25.05.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2008.284
2. Бёртнес Ю. «Христос-отец»: к проблеме противопоставления отца кровного и отца законного (символического) в «Подростке» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. Вып. 5. С. 410–415 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2533> (25.05.2022). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2533
3. Борисова В. В. Евангельский текст в творчестве Ф. М. Достоевского: проблемы и перспективы изучения // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 4. С. 186–208 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1604078344.pdf (10.03.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8582
4. Борисова В. В., Шаулов С. С. Терминологический тезаурус евангельского текста Ф. М. Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 2. С. 117–136 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1657603083.pdf (10.03.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2022.6122
5. Габдуллина В. И. Вариации мотива «блудной дочери» в нарративе романа Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. Вып. 13: Актуальные аспекты. С. 234–252 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1449825433.pdf (25.05.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2015.2981

6. Гаврилова Л. А. Коммуникативные стратегии и евангельская цитата в «Дневнике Писателя» Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. Вып. 13: Актуальные аспекты. С. 287–303 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/journal/content_list.php?id=3721 (10.03.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2015.2653
7. Гаричева Е. А. Евангельское слово и традиции древнерусской словесности в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. Вып. 10. С. 188–195 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/journal/content_list.php?id=3752 (10.03.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2012.350
8. Джексон Р.-Л. Речь Алеши у камня: «целая картина» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. Вып. 7. С. 275–295 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2668> (25.05.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2005.2668
9. Есаулов И. А. Пасхальный архетип в поэтике Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. Вып. 5. С. 350–362 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2526> (25.05.2022). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2526
10. Захаров В. Н. Прошлое, настоящее и будущее русской литературы // Современные проблемы метода, жанра и поэтики русской литературы: межвуз. сб. / отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск: ПетрГУ, 1991. С. 3–10.
11. Захаров В. Н. Канонический текст Достоевского // Новые аспекты в изучении Достоевского: сб. науч. тр. / ПетрГУ; отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 355–359. (а)
12. Захаров В. Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. Вып. 3. С. 248–260 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2403> (25.05.2022). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2403 (b)
13. Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. Вып. 3. С. 4–10 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2370> (25.05.2022). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2370 (c)
14. Захаров В. Н. Буква и дух русской классики // Слово: православный образовательный портал / гл. ред. игумен Августин (Заярный). [СПб., 2007] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37409.php> (25.05.2022).
15. Захаров В. Н. Текстология как технология // Проблемы текстологии Ф. М. Достоевского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. Вып. 1. С. 3–26.
16. Захаров В. Н. «Вечное Евангелие» в художественных хронотопах русской словесности // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск; СПб.: Алетейя, 2011. Вып. 9. С. 24–37 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429962964.pdf (25.05.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2011.301
17. Захаров В. Н. Есть ли у нас литература? Концепты «литература» и «словесность» в русской критике // Проблемы исторической поэтики.

2016. Вып. 14: Анализ, интерпретации, понимание. С. 7–15 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482396216.pdf (30.03.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2016.4043
18. Захаров В. Н. Идея этнопоэтики в современных исследованиях // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 7–19 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593805089.pdf (30.03.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8382
19. Лосский В. Н. Богословие образа // Богословские труды. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1975. Сб. 14. С. 105–113.
20. Моторин А. В. «Словесность» и «литература»: духовные основы русского и западноевропейского отношения к словесному творчеству // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. Вып. 8. С. 17–36 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2590> (10.03.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2008.2590
21. Мюллер Л. Образ Христа в романе Достоевского «Идиот» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. Вып. 5. С. 375–374 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2529> (10.03.2022). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2529
22. Серопян А. С. О сакральном в художественном времени Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск; СПб.: Алетейя, 2011. Вып. 9. С. 160–168 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1430310598.pdf (25.05.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2011.313
23. Федорова Е. А. Евангельское как родное в «Братьях Карамазовых» и «Дневнике Писателя» (1876–1877) Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. Вып. 13: Актуальные аспекты. С. 304–316 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1456330696.pdf (25.05.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2015.2659
24. Федорова Е. А. Церковный календарь, евангельский и литургический текст в романе «Подросток» и «Дневнике Писателя» (1876) Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 1. С. 258–282 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1612777253.pdf (25.05.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9182
25. Чернов А. В. Архетип «блудного сына» в русской литературе XIX века // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. Вып. 3. С. 151–158 [Электронный ресурс]. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2378> (25.05.2022). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2378
26. Шараков С. Л. Христианский символизм в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. Вып. 11. С. 202–218 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431516455.pdf (06.06.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2013.380
27. Шешунова С. В. Национальный образ мира как категория этнопоэтики русской словесности // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. Вып. 8. С. 6–16 [Электронный ресурс]. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2589>. (25.05.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2008.2589

References

1. Bashkirov D. L. Evangelical Text in Fyodor Dostoevsky's Literary Works. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2008, issue 8, pp. 398–414. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431425044.pdf (accessed on May 25, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2008.284 (In Russ.)
2. Byortnes J. “Christ the Father”: Styding the Problem of Contrasting Father in Blood and Father at Law in Fyodor Dostoevsky's Novel the Adolescent. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1998, issue 5, pp. 410–415. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2533> (accessed on May 25, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2533 (In Russ.)
3. Borisova V. V. The Gospel Text in the Works of F. M. Dostoevsky: Issues and Study Prospects. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 18, no. 4, pp. 186–208. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1604078344.pdf (accessed on March 10, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8582 (In Russ.)
4. Borisova V. V., Shaulov S. S. Terminological Thesaurus of the Gospel Text by F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 2, pp. 117–136. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1657603083.pdf (accessed on March 10, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2022.6122. EDN: LCZGHZ (In Russ.)
5. Gabdullina V. I. Variations' of the Prodigal Daughter Motif in the Narrative of the Novel “The Insulted and Humiliated” by F. M. Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2015, issue 13, pp. 234–252. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1449825433.pdf (accessed on May 25, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2015.2981 (In Russ.)
6. Gavrilova L. A. Communication Strategies and a Evangelical Quote in “A Writer's Diary” by F. M. Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2015, issue 13, pp. 287–303. Available at: https://poetica.pro/journal/content_list.php?id=3721 (accessed on March 10, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2015.2653 (In Russ.)
7. Garicheva E. A. The Gospel Text and the Traditions of Old Russian Literature in Dostoevsky's Novel “The Brothers Karamazov”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, issue 10, pp. 188–195. Available at: https://poetica.pro/journal/content_list.php?id=3752 (accessed on March 10, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2012.350 (In Russ.)
8. Jackson R.-L. Alyosha Karamazov's Speech at the Stone and Fyodor Dostoevsky's Concept of the Whole Picture. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2005, issue 7, pp. 275–295. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2668> (accessed on May 25, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2005.2668 (In Russ.)

9. Esaulov I. A. Easter Archetype in Fyodor Dostoevsky's Poetics. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1998, issue 5, pp. 350–362. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2526> (accessed on May 25, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2526 (In Russ.)
10. Zakharov V. N. Past, Present and Future of Russian Literature. In: *Sovremennyye problemy metoda, zhanra i poetiki russkoy literatury [Modern Problems of Method, Genre and Poetics of Russian Literature]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1991, pp. 3–10. (In Russ.)
11. Zakharov V. N. The Canonical Dostoevsky's Text. In: *Novye aspekty v izuchenii Dostoevskogo [New Aspects in Studying of Dostoevsky]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, pp. 355–359. (In Russ.) (a)
12. Zakharov V. N. Easter Story as a Russian Literary Genre. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, issue 3, pp. 248–260. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2403> (accessed on May 25, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2403 (In Russ.) (b)
13. Zakharov V. N. Russian Literature and Christianity. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, issue 3, pp. 4–10. Available at: https://poetica.pro/journal/article_en.php?id=2370 (accessed on May 25, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2370 (In Russ.) (c)
14. Zakharov V. N. The Letter and Spirit of Russian Classics. In: *Slovo: pravoslavnyy obrazovatel'nyy portal [Word: Orthodox Educational Portal]*. St. Petersburg, 2007. Available at: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37409.php> (accessed on May 25, 2022). (In Russ.)
15. Zakharov V. N. Textology as a Technology. In: *Problemy tekstologii F. M. Dostoevskogo [Problems of Textology of F. M. Dostoevsky]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2009, issue 1, pp. 3–26. (In Russ.)
16. Zakharov V. N. “The Eternal Gospel” in the Artistic Chronotopes of Russian Literature. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2011, issue 9, pp. 24–37. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429962964.pdf (accessed on May 25, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2011.301 (In Russ.)
17. Zakharov V. N. Do We Have Literature? Concepts Literature and Slovesnost' in Russian Criticism. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2016, issue 14, pp. 7–15. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482396216.pdf (accessed on March 30, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2016.4043 (In Russ.)
18. Zakharov V. N. The Idea of Ethnopoetics in Contemporary Research. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 18, no. 3, pp. 7–19. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593805089.pdf (accessed on March 30, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8382 (In Russ.)

19. Losskiy V. N. Theology of the Image. In: *Bogoslovskie trudy [Theological Studies]*. Moscow, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 1975, collection 14, pp. 105–113. (In Russ.)
20. Motorin A. V. “Philology” and “Literature”: Spiritual Basis of the Russian and Western European Attitude to Literary Work. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2008, issue 8, pp. 17–36. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2590> (accessed on March 10, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2008.2590 (In Russ.)
21. Müller L. Image of Christ in Fyodor Dostoevsky’s Novel “The Idiot”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1998, issue 5, pp. 375–374. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2529> (accessed on March 10, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2529 (In Russ.)
22. Seropyan A. S. About the Sacral in the Artistic Time of F. Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2011, issue 9, pp. 160–168. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1430310598.pdf (accessed on May 25, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2011.313 (In Russ.)
23. Fedorova E. A. The Evangelical as the Native in the “Brothers Karamazov” and in “A Writer’s Diary” (1876–1877) by Fyodor Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2015, issue 13, pp. 304–316. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1456330696.pdf (accessed on May 25, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2015.2659 (In Russ.)
24. Fedorova E. A. Church Calendar, Gospel and Liturgical Text in the Novel “The Raw Youth” and “A Writer’s Diary” (1876) by Fyodor Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2021, vol. 19, no. 1, pp. 258–282. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1612777253.pdf (accessed on May 25, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9182 (In Russ.)
25. Chernov A. V. The Archetype of the “Prodigal Son” in Russian Literature of the 19th Century. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, issue 3, pp. 151–158. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2378> (accessed on May 25, 2022). (In Russ.)
26. Sharakov S. L. Christian Symbolism in Fyodor Dostoevsky’s Novel “The Possessed” (“Demons”). In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013, issue 11, pp. 202–218. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431516455.pdf (accessed on June 6, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2013.380 (In Russ.)
27. Sheshunova S. V. National Image of the World as an Ethnopoetical Category in Russian Literature. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2008, issue 8, pp. 6–16. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2589> (accessed on May 25, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2008.2589 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Борисова Валентина Васильевна, Valentina V. Borisova, PhD (Philology), Professor of the Department of Russian Language and Theory of Literature, Moscow State Linguistic University (ul. Ostozhenka 38, Moscow, 119034, Russian Federation); Leading Researcher, V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature (Museum Center “Moscow House of Dostoevsky”) (ul. Dostoevskogo 2, Moscow, 103030, Russian Federation); Professor of the Russian Literature Department, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University (ul. Oktyabr’skoy Revolutsii 3a, Ufa, 450008, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9011-0160>; e-mail: vvb1604@gmail.com.

Борисова Валентина Васильевна, Valentina V. Borisova, PhD (Philology), Professor of the Department of Russian Language and Theory of Literature, Moscow State Linguistic University (ul. Ostozhenka 38, Moscow, 119034, Russian Federation); Leading Researcher, V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature (Museum Center “Moscow House of Dostoevsky”) (ul. Dostoevskogo 2, Moscow, 103030, Russian Federation); Professor of the Russian Literature Department, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University (ul. Oktyabr’skoy Revolutsii 3a, Ufa, 450008, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9011-0160>; e-mail: vvb1604@gmail.com.

Поступила в редакцию / Received 15.08.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 19.09.2022

Принята к публикации / Accepted 03.10.2022

Дата публикации / Date of publication 21.11.2022

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11183

EDN: BQHTZP

Памятный литературный альманах как жанр (1880-е гг.)

Т. А. Исаченко

Российская государственная библиотека

(г. Москва, Российская Федерация)

e-mail: isachenko33@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализировано значение памятных литературных великокняжеских альманахов 80-х гг. XIX в. в современном гуманитарном научном знании. Литературный альманах 1880-х гг. рассмотрен как альманах особого типа, характеризующий эволюцию жанра и литературные вкусы Дома Романовых. Эти альбомы некогда принадлежали личным собраниям «Собственных Их Императорского Величества библиотек» в Зимнем, Аничковом, Гатчинском, Владимирском, Мраморном, Стрельнинском и других императорских дворцах. После государственного переворота 1917 г. они перешли на хранение в специализированные отделы Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки и Пушкинского Дома. Книги представляют значительный интерес с точки зрения их жанрового своеобразия и роли в эволюции литературного альманаха. Это относится прежде всего к корреляции самого типа издания и поэтики текстов. Логика функционирования календарного сборника (календарь, «карманная книжка», литературный памятный альбом) хронологически охватывает чрезвычайно широкий временной диапазон от конца Средних веков до наших дней. Череди дат (последовательность годового круга) коррелирует с принципами заполнения. В анализируемых текстах прослеживается их приуроченность к определенным событиям. В конкретном случае — к жизни Императорской семьи. Календарный принцип организации изданий задает альбомам соответствующий ритм, страницы, согласно эпиграфу (изд. 1885 г.), «заполнены памятью сердца». В совокупности данных каждый дошедший до нас экземпляр представляет собой сложную композиционную систему многоуровневого прочтения («многоуровневый артефакт»).

Ключевые слова: литературный альманах-календарь, Дума за думой, Изо дня в день, онтология поэтики, Императорская семья

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-41021 «Императорская коллегия в подносных экземплярах Великих княжон / По материалам российских, зарубежных библиотек и аукционных продаж».

Для цитирования: Исаченко Т. А. Памятный литературный альманах как жанр (1880-е гг.) // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 4. С. 161–182. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11183. EDN: BQHTZP

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11183

EDN: BQHTZP

Memorable Literary Almanacs as a Genre of the 80s of the 19th Century

Tatiana A. Isachenko

*The Russian State Library
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: isachenko33@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the significance of the commemorative literary grand ducal almanacs of the 1880s in modern humanitarian scientific knowledge. The literary almanac of the 1880s is considered as a special type of almanac, shedding light on the evolution of the genre and the literary tastes of the House of Romanov. The albums stored in the specialized departments of Russia's largest libraries once belonged to the personal collections of "Their Imperial Majesty's Own Libraries" in the Winter, Anichkov, Gatchina, Vladimir, Marble, Strelina and other imperial palaces. After the coup d'état of 1917, they were merged with the collections of the RSL, the RNB, and the Pushkin House. Today, these books are of considerable interest in terms of their genre originality and role in the evolution of the almanac. Important evolution-related typological features that disrupt the established patterns are highlighted. This applies, first and foremost, to the correlation of the type of publication itself and the poetics of texts. The logic of the functioning of the calendar collection (calendar, "pocket book," literary commemorative album) chronologically covers an extremely wide time range from the end of the Middle Ages to the beginning of the 20th century. The date sequence (the sequence of the annual circle) correlates with the filling principles. The timing of the analyzed texts can be traced to certain events. In this particular case, they are traced to the events in the life of the Imperial family. The calendar principle of publication structure sets an appropriate rhythm in the albums, where the pages, according to the epigraph (1885 ed.), are "filled with the memory of the heart." In the aggregate of data, each extant instance is a complex compositional system of multilevel interpretation ("multilevel artifact").

Keywords: Literary almanac calendar, Duma by Duma, Day by day, ontology of poetics, the Imperial Family

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 21-09-41021.

For citation: Isachenko T. A. Memorable Literary Almanacs as a Genre of the 80s of the 19th Century. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2022, vol. 20, no. 4, pp. 161–182. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11183. EDN: BQHTZP (In Russ.)

Эволюция такого жанра как памятный литературный альманах XIX в. ранее не рассматривалась в научной литературе. Альманахи-календари 1880-х гг. представляют особый тип издания, наполненный поэтическими образами, которые соотносятся с жизнью Императорской семьи и с событиями в Российской империи. Многие тексты непосредственно адресованы членам Императорского Дома, с которыми были хорошо знакомы авторы текстов: П. А. Вяземский, Ф. И. Тютчев, М. П. Розенгейм, А. А. Голенищев-Кутузов, Л. А. Мей. В отдельных строках А. С. Хомякова, Ф. И. Тютчева, А. К. Толстого явлены пророчества. Библейские мотивы в дарственных записях памятных книг коррелируют с темами и образами русской лирики, наполняющей литературные календари 1880-х гг. особым смыслом. На странице с датой своего дня рождения, 22 августа, составительница альманаха «Изо дня в день» (1886) великая княгиня Ольга Константиновна (с 1867 г. — греческая королева) по обычаю оставляет текст, цитируемый ею по памяти. 27 июля 1886 г. она вписывает в экземпляр, поднесенный брату Александру (Императору Александру III), цитату из Евангелия от Луки: «...и сказал им: жатвы много, а делателей мало» (Лк. 10:2)¹. Весьма показательны также строки, оставленные Ольгой Константиновной в личном экземпляре юного Цесаревича Николая Александровича, который получил его из рук «тети Ольги» в год восемнадцатилетия, летом 1886 г.² Для любимого племянника под датой 22 августа составительница вписала

¹ Экземпляр «Дома антикварной книги в Никитском». Аукцион № 12. Шедевры русского книгопечатания и переплетного дела; редкие книги и автографы из частной коллекции. Лот № 198. Изо дня в день. Извлечения из сочинений Лермонтова на каждый день года. СПб.: Гос. типография, 1886. Начало продаж: 28 марта 2013 года в 19:00 [Электронный ресурс]. URL: <http://vnikitskom.ru/lot/?auction=12&lot=198> (23.02.2022).

² Экземпляр Николая II с экслибрисом «Собственной Е. И. В. библиотеки в Зимнем дворце» хранится в Отделе редкой книги Российской государственной библиотеки.

строку из стихотворения своего брата Константина (К. Р.) «Научи меня, Боже, любить», в которой слышатся интонации великопостной молитвы Ефрема Сирина («Господи и Владыка живота моего»), покаянной молитвы св. Симеона Нового Богослова («Даждь ми дерзновенно глаголати, яже хочу, Христе мой, паче же и научи мя, что ми подобает творити и глаголати»), просьбы любви и смирения — собственно, все то, что продемонстрировал своей мученической кончиной последний Император России. В каком-то смысле сделанная королевой Ольгой запись сегодня воспринимается как текст промыслительный: «Всех, которых пришел искупить Ты Своею Пречистою Кровью, / Бескорыстной, великой любовью / Научи меня, Боже, любить / Петергоф. 23 авг. 1886 г. Ольга»³. Это молитвенное напутствие Константиновичей («дяди Кости» и «тети Ольги») отобразило то религиозное чувство, которое они сами пронесли через всю свою жизнь.

Нельзя не упомянуть и о лермонтовских строках, украшающих альбом «Изо дня в день» под датой 22 августа, ибо они вызывают прямую аллюзию на «плач» 136 псалма, повествующего о скитаниях древнего народа в изгнании («На реках Вавилонских»): «О родинѣ можно-ль не помнить своей?». В контексте обстоятельств жизни самой Ольги Константиновны: гибели ее близких и ее собственных трагических скитаний в последние годы перед кончиной (1926) от одного европейского Дома к другому — этот стих из трагедии «Испанцы» звучит репликой к общей интонации лермонтовской «Еврейской мелодии» («Плачь, Израиль! о, плачь!»): «Об родине можно ль не помнить своей? <...> когда уж нельзя воротиться назад, / Не пойте! — досадные звуки цепей / Свободы веселую песнь заглушат!..»⁴.

Касаясь жанровой специфики альманахов 80-х гг. XIX в. «Дума за думой» и «Изо дня в день» и говоря об их общей

³ Сборник с публикацией текста, написанного в августе — сентябре 1886 г., выйдет в свет лишь спустя три года, в 1889 г.: К. Р. [Константин Константинович, вел. кн.] Новые стихотворения: 1886–1888. СПб.: Гос. типография, 1889. 167 с.

⁴ Лермонтов М. Ю. Испанцы: трагедия: в 5 д. // Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: в 5 т. / ред. текста и коммент. Б. М. Эйхенбаума. М.; Л.: Academia, 1935. Т. 4: Драмы и трагедии. С. 64.

типологии, важно указать на то промежуточное положение между журналистикой и литературой, которое занимают оба альманаха-календаря. Оригинальный жанр, предложенный составителями, заполнявшими книги-святцы личными записями, соотносимыми с теми или иными событиями, позволяет рассматривать данные источники в качестве сверхтекста, что дает изучению каждого сохранившегося экземпляра самостоятельный импульс. Сборники подавались лицам из ближайшего окружения Императора для заполнения их автографами в памятные дни. Владельческие и дарственные записи, элементы оформления и совпадения дат (внутренние признаки альбомов) в большинстве случаев позволяют точно атрибутировать принадлежность экземпляров тому или иному члену Императорской семьи. Мистическое впечатление, которое производят тексты, соседствующие с автографами царственных мучеников и лиц из их ближайшего окружения, усиливается приуроченностью этих записей к строго определенным датам годового круга. Пересечения имен, поэтических образов, дат и событий позволяют рассматривать альбом не только как уникальный фактографический источник, но и как метатекст, в полифонии которого прочитываются актуальные для современности темы.

Напомним, что издание «Дума за думой» вышло в 1885 г. под Высочайшим покровительством принцессы Евгении Максимилиановны⁵, внучки Императора Николая I, дочери Великой княгини Марии Николаевны. Издание «Изо дня в день»⁶ было опубликовано в 1886 г. Великой княгиней Ольгой Константиновной⁷, внучкой Императора Николая I, дочерью Великого князя Константина Николаевича. Данные литературные антологии можно назвать великокняжескими,

⁵ Княгиня Евгения Максимилиановна Ромáновская (1845–1925), герцогиня Лейхтенбергская, принцесса Богарне, в замужестве принцесса Ольденбургская (с 1868). Состояла в браке с принцем Александром Петровичем Ольденбургским (1844–1932).

⁶ Электронный экземпляр см.: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01006808011?page=1&rotate=0&theme=white> (23.02.2022).

⁷ Вел. княжна Ольга Константиновна (1851–1926), королева-консорт эллинов (Βασιλίσα τῶν Ἑλλήνων), супруга (с 1867) греческого короля Георга I (1845–1913), любимая тетушка Императора Николая II (1868–1918).

их составительницы — двоюродные сестры. Книги получили распространение в придворных кругах, отчего часть сохранившихся экземпляров, связанных с кругами Белой эмиграции и заполненных автографами известных лиц, оказалась в фондах не только крупнейших библиотек России, но и дальнего зарубежья [Исаченко, 2021a].

Издание 1885 г. «Дума за думой» детально описано нами по экземпляру, принадлежавшему Великой княжне Анастасии⁸ [Исаченко, 2018a, 2018b, 2018c, 2019, 2020]. Подаренный младшей дочери на одиннадцатилетие родителями, Императорской четой, экземпляр альбома — редкий фактографический источник, хранящийся в собрании Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ. Ф. 492. Дворцовые библиотеки. № 23). Альбом содержит автографы многих членов царской семьи и лиц из их ближайшего окружения — всего 114 записей. Второй экземпляр издания 1885 г. хранится в основном фонде Российской государственной библиотеки (осн. хран.: У 161/26)⁹. Альманах принадлежал графине Александре Александровне Шереметевой-Фермор (1886–1944), фрейлине, второй дочери графа А. Д. Шереметева¹⁰, и был подарен ей, по всей видимости, на двадцатилетие. Атрибутирован по записям 1906 г., сделанным 23 апреля (день царицы Александры — именины Шереметевой) и 2 августа (день ее рождения). Известны экземпляры издания, хранившиеся в библиотеках Л. Н. Толстого, С. В. Рахманинова, А. П. Бахрушина, Д. Г. Бурлыгина, в коллекции А. Ф. Онегина (Отто), у многих частных лиц: Шуваловых, Воронцовых-Дашковых, Мусиных-Пушкиных.

Общие тенденции утверждения литературных альманахов на русской почве в XVIII–XIX вв., несомненно, были предопределены воздействием моды. Однако можно с полной уверенностью говорить о периоде развития жанра альманаха,

⁸ Вел. княжна Анастасия Николаевна (Романова) (1901–1918) — четвертая дочь императора Николая II и Александры Фёдоровны.

⁹ Оцифровано Национальной электронной детской библиотекой (НЭДБ). Электронный экземпляр см.: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003327343#?page=18> (23.02.2022).

¹⁰ Александр Дмитриевич Шереметев (1859–1931) — граф, генерал-майор, русский меценат и музыкант-любитель, создатель частного оркестра, начальник Придворной певческой капеллы.

когда, вскоре после выхода, он приобрел ярко выраженную социализирующую функцию. В этом смысле перед нами — необычное издание, уникальность которого осознавалась и подчеркивалась самим издателем:

«Названіе “Памятная книжка” не точно передаетъ цѣль и назначеніе этого роскошнѣйшаго, совершенно новаго по мысли, изданія, почему и трудно было подобрать ему вполнѣ подходящее названіе. <...> Тутъ для каждаго мѣсяца, недѣли и дня въ отдѣльности есть много мѣста, чтобы занести на память какое-нибудь выдающееся событіе или явленіе, душевное ощущеніе и думу, мѣткую мысль, мимолетно сложившійся стихъ, характерно схваченный рисунокъ и т. д.»¹¹.

Особенным образом в книге «Дума за думой» оформлен пасхальный апрель. Апрельский шмуцтитул дает нам основание полагать, что 1884 г. был временем завершения работы над альманахом, ибо именно тогда Пасха выпадала на 8 апреля. В 1885 г. день Воскресения Христова праздновался 24 марта — однако мартовский шмуцтитул не имеет праздничного оформления.

Как мы отмечали выше, говоря о личном экземпляре альманаха, принадлежавшем Великой княжне Анастасии, поэзия XIX в. как бы «накладывается» на даты, за которыми «проглядывают» личности венценосных особ. Обратимся к текстам, чтобы проиллюстрировать нашу мысль.

Так, под датой 17 апреля (день рождения Императора Александра II Освободителя) в альманахе «Дума за думой» напечатаны два отрывка — из М. П. Розенгейма¹² и из А. К. Толстого, где гуманитарная миссия русского Императора, осуществленная в отношении своего народа, сравнивается, в одном случае, с деятельностью пророка Моисея, в другом — с просвещением св. князя Владимира.

¹¹ Из рекламного объявления, размещенного издательством «Товарищество М. О. Вольф» в первых книжках за январь 1885 г. (Новь: общедоступный иллюстрированный двухнедельный вестник современной жизни, литературы, науки, искусства и прикладных знаний. СПб.; М., 1885. Т. 1. № 2. С. 6 и задняя сторона обложки; Т. 2. № 7. Задняя сторона обложки).

¹² Михаил Павлович Розенгейм (1820–1887) — русский поэт, публицист и переводчик.

«...Хвала и честь тому,
 Тому, кто, какъ пророкъ евреямъ Богомъ данный,
 Воздвинулъ свой народъ отъ рабства и ему
 Открылъ широкій путь въ землѣ обѣтованной»
 (М. П. Розенгейм)¹³;

«И въ Русь милосердія внесъ онъ законъ»
 (граф А. К. Толстой)¹⁴.

Страница дня рождения Императрицы Марии Александровны (1824–1880), 27 июля, сопровождается посвященным ей прижизненно стихотворением Ф. И. Тютчева:

«Какъ неразгаданная тайна,
 Живая прелесть дышетъ въ ней.
 Мы смотримъ съ трепетомъ тревожнымъ
 На тихій свѣтъ ея очей:
 Земное ль въ нихъ очарованье,
 Иль неземная благодать?
 Душа хотѣла бъ ей молиться,
 А сердце просить обожать!»¹⁵

На день рождения Императора Александра III, 26 февраля, помещены строки из князя Вяземского и Хомякова: «Народная любовь — сокровище царей...» (П. А. Вяземский. «16 апреля 1866 г.»)¹⁶, «Наша сила русскій крестъ!» (А. С. Хомяков. «На перенесение Наполеонова праха», 1840)¹⁷.

¹³ Цитируется стихотворение М. П. Розенгейма «Христос, Христос воскрес! Воистину воскрес!». Первая публ.: Русский Вестник. 1861. Т. 32. № 3. С. 373–374. Публ. установлена по изд.: [Указатель: 19].

¹⁴ Цитируется «Песня о походе Владимира на Корсунь» (1869). Первая публ.: Толстой А. К., гр. Песня о походе Владимира // Вестник Европы. 1869. Т. 5. № 9. С. 1–16. Источником стихотворения являются летописные данные о крещении Владимира в пересказе Карамзина.

¹⁵ Автограф стихотворения неизвестен; сохранилось несколько Списков. Впервые оно было напечатано в изд. 1868 г. с пометой: «Ницца. 3-е ноября 1864 г.» — и с некоторыми текстуальными расхождениями с данной публикацией (см.: [Тютчев Ф. И.] Стихотворения Ф. Тютчева. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1868. С. 209).

¹⁶ Полный текст см.: [Вяземский П. А.] Полн. собр. соч. князя П. А. Вяземского: в 12 т. СПб.: Изд. гр. С. Д. Шереметева, 1896. Т. 12: 1863–1877. С. 253–256.

¹⁷ На перенесение Наполеонова праха // [Хомяков А. С.] Полн. собр. соч. Алексея Степановича Хомякова: в 4 т. М.: Унив. тип., 1900. Т. 4: Трагедии и стихотворения. С. 231–232.

На 20 марта — день рождения принцессы Евгении Ольденбургской, Высочайшей покровительницы издания, — опубликована строфа из стихотворения князя Вяземского, посвященного принцессе:

«Въ васъ много женственности милой,
Но есть и мужественный складъ,
Есть прелесть съ внутреннею силой,
Обвитый розами булатъ»¹⁸.

История появления альманаха «Дума за думой» известна далеко не многим исследователям. Она сохранилась в записи жены писателя Л. Н. Толстого Софьи Андреевны Толстой на форзацах экземпляра, хранящегося в библиотеке Ясной Поляны¹⁹. Согласно этой записи, поводом для начала работы стали обстоятельства, о которых поведала Софья Андреевна, сославшись на разговор с графиней А. А. Толстой²⁰: «...рассказывала мне граф<иня> Александра Андреевна Толстая следующее. Когда у нее умерла сестра ее граф<иня> София Андреевна Толстая²¹, граф<иня> Алекс<андра> Андр<еевна> очень горевала²². Чтобы хоть немного отвлечь ее от тяжелой тоски, принцесса Евгения Максимилиановна, очень любившая Александру Андреевну, придумала ей работу над этой книгой

¹⁸ Цитируется стихотворение «Ее императорскому высочеству княжне Евгении Максимилиановне Романовской герцогине Лейхтенбергской» («В чертах письма с чертами нрава...») (1865). О публ.: [Вяземский П. А.] Полн. собр. соч. князя П. А. Вяземского: в 12 т. Т. 12. С. 232–233. Принцесса Евгения действительно имела «мужественный склад» и «внутреннюю силу», о чем свидетельствуют ее энергичные начинания в области предпринимательства. Кроме того, Евгения любила носить мужской костюм, чем эпатировала великосветское общество.

¹⁹ Форзац книги «Дума за думой» в записи Софьи Андреевны Толстой. Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». Инв. № 10716.

²⁰ Александра Андреевна Толстая (Alexandrine) (1816–1904) — графиня, двоюродная тетка Л. Н. Толстого, фрейлина и камер-фрейлина Императорского дома, воспитательница царских детей. Находилась в многолетней переписке с Л. Н. Толстым. Ее дневники, письма и воспоминания опубликованы.

²¹ Софья Андреевна Толстая (1824–1895) — графиня, двоюродная тетка Л. Н. Толстого, сестра А. А. Толстой.

²² Здесь, вероятно, допущена неточность. Кончина С. А. Толстой датируется 31 марта 1895 г., а выход альбома — 1885. Переживания А. А. Толстой были связаны с иными событиями.

с благотворительной целью. Добрейшая принцесса достигла своей цели, граф<иня> Алекс<андра> Андр<еевна> очень увлеклась этой работой. Стихи на день рождения Льва Николаевича, 28 августа были подобраны, по ее словам, намеренно» [Библиотека Льва Николаевича Толстого: 272, № 10716].

На день рождения воспитанницы А. А. Толстой, великой княжны Марии Александровны²³, 5 октября, вновь цитируются строки из П. А. Вяземского:

«Высокихъ думъ и прелесть и согласность,
Любовь къ добру, смиренье съ правотой,
И тихая, безоблачная ясность
Души ея младенчески-простой»²⁴.

Второй отрывок на эту же дату — цитата из трагедии «Царь Борис» графа Алексея Константиновича Толстого (действ. 1):

«Господь благослови
Тебя, царевна наша! Божья пташка!
Весенній цвѣтикъ нашъ!»²⁵

Наконец, на 28 августа — дата, которую указывает в своей записке Софья Андреевна Толстая, день рождения Л. Н. Толстого, — помещены строки Л. А. Мея:

«Изрѣдка снова былыя сомнѣнья къ нему возвращались,
Снова вопросы тревожно съ душевнаго дна поднималась
Въ присныхъ глаголахъ природы отыскивалъ снова
Онъ вѣковѣчнаго слова»²⁶.

За процитированными строками явственно угадываются «тревожные метания» графа Толстого в поисках «своего» Евангелия, что, по-видимому, и было предметом переживаний А. А. Толстой.

²³ Вел. княжна Мария Александровна (1853–1920) — любимая дочь Императора Александра II.

²⁴ Цитируется «Приветствие В. А. Жуковскому» (1849). Стихотворение опубли.: [Вяземский П. А.] Полн. собр. соч. князя П. А. Вяземского: в 12 т. СПб.: Изд. гр. С. Д. Шереметева, 1880. Т. 4: 1828–1852 г. С. 331–334.

²⁵ См.: [Толстой А. К.] Царь Борис: трагедия: в 5 д. Гр. А. К. Толстого. 2-е изд. СПб.: Тип. Ф. Сущинского, 1870. С. 23.

²⁶ Публикация не обнаружена.

Как видим, подбор включенных в альманах стихотворений является глубоко продуманным, каждое из них соответствует той странице и дате, при которой оно помещено. Эта дата, как правило, связана с определенным событием, а в расположении текстов просматривается внутренняя логика, которая угадывается, например, в переключке текстов января и декабря.

Открывает альбом стихотворение Алексея Хомякова (1858), помещенное на январском шмуцтителе:

«Парусъ поднять! Вѣтра полный
Онъ канаты натянулъ
И на ропщущія волны
Мачту длинную нагнулъ.

Парусъ Русскій!.. Черезъ волны
Ужъ корабль несется самъ,
И готовъ всѣхъ братьевъ чолны
Прицѣпить къ крутымъ бокамъ.

Поднять флагъ. На флагъ виденъ
Правды судъ и миръ любви.
Мчись, корабль! Твой путь завиденъ...
Господи, благослови!»²⁷

Образ мчащейся вдаль ладьи, устремленной в будущее под русскими парусами Божьей правды и любви, резко контрастирует с образом кибитки, мчащейся по скользкой крутизне разбитой дороги (стихотворение князя Петра Вяземского «Ухабы. Обозы» из цикла «Зимние карикатуры» (1828), помещено на декабрьском шмуцтителе альбома):

«Какой враждебный духъ, духъ зла, духъ разрушенья,
Какой свирѣпый ураганъ,
Стоячей качкою, волнами безъ движенья
Изрылъ сей снѣжный океанъ?

Кибитка-ладія шатается, ныряетъ:
То вглубь ударится со скользкой крутизны,
То дыбомъ на хребетъ замерзнувшей волны
Ее насильственно кидаетъ. <...>

²⁷ Первая публ.: Парус. 1859. № 1. 3 января. Цит. по: [Хомяков А. С.] Полн. собр. соч. Алексея Степановича Хомякова: в 4 т. Т. 4. С. 267.

Покажется декабрь, и тысяча обозовъ
Изъ пристаней степныхъ пойдутъ за барышемъ,
И путь, уравненный отъ снѣга и морозовъ,
Начнутъ коверкать непутемъ» (1828)²⁸.

Следует сказать, что представленная в альманахе «Дума за думой» поэзия несет не только яркий отпечаток личного литературного и художественного вкуса графини Alexandrine, но и отражает выбор ее ближайшего окружения, включая членов Императорской семьи. Толстая, как известно, была воспитательницей дочери Вел. княгини Марии Николаевны — Марии Максимилиановны (сестры принцессы Евгении), и около 15 лет прожила в Мариинском дворце, подаренном Императором Николаем I любимой дочери.

Альбом-календарь «Изо дня в день» по замыслу аналогичен первому альманаху. В фондах РГБ он также представлен тремя экземплярами, один из которых имеет эклибрис библиотеки Николая II. Анализ экземпляра, подаренного в 1886 г. юному Цесаревичу Николаю Александровичу на 18-летие самой составительницей — греческой королевой Ольгой («тетей Ольгой»), был представлен нами на Международной научной конференции, посвященной 175-летию со дня рождения Императора Александра III [Исаченко, 2021c]. Впоследствии памятник был описан еще по нескольким выявленным экземплярам аукционных продаж [Исаченко, 2021a, 2021b].

Два экземпляра, лично подписанные Ее Королевским Величеством Ольгой, Королевой эллинов, попали в Государственную библиотеку им. Ленина (ныне РГБ), по всей видимости, после октябрьского переворота в ряду других поступлений [Емельянова]. Экземпляр «Музея книги РГБ» под шифром XII А13Б/4 на обороте переплета имеет знак с изображением вензеля «НА» под Императорской короной (синяя глянцевая печать на тонкой белой бумаге), свидетельствующий о принадлежности книги «Собственной Его Императорского Величества библиотеке в Зимнем дворце». Это указывает на то, что перед нами — личный экземпляр Императора Николая II с дарственной королевы на титульном листе: «Почаще открывай, меня не забывай!». Помимо этого пожелания, на

²⁸ Цит. по: [Вяземский П. А.] Полн. собр. соч. князя П. А. Вяземского: в 12 т. Т. 4. С. 28–29.

день 22 августа, являющийся днем рождения королевы, помещена строфа из «Молитвы» К. Р., вписанная ее рукой [Исаченко, 2022]. Даты под автографами свидетельствуют о времени поднесения альбома будущему Императору — июль 1886 г.

На 22 мая (дата смерти Императрицы Марии Александровны) в альманах «Изо дня в день» вписана лермонтовская строфа:

«Душа прекрасная её,
Принявъ другое бытіе,
Теперь парить въ странѣ святой».

На день рождения Александра III (26 февраля 1845 г.) в альбом «Изо дня в день» Ольгой включены строки из стихотворения Лермонтова «Опять, народные витии»:

«Мы повинемся покорно
И вѣримъ нашему Царю!
И будемъ всѣ стоять упорно
За честь его, какъ за свою».

Стихотворение обращено к «народным витиям», которые «опять», «шумя», восстали за «дело падшее Литвы» на «славу гордую России». Появление его, как известно, вызвано антирусскими выступлениями во французской печати. Строфу, внесенную в альбом королевы Ольги, читатель впервые увидел в 1859 г., когда стихотворение было опубликовано полностью²⁹.

Ряд «узнанных» дат можно было бы продолжить, если знать скрытые за ними имена, по которым без труда можно вычислить «памятные» дни: рождения, именины, обручения, кончины.

Популярность памятных книг «на каждый день» в кругу членов многочисленной Императорской семьи была велика. Рекламное объявление издательства Вольфа в январских номерах журнала «Новь» о выходе книги «Дума за думой» дало результат: благотворительная акция делала приобретшего

²⁹ См.: «Библиографические записки» за 1859 г. (Т. 2. № 1. Стб. 21–22). В автографе процитированные строки зачеркнуты, см.: Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом). 2-е изд., испр. и доп. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1979. Т. 1: Стихотворения 1828–1841. С. 588.

книгу не только жертвователем «Дома милосердия», попечение о котором взяли на себя Евгения Ольденбургская и Александрин Толстая, но также обладателем лучшего подарка к памявному дню. Альманах «Дума за думой» пользовался спросом среди учащихся гимназий, прогимназий, владельцев усадеб. Вскоре он занял почетное место на полках многочисленных усадебных библиотек России, став непременным атрибутом русского быта и атрибутом досуга.

Альбомами «Дума за думой» и «Изо дня в день» владели члены Императорской семьи, члены великокняжеских семейств, пианистки, поэты, известные коллекционеры. В альбом вносили свои записи известные писатели. Сохранились воспоминания, связанные с обстоятельствами занесения записей в частные альбомы-календари Н. С. Лесковым, А. П. Чеховым, членами семейства Л. Н. Толстого, А. Н. Толстым, В. А. Гиляровским.

Две литературные антологии, рассмотренные нами в данной статье, представляют интерес для историко-филологической науки как самостоятельный объект исследования. В чреде дат раскрывается принцип заполнения альбомов. Анализируя тексты, мы видим их приуроченность к определенным событиям. В конкретном случае — к событиям жизни Императорской семьи.

Множество четверостиший, тщательно подобранных составительницами и соотносимых с чередованием дат («на каждый день» годового круга), отчасти роднит новые альманахи со средневековыми флорилегиями (‘цветниками’), жанр которых представлен в истории книги его родоначальником³⁰ как «салат из множества трав». Европейские книги-солянки (цибальдон, *Zibaldone*³¹) с записями на каждый день могли иметь скрытую цель — общеизвестный способ их увековечить. В таком случае книга вбирала в себя разнородный материал: сентенции, заметки, пословицы, афоризмы, максимы, цитаты, строки письма, стихи, молитвы, юридические формулировки и даже рецепты, представленные в краткой форме. Поэтические строфы подобных книг, как правило,

³⁰ Джованни Ручеллаи (ит. Giovanni Rucellai; 1475–1525).

³¹ В итальянском просторечии.

заучивались наизусть, к ним можно было вернуться за новым вдохновением. Со времен Бэкона и Мильтона подобные сборники обязательно включались в программу классической риторики, являясь популярным и почти забытым сегодня методом обучения. Подобный вид книги при желании можно сравнить также с жанром интеллектуального дневника, учитывая, что заполнение автографами связано с усложненной системой соотнесения отпечатанных текстов и календарных дат.

Пытаясь определить место 80-х гг. XIX в. в литературной традиции, мы должны указать на уникальное место «памятных альманахов» 1880-х гг. в ряду других подобных изданий переходного типа, которое невозможно определить без учета эволюции самого жанра календаря-альманаха, имеющего древнюю традицию. Являясь результатом трансформации памятных записных книжек, получивших распространение в средневековой Западной Европе и укоренившихся в «альманашной» культуре Германии, Франции, Англии, русские календари последней трети XIX в. занимают совершенно особое место в современном гуманитарном научном знании. Логика функционирования альманаха — календарь, «карманная книжка», литературно-поэтический сборник — хронологически охватывает чрезвычайно широкий временной диапазон от конца Средних веков до наших дней.

Упомянув выше о европейских «книгах-солянках», мы невольно обратились к типологическим чертам русских альманахов, которые они унаследовали от своих общеевропейских предшественников. С точки зрения семантики греческое *almenichiaka* восходит к арабскому *al-manākh*, *al-mana* («время», «мера»), и в этом воспроизведении «имени» альманах естественным образом наследует структуру календаря-архетипа. Рецепцией подобных сборников в древнерусской книжности можно считать календарные таблицы альманахов XIV–XV вв. с перечнем «добрых» и «злых» дней (поздний пример — «Брюсов календарь»), отдельные составляющие святцев, дополненные сведениями из области астрономии.

Как все европейские альманахи, представленный тип сборника восходил, по-видимому, к древнему архетипу календаря восточного происхождения, появившегося в Европе вследствие

крестовых походов. В Древней Руси альманах принадлежал к числу «пламидников» — апокрифических, гадательных книг. Рукописный альманах выступал адаптированным аналогом основных календарей: церковного и народного. Самые ранние из альманахов XVIII в. заимствовали универсальную календарную структурную базу, характеризующуюся общей контрастностью — последовательным чередованием.

Средневековая тяга к астрологии соединилась в конце XV в. с эсхатологическими ожиданиями, вследствие чего пророчества и «предзнаменования» стали определяющими в «альманашной» культуре, поэтому в дальнейшем альманах-календарь неоднократно проявлял свойственную календарной словесности сакраментальность. Во многом эта сакраментальность напрямую была обусловлена связью с эсхатологией. Однако к концу XIX в. альманах-календарь практически утратил это прогностическое звучание, хотя некогда оно было главенствующим.

Связанный со средневековыми альманахами-календарями русский «великокняжеский» альманах реализуется и в альманашном энциклопедизме, и в праздничной семантике («в честь», «по случаю»), интенции обозреть состояние словесности за отчетный временной промежуток (см.: [Балашова: 12]). Согласно Балашовой, «мощный потенциал прагматики альманаха-календаря определяет разнообразие альманашной тематики и значение специального задания для изданий альманашного типа» [Балашова: 12–13]. Альманах подвижен, неустойчив, отчасти он тождественен периодическому сборнику, взаимозаменяем с журналом и противопоставлен газете, мобильно реагирует на динамику литературного процесса. Как отметила исследовательница, это литературный сборник, представляющий круг чтения на определенный отрезок времени (на уровне типологической модели — сезонно). Переходность и неустойчивость заложена в структуре альманаха как комбинированного «собрания отрывков разных авторов», что проявляется в подвижности границы, отделяющей альманах от изданий смежных типов, относительно свободных сроках издания, жанровой пестроте, «отрывочной» структурной организации [Балашова: 12–13].

В чем видится нам эволюция жанра литературного альманаха 80-х гг. XIX в. по отношению к предшествующим изданиям? Важным типологическим признаком указанных альманахов, нарушающим сложившиеся закономерности, является корреляция самого типа издания и поэтики текстов. Помимо отмеченных логических цепочек можно указать на ряд признаков, отличающих альманахи 80-х гг. XIX в. от альманахов пушкинской эпохи: тексты заполняют страницы в последовательности месяцев и дней годового круга. Этот минейный принцип заполнения «входящими» записями «на выходе» дает несколько уровней прочтения. Общее настроение, которым проникнуты оба великокняжеских альбома, точно выражено двустихием Алексея Хомякова под датой 29 декабря:

«По землѣ ходить слово Божіе
Грѣеть жизнiю, свѣтитъ радостью»³².

К сожалению, в искусствоведческих и книговедческих исследованиях, по сложившейся традиции, памятный литературный альманах рассматривается в качестве вспомогательного, иллюстративного материала (см., напр.: [Алексеев: 72–73], [Дуров: 46–53], [Левочкин], [Тимощенкова], [Сеславинский: 179]). Отечественная библиография отвела этим замечательным редким изданиям роль обычной школьной хрестоматии. Альманахи 1880-х гг., в отличие от альманахов пушкинской эпохи, находятся в стадии первоначального, предварительного изучения. Анализ «памятных книг» говорит о создании целостного литературно-публицистического альманаха нового типа.

Источники

1. Дума за думой: памятная книга на каждый день / Издана под покровительством Ея Императорского Высочества Принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской в пользу Дома милосердия. СПб.: Изд. Т-ва М. О. Вольф, 1885. 449 с.

³² Стихотворение «Русская песня». См.: «Дума за думой». Ср.: [Хомяков А. С.] Стихотворения А. С. Хомякова. 3-е изд. М.: Тип. А. Гатцуга, 1881. С. 41.

2. Изо дня в день: извлечение из сочинений Лермонтова на каждый день года / [О<льга> К<онстантиновна>]. [СПб.]: В Гос. типографии, 1886. 397 с. (Состав раскрыт по корешку экз. РНБ.)

Список литературы

1. Алексеев В. В. Мир русских календарей: памятная книга по истории Отечества. М.: Академкнига, 2002. 240 с.
2. Балашова Ю. Б. Эволюция и поэтика российского литературного альманаха как типа издания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. СПб., 2011. 37 с.
3. Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне: библиографическое описание / предисл. В. Ф. Булгакова. М.: Книга, 1972. Т. 1. Ч. 1: Книги на русском языке. Ч. 1: А-Л. 438 с. (Сер.: Музей-усадьба «Ясная Поляна».)
4. Дуров В. А. Книга в Семье Романовых. М.: Наш дом-L'Age d'Homme, 2000. 172 с.
5. Емельянова Е. А. Книги императорского дома Романовых: формирование раздела в Национальной электронной библиотеке // Библиотековедение. 2021. Т. 70. № 3. С. 255–265 [Электронный ресурс]. URL: <https://bibliotekovedenie.rsl.ru/jour/article/view/2060/1284> (23.02.2022). DOI: 10.25281/0869-608X-2021-70-3-255-265. EDN: VPGBXL
6. Исаченко Т. А. Неизвестный альбом великой княжны Анастасии // Культурное наследие России. 2018. № 3. С. 35–46 [Электронный ресурс]. URL: <https://i.kultnasledie.ru/u/4a/aa13c43dbf11e9b810f3d8f87b6f77/-/KHP%20№%203-2018.pdf> (23.02.2022). EDN: XEGOTS (a)
7. Исаченко Т. А. Редкие рукописи Царской семьи и великой княгини Елисаветы Феодоровны в собрании Дворцовых библиотек Российской государственной библиотеки // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 2 (22). С. 45–80 [Электронный ресурс]. URL: https://drive.google.com/file/d/1zUpXwE23zMi-FmQs51x36_ae2fdzfn5q/view (23.02.2022). DOI: 10.24411/2224-5391-2018-10202. EDN: XRYZCH (b)
8. Исаченко Т. А. Памятные записи как мегатекст: опыт многоуровневого прочтения альбома-календаря Великой княжны Анастасии // Культурное наследие России. 2018. № 4. С. 43–59 [Электронный ресурс]. URL: <https://i.kultnasledie.ru/u/62/b1d2723dbf11e984bab1031c058fb1/-/KHP%20№%204-2018.pdf> (23.02.2022). EDN: XRTJLR (c)
9. Исаченко Т. А. Именослов альбома Великой княжны Анастасии Николаевны: памятные записи как мегатекст // Ученые записки Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. 2019. № 2 (20). С. 1–10 [Электронный ресурс]. URL: <https://portal.novsu.ru/file/1521446> (23.02.2022). DOI: 10.34680/2411-7951.2019.2(20).40. EDN: YBPMRP
10. Исаченко Т. А. Личный альбом Великой княжны Анастасии Николаевны: поэтическая антология или книга памяти? // Вестник Томского гос. ун-та.

- Филология. 2020. № 67. С. 245–267 [Электронный ресурс]. URL: https://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=2019&article_id=45737 (23.02.2022). DOI: 10.17223/19986645/67/13. EDN: DMRRGF
11. Исаченко Т. А. Автографы ближайшего окружения Великой княгини Елисаветы Феодоровны в литературном альманахе Королевы эллинов Ольги // Атрибуция предмета: интуиция, опыт, документ: сб. науч. ст. XXVII Царскосельской конференции. СПб.: Русская коллекция, 2021. С. 373–390 [Электронный ресурс]. URL: <https://tzar.ru/sites/default/files/2022-02/Konf-2021-1.pdf?ysclid=l80d6ey2q9835770896> (23.02.2022). (a)
 12. Исаченко Т. А. «Исповедь» П. А. Вяземского в литературном альманахе Королевы эллинов Ольги (экземпляр А. И. Хомутова) // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 2. С. 176–197 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1620230907.pdf (23.02.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2021.8902. EDN: EENGVN (b)
 13. Исаченко Т. А. Книги императорского дома Романовых в РГБ и НЭБ. К 175-летию императора Александра III // Здесь бывал сам государь. К 175-летию императора Александра III: мат-лы науч.-практ. конф. из цикла «Императорская Гатчина» (Гатчина, 4–5 марта 2021 г.) / отв. ред А. Н. Фарафонова. СПб.: ГМЗ «Гатчина», 2021. С. 150–159 [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/776231655.pdf> (23.02.2022). DOI: 10.48466/5116.2021.22.20.001. EDN: JZENUE (c)
 14. Исаченко Т. А. Императорская коллекция / Альбом великой княжны Ольги Константиновны — «Королевы эллинов»: литературный альманах или книга памяти? (экземпляр цесаревича Николая Александровича) // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2022. № 75. С. 276–294 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49176753_91601998.pdf (23.02.2022). DOI: 10.17223/19986645/75/14. EDN: DBXMXE
 15. Левочкин И. В. Дума за думой... великой княжны Анастасии Романовой // Библиотека. 2001. № 12. С. 72–73.
 16. «Русский Вестник»: культурно-интеллектуальное наследие журнала М. Н. Каткова. (Указатель содержания литературных, политических, исторических и научных работ в хронологическом порядке) / сост.: Г. Н. Лебедева, А. Г. Буйчик. Острова-Глучин; СПб.: [б. и.], 2021. Ч. 1: 1861–1877 гг. 215 с. (Указатель)
 17. Сеславинский М. В. Homo Scriptoris: библиофильские тексты / сост. К. В. Сафронова; вступ. ст. О. Г. Ласунского; дизайнер Е. А. Корнеев. М.: Про книги: Журнал библиофила, 2014. 542 с.
 18. Тимощенкова Г. А. Рукописные ноты из библиотек Российского императорского дома // Румянцевские чтения: мат-лы науч.-практ. конф. «Память России в книжной культуре» (Москва, 23–25 апреля 2001 г.). М.: Пашков дом, 2001. С. 207–210. EDN: YJZUVF

References

1. Alekseev V. V. *Mir russkikh kalendarey: pamyatnaya kniga po istorii Otechestva* [The World of Russian Calendars: a Memorable Book on the History of the Fatherland]. Moscow, Akademkniga Publ., 2002. 240 p. (In Russ.)
2. Balashova Yu. B. *Evolyutsiya i poetika rossiyskogo literaturnogo al'manakha kak tipa izdaniya: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Evolution and Poetics of the Russian Literary Almanac as a Type of Publication. PhD. philol. sci. diss. abstract]. St. Petersburg, 2011. 37 p. (In Russ.)
3. *Biblioteka L'va Nikolaevicha Tolstogo v Yasnoy Polyane: bibliograficheskoe opisanie* [Library of Leo Tolstoy in Yasnaya Polyana: Bibliographic Description]. Moscow, Kniga Publ., 1972, vol. 1, part 1. 438 p. (Ser.: Museum-Estate "Yasnaya Polyana"). (In Russ.)
4. Durov V. A. *Kniga v Sem'e Romanovykh* [A Book in the Romanov Family]. Moscow, Nash dom-L'Age d'Homme Publ., 2000. 172 p. (In Russ.)
5. Yemel'yanova E. A. Formation of the Digital Collection "Books of the Imperial House of Romanov" in the National Electronic Library. In: *Bibliotekovedenie* [Russian Journal of Library Science], 2021, vol. 70, no. 3, pp. 255–265. Available at: <https://bibliotekovedenie.rsl.ru/jour/article/view/2060/1284> (accessed on February 23, 2022). DOI: 10.25281/0869-608X-2021-70-3-255-265. EDN: VPGBXL (In Russ.)
6. Isachenko T. A. The Unknown Album of Grand Duchess Anastasia. In: *Kul'turnoe nasledie Rossii* [Cultural Heritage of Russia], 2018, no. 3, pp. 35–46. Available at: <https://i.kultnasledie.ru/u/4a/aa13c43dbf11e9b810f3d8f87b6f77/-/KHP%20№%203-2018.pdf> (accessed on February 23, 2022). EDN: XEGOTS (In Russ.) (a)
7. Isachenko T. A. Rare Manuscripts of Members of the Romanov Family in the Collection of the Palace Libraries of the Russian State Library. In: *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii* [Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary], 2018, no. 2 (22), pp. 45–80. Available at: https://drive.google.com/file/d/1zUpXwE23zMi-FmQs51x36_ae2fdzfn5q/view (accessed on February 23, 2022). DOI: 10.24411/2224-5391-2018-10202. EDN: XRYZCH (In Russ.) (b)
8. Isachenko T. A. Memorable Recordings as Megatext: Experience of a Multilevel Reading Album-Calendar of Grand Duchess Anastasia. In: *Kul'turnoe nasledie Rossii* [Cultural Heritage of Russia], 2018, no. 4, pp. 43–59. Available at: <https://i.kultnasledie.ru/u/62/b1d2723dbf11e984bab1031c058fb1/-/KHP%20№%204-2018.pdf> (accessed on February 23, 2022). EDN: XRTJLR (In Russ.) (c)
9. Isachenko T. A. The Onomastic of the Album of the Grand Duchess Anastasia Nikolaevna: the Memorable Notes as a Megatext. In: *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo* [Memoirs of NovSU], 2019, no. 2 (20), pp. 1–10. Available at: <https://portal.novsu.ru/file/1521446> (accessed on February 23, 2022). DOI: 10.34680/2411-7951.2019.2(20).40. EDN: YBMPMP (In Russ.)
10. Isachenko T. A. The Personal Album of Grand Duchess Anastasia Nikolaevna: A Poetic Anthology or a Memoir Book? In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2020,

- no. 67, pp. 245–267. Available at: https://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=2019&article_id=45737 (accessed on February 23, 2022). DOI: 10.17223/19986645/67/13. EDN: DMRRGF (In Russ.)
11. Isachenko T. A. Autographs of the Inner Circle of the Grand Duchess Elisaveta Feodorovna in the Literary Almanac of the Queen of the Hellenes Olga. In: *Atributsiya predmeta: intuitsiya, opyt, dokument: sbornik nauchnykh statey XXVII Tsarskosel'skoy konferentsii* [Subject Attribution: Intuition, Experience, Document: Collection of Scientific Articles of the 27th Tsarskoe Selo Conference]. St. Petersburg, Russkaya kollektsiya Publ., 2021, pp. 373–390. Available at: <https://tzar.ru/sites/default/files/2022-02/Konf-2021-1.pdf?ysclid=l8od6ey2q9835770896> (accessed on February 23, 2022). (In Russ.) (a)
 12. Isachenko T. A. “Confession” by P. A. Vyazemsky in the Literary Almanac of the Queen of the Hellenes Olga (Copy of A. I. Khomutov). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2021, vol. 19, no. 2, pp. 176–197. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1620230907.pdf (accessed on February 23, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2021.8902. EDN: EEHGNV (In Russ.) (b)
 13. Isachenko T. A. Books of the Imperial House of the Romanovs in The Russian State Library (RSL) and The National Electronic Library (NEL). To the 175th Anniversary of Emperor Alexander III. In: *Zdes' byval sam gosudar'. K 175-letiyu imperatora Aleksandra III: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii iz tsikla «Imperatorskaya Gatchina» (Gatchina, 4–5 marta 2021 goda)* [The Sovereign Himself Has Been Here. On the Occasion of the 175th Anniversary of Emperor Alexander III: Proceedings of the Scientific-Practical Conference from the Cycle “Imperial Gatchina” (Gatchina, March 4–5, 2021)]. St. Petersburg, the Gatchina Palace and Estate Museum Publ., 2021, pp. 150–159. Available at: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/776231655.pdf> (accessed on February 23, 2022). DOI: 10.48466/5116.2021.22.20.001. EDN: JZENUE (In Russ.) (c)
 14. Isachenko T. A. The Imperial Collection / Album of Grand Duchess Olga Konstantinovna, Queen of the Hellenes: A Literary Almanac or a Book of Memory? (A Copy of Tsarevich Nikolai Alexandrovich). In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2022, no. 75, pp. 276–294. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49176753_91601998.pdf (accessed on February 23, 2022). DOI: 10.17223/19986645/75/14. EDN: DBXMXE (In Russ.)
 15. Levochkin I. V. Thought After Thought... of Grand Duchess Anastasia Romanova. In: *Biblioteka* [Library], 2001, no. 12, pp. 72–73. (In Russ.)
 16. “Russkiy Vestnik”: kul'turno-intellektual'noe nasledie zhurnala M. N. Katkova (Ukazatel' sodержaniya literaturnykh, politicheskikh, istoricheskikh i nauchnykh rabot v khronologicheskom poryadke) [“Russian Bulletin”: Cultural and Intellectual Heritage of the M. N. Katkov Journal (Index of the Content of Literary, Political, Historical and Scientific Works in Chronological Order)]. Ostrava-Hluchin, St. Petersburg, 2021, part 1: 1861–1877. 215 p. (In Russ.)

17. Seslavinskiy M. V. *Homo Scriptoris: bibliofil'skie teksty* [*Homo Scriptoris: Bibliophilic Texts*]. Moscow, Pro knigi, Zhurnal bibliofila Publ., 2014. 542 p. (In Russ.)
18. Timoshchenkova G. A. Handwritten Notes from the Libraries of the Russian Imperial House. In: *Rumyantsevskie chteniya: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Pamyat' Rossii v knizhnoy kul'ture» (Moskva, 23–25 aprelya 2001 goda)* [*Rumyantsev Readings: Proceedings of the Scientific and Practical Conference "Memory of Russia in Book Culture" (Moscow, April 23–25, 2001)*]. Moscow, Pashkov dom Publ., 2001, pp. 207–210. EDN: YJZUVF (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Исаченко Татьяна Александровна, Tatiana A. Isachenko, PhD (Philology), Chief Research Officer of The High Value Foundations, Centre for Research on Library Development in the Information Society, The Russian State Library (ul. Vozdvizhenka 3/5, Moscow, 119019, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-1710-2340; e-mail: isachenko33@yandex.ru.

Исаченко Татьяна Александровна, Татьяна А. Исаченко, PhD (Филология), главный научный сотрудник сектора изучения особо ценных фондов, Центр по исследованию проблем развития библиотек в информационном обществе (ЦИПР), Российская государственная библиотека (ул. Воздвиженка, 3/5, г. Москва, Российская Федерация, 119019); ORCID: 0000-0002-1710-2340; e-mail: isachenko33@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 20.06.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 14.09.2022

Принята к публикации / Accepted 20.09.2022

Дата публикации / Date of publication 21.11.2022

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11422

EDN: LCNNHS

«Близнецы» В. Шершеневича как творческая интерпретация комедии Шекспира «Двенадцатая ночь»

Д. Н. Жаткин¹✉, В. В. Сердечная²

¹ Пензенский государственный технологический университет
(г. Пенза, Российская Федерация)

e-mail: ivb40@yandex.ru ✉

² Кубанский государственный университет
(г. Краснодар, Российская Федерация)

e-mail: rintra@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализирована история создания, особенности стиля и композиции пьесы «Близнецы», написанной Вадимом Шершеневичем по мотивам комедии У. Шекспира «Двенадцатая ночь» для постановки в Московском театре оперетты (1939, композитор А. Шеншин). Текст комической оперы «Близнецы» был впервые опубликован в 2022 г. Целью работы стало изучение художественного своеобразия текста комедии в контексте споров о наследии Шекспира, которые велись в СССР в 1930-е гг. С опорой на архивные документы авторы воссоздали историю написания «Близнецов» (1933–1938), дали анализ дискуссиям вокруг допустимости жанра комической оперы при интерпретации пьес Шекспира, вокруг музыкальной и литературной драматургии «Близнецов». В статье рассмотрены принципы композиционных трансформаций в пьесе, своеобразии ее поэтики, отмечены переводческие решения и творческие удачи Шершеневича, в частности, в написании комических диалогов. Несмотря на непривычный жанр и необычно вольное обращение с текстом оригинала, постановка была признана одним из примеров новаторского советского музыкального спектакля и задала новый тон в переводе шекспировских комедий. Так, отказ от копирования каламбуров Шекспира привел к поиску эквивалентных комических элементов, которые были признаны успешными. Для поэта Вадима Шершеневича, известного футуриста и имажиниста, работа над либретто давала возможность применить творческие силы в период, когда его собственные стихи и переводы не публиковались.

Ключевые слова: Шекспир, Вадим Шершеневич, рецепция Шекспира, Двенадцатая ночь, Близнецы, комическая опера, переводы Шекспира, комедия, образ шута

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) (проект № 22-18-00027 «Шекспир и русская литература начала XX века (традиции, реминисценции, переводы, литературно-критическая рецепция)»).

Для цитирования: Жаткин Д. Н., Сердечная В. В. «Близнецы» В. Шершеневича как творческая интерпретация комедии Шекспира «Двенадцатая ночь» // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 4. С. 183–204. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11422. EDN: LCNNHS

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11422

EDN: LCNNHS

“Bliznetsy” (“Twins”) by V. Shershenovich as a Creative Variation of Shakespeare’s “Twelfth Night”

Dmitry N. Zhatkin¹✉, Vera V. Serdechnaia²

¹ *Penza State Technological University
(Penza, Russian Federation)*

e-mail: ivb40@yandex.ru ✉

² *Kuban State University
(Krasnodar, Russian Federation)*

e-mail: rintra@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the history of writing, stylistic features and composition of the play “Bliznetsy” (“Twins”) by Vadim Shershenovich based on Shakespeare’s comedy “Twelfth Night.” The play was written for a performance at the Moscow Operetta Theater (1939, composer A. Shenshin). The text of “Bliznetsy” was first published in 2022. The aim of this work was to analyze the artistic originality of the comedy text in the context of disputes on Shakespeare’s legacy conducted in the USSR in the 1930s. Based on archival documents, the authors recreate the history of writing “Bliznetsy” (in 1933–1938), analyze the discussions around the acceptability of the comic opera genre in relation to Shakespeare’s plays, the debates on the musical and literary dramaturgy of the play. Moreover, the article considers the principles of compositional restructuring in “Bliznetsy,” the poetic originality of the play, translation decisions and creative successes of Shershenovich, in particular, in writing comic dialogues. Despite the rare genre and unusually loose treatment of the original text, the production was recognized as one of the examples of an innovative Soviet musical performance and set a new tone in the translation of Shakespearean comedies. In particular, the refusal to copy Shakespeare’s puns led to the search for equivalent Russian comic elements, which were considered successful. For poet Shershenovich,

previously known as a futurist and imagist, the work on the libretto provided an opportunity to apply creative power at a time when his own poems and translations were not published.

Keywords: Shakespeare, Vadim Shershenevich, Shakespeare's reception, Twelfth Night, Bliznetsy, Twins, comic opera, Shakespeare's translations, comedy, fool image

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 22-18-00027 "Shakespeare and Russian literature of the early 20th century (traditions, reminiscences, translations, literary critical reception)".

For citation: Zhatkin D. N., Serdechnaia V. V. "Bliznetsy" ("Twins") by V. Shershenevich as a Creative Variation of Shakespeare's "Twelfth Night". In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2022, vol. 20, no. 4, pp. 183–204. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11422. EDN: LCNNHS (In Russ.)

В русской рецепции наследия Уильяма Шекспира особое место занимает период 1930-х гг., когда происходило становление нового канона «советского» Шекспира [Лагутина], [Луценко], [Щедрина], [Каганович]. Большую роль в этом процессе играла театральная рецепция произведений Шекспира, представлявшая практическое «внедрение» классика в жизнь зрителя. В 1920-е гг. наиболее активно ставились «Отелло», «Укрощение строптивой», «Король Лир»¹, в 1930-е — «Отелло», «Ромео и Джульетта», «Гамлет», «Укрощение строптивой» [Лагутина]. Возникла необходимость новых переводов, рос запрос на новые трактовки и жанры театрального осмысления Шекспира.

Одним из наиболее успешных либреттистов этого периода стал Вадим Шершеневич — поэт-футурист, позднее имажинист [Lawton]; после 1920-х гг., раскритикованный как формалист, он был лишен возможности публиковать как собственные стихи, так и переводы [Дроздков] и сосредоточился на обработке иностранных источников для сцены, зачастую для музыкального театра. Шершеневич, в частности, переводил и адаптировал произведения Шекспира.

¹ Хоменко Н. «Посмотрел я премьеру из римской жизни»: как советский зритель 1920-х годов воспринимал постановки Шекспира // Интернет-издание N+1. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://nplus1.ru/material/2018/08/03/shakespeare-in-1920s> (20.08.2022).

Творчество В. Шершеневича-переводчика стало предметом специального исследования в работах В. А. Дроздова [Дроздов], в материалах к библиографии [Котова, Дроздов], однако его шекспировские переводы и театральная судьба не рассмотрены детально.

Шершеневич выполнил несколько сокращенный перевод «Ромео и Джульетты» для постановки Камерного театра 1921 г.², перевел «Гамлета» (с версии Дюма) для театра «Романеск» в 1923 г. (спектакль не был выпущен, перевод считается утраченным [Жаткин, Сердечная: 289–291]), а также в конце 1930-х гг. осуществил точные переводы «Короля Джона»³ и «Цимбелина», причем лишь последний был опубликован при жизни переводчика⁴ [Макуренкова]. Кроме того, Шершеневич перерабатывал тексты Шекспира для музыкального театра. Так, он переложил «Двенадцатую ночь» как музыкальную комедию, точнее, лирико-комическую оперу⁵, назвав ее «Близнецы».

До Шершеневича «Двенадцатую ночь» переводили стихами А. Кронеберг (1841)⁶, А. Соколовский (1888)⁷, П. Гнедич (1908)⁸, М. Лозинский (1937)⁹. Однако перед Шершеневичем стояла

² Шекспир У. Ромео и Джульетта / пер. В. Шершеневича, вступ. ст., подгот. текста и публ. Д. Н. Жаткина и В. В. Сердечной // *Художественный перевод и сравнительное литературоведение. XVII: сб. науч. тр. М.: Флинта, 2022. С. 62–185.*

³ Шекспир У. Король Джон: пер. с англ. В. Г. Шершеневича / вступ. ст., подгот. текста и публ. Д. Н. Жаткина // *Художественный перевод и сравнительное литературоведение. XV: сб. науч. тр. М.: Флинта, 2021. С. 235–350.*

⁴ Шекспир В. Цимбелин / пер. В. Шершеневича; ред. М. Морозова. М.; Л.: Искусство, 1941. 184 с.

⁵ Шеншин А. А., Шершеневич В. Г. «Близнецы»: [о работе над оперой по комедии Шекспира «Двенадцатая ночь»] // *Декада московских зрелищ. 1939. № 2. С. 2.*

⁶ Шекспир В. Двенадцатая ночь, или Что угодно / пер. А. Кронеберга // *Отечественные записки. 1841. Т. XVII. № 7. Отд. III. Словесность. С. 1–47.*

⁷ Шекспир В. Двенадцатая ночь / пер. А. Л. Соколовского. СПб.: Тип. Стасюлевича, 1888. 48 с.

⁸ Шекспир В. Крещенский вечер, или Все что хотите / пер. [и пред.] П. П. Гнедича. СПб., 1908. IV, 135 с.

⁹ Шекспир В. Двенадцатая ночь, или Что угодно / пер. М. Л. Лозинского // *Шекспир В. Полн. собр. соч.: в 8 т. / под ред. А. А. Смирнова. М.; Л.: Academia, 1937. Т. 1. С. 361–480.*

непростая задача создать перевод, подходящий не только для устного произнесения, но и для речитатива и пения, коммуникативно точный и понятный для слуха.

Шершеневич впервые перевел «Двенадцатую ночь», планируя постановку в Московском театре оперетты, в 1933 г.¹⁰; он вел переговоры с несколькими композиторами, в том числе с Д. Шостаковичем, а в качестве постановщиков предлагал А. Я. Таирова, В. Э. Мейерхольда либо В. М. Бебутова¹¹. Несмотря на в целом доброжелательное обсуждение пьесы в секции драматургов в СП СССР в 1933 г., она не нашла пути на сцену.

Далее пьеса была переработана при участии композитора А. Шеншина. Как говорил Шершеневич, «либретто <...> написано раньше музыки, но потом <...> переформатировано в совместной работе с композитором»¹². Соавторы сообщали о принципах совместного творчества: «Наша работа протекала в самом тесном контакте. Ни одна строка поэта-драматурга не миновала одобрения композитора, и в свою очередь каждая музыкальная фраза отдавалась на суд драматурга»¹³.

Шершеневич упоминает о своей комической опере в отчаянном письме в ЦК ВКП (б) 1938 г.: «...она написана для Моск<овского> театра оперетты, и, конечно, ее постигнет та же судьба, что и первые мои работы: она будет слишком сложна для этого не слишком вокального театра и, в конце концов, станет также работой "для своего удовольствия"»¹⁴. О планах поставить по Шекспиру комическую оперу «Двенадцатая ночь» Московский театр оперетты в итоге заявил в апреле 1938 г.¹⁵, но Шершеневич также вел переписку с другими театрами,

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 970. Оп. 16. Ед. хр. 23. Л. 17.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 9–11.

¹² РГАЛИ. Ф. 2933. Оп. 1. Ед. хр. 536. Л. 16–17.

¹³ Шеншин А. А., Шершеневич В. Г. «Близнецы»: [о работе над оперой по комедии Шекспира «Двенадцатая ночь»] // Декада московских зрелищ. 1939. № 2. С. 2.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 2145. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 1.

¹⁵ «Двенадцатая ночь» в оперетте // Советское искусство. 1938. № 42 (2 апр.). С. 4.

в частности, с Хабаровской музкомедией¹⁶. Премьера в Москве состоялась в конце 1939 г.; режиссером спектакля стал В. М. Бебутов.

Сама идея «переписывать», вольно переводить Шекспира, да еще и для музыкального театра, казалась сомнительной. Как говорил на обсуждении прогона спектакля директор театра Н. Г. Александров, «сегодня важно установить, не является ли эта транскрипция Шершеневича литературно недопустимым явлением по отношению к Шекспиру»¹⁷.

Однако перевод был встречен как удача, в том числе известными шекспироведами. Так, М. Морозов оценил «Близнецов» как «текст, который блещет жизнерадостностью и талантом»¹⁸; А. Дживилегов говорил: «Сама идея зачерпнуть у Шекспира его тему, его великолепный оптимизм, его жизнерадостное восприятие мира, все это подать на сцену, которая не очень привыкла к такому великолепному материалу — эта мысль просто чудесная!»¹⁹. Режиссер Бебутов отзывался о «Близнецах» так: «Я большой поклонник этой вещи и считаю, что это настоящая работа поэта»²⁰.

Многие говорили и о «настоящем шекспировском» духе либретто. На обсуждениях спектакля звучали реплики о незаметности переводческого вмешательства: «...я его ниток почти что не чувствовал в спектакле, не чувствовал руку, которая сшивала этот спектакль, и до меня со сцены доходил Шекспир»²¹; «Этот текст настолько вырос, и я в некоторых отрывках искал, где Шекспир и где Шершеневич»²².

Более осведомленные рецензенты подробнее анализировали методы работы Шершеневича с текстами Шекспира. Морозов писал: «Автор лишь пользуется Шекспиром, но отнюдь не стремится "воссоздать" его произведение»²³. Один из

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 2145. Оп. 1. Ед. хр. 136. Л. 1.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 2933. Оп. 1. Ед. хр. 536. Л. 25.

¹⁸ Там же. Л. 5.

¹⁹ Там же. Л. 4.

²⁰ Там же. Л. 23.

²¹ РГАЛИ. Ф. 970. Оп. 16. Ед. хр. 23. Л. 7 об.

²² РГАЛИ. Ф. 2933. Оп. 1. Ед. хр. 536. Л. 14.

²³ Там же. Л. 32.

рецензентов отмечал: «В сценическом тексте Вадим Шершеневич использовал, кроме "Двенадцатой ночи", "Ромео и Джульетту" и "Сон в летнюю ночь"»²⁴. В свою очередь, Шершеневич формулировал свою задачу так: «...мне хотелось, вместе с композитором, по-новому перечитать Шекспира, которого мы все хорошо знаем и любим»²⁵.

Текст «Близнецов» был впервые опубликован в 2022 г.²⁶ Он весьма интересен с литературной точки зрения как одна из страниц советского Шекспира и опыт в создании сценичного текста, хорошо звучащего и хорошо воспринимаемого на слух.

Пьеса Шекспира носит название "Twelfth Night, or What You Will". Первая часть заглавия связана, очевидно, со временем премьеры пьесы в лондонском Мидл Темпл Холле (действие же самой пьесы происходит весной). Праздник двенадцатой ночи, завершающий рождественские праздники, приходится на 6 января и называется также Epiphany Eve, Богоявление (совпадает с праздником Крещения, в России отмечается 19 января). Как отмечает Г. Блум, в английской традиции шекспировской поры этот праздник также был известен как Пир Дураков (the Feast of Fools): "During this time, the tradition was that fools should rule, kings took on the fools' role of entertaining"²⁷ [Bloom: 29], — то есть это ночь карнавального, перевернутого времени, которому вполне отвечает сюжет пьесы с ее метаморфозами. Э. Смит, комментируя вторую часть названия, отмечает, что фраза *what you will* отражает кипящие страсти: все герои связаны эротическим желанием [Smith: 190], и точнее был бы перевод «чего вы хотите / жаждете». Таким образом, точный перевод названия с сюжетом связан лишь ассоциативно, тем более что в русском языковом сознании

²⁴ Константинов В. «Двенадцатая ночь» // Советское искусство. 1940. № 5 (18 янв.). С. 3.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 970. Оп. 16. Ед. хр. 23. Л. 17 об.

²⁶ Шекспир У. Близнецы (по теме «Двенадцатой ночи» Шекспира) / пер. В. Шершеневича, вступ. ст., подгот. текста и публ. Д. Н. Жаткина и В. В. Сердечной // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. XVII: сб. науч. тр. М.: Флинта, 2022. С. 186–303. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

²⁷ «В то время существовала традиция, что дураки должны управлять, а короли — брать на себя функции шута» (перевод наш. — Д. Ж., В. С.).

«двенадцатая ночь» не имеет связи ни с карнавальными традициями, ни с рождественскими праздниками, а довольно частый перевод «что вам угодно» указывает на речь слуг, но никак не на семантику эротического желания. Кронеберг и Лозинский переводили название как «Двенадцатая ночь, или Что угодно», Соколовский — «Двенадцатая ночь, или Что хотите», Гнедич — «Крещенский вечер, или Все, что хотите». Как видно, только перевод Гнедича более конкретно определяет дату, однако в русской картине мира праздник Крещения связан скорее с колядованием и гаданием, чем с карнавальным «переворотом» законов мира. Решение переименовать пьесу для постановки в «Близнецы» связано с желанием точнее отразить главный сюжетный ход комедии.

Рассмотрим систему действующих лиц и перевод имен. Шершеневич в целом следует сложившейся традиции: *Duke Orsino* передает как герцог Орсино, *Sebastian* — Себастьян и т. д. Он также переводит *Andrew* как Андрей, хотя уже Лозинский в издании 1937 г. дает более близкую фонетически, не русифицированную форму имени Эндрю. Кроме того, слуги Оливии, Фабиан и Фесте, объединены в один образ шута; более подробно расписано в основном перечне действующих лиц количество матросов, упомянуты священник, танцовщица, ловчий и пр.

Шершеневич раздумывал над тем, как Шекспир группирует имена. Так, он писал, что Шекспир дал комическим персонажам итальянские имена, а лирическим — английские²⁸. Это решение отразилось и на музыкальном тексте: «...мы в музыке для первых следовали традициям итальянской школы, а для вторых использовали английский и шотландский фольклор»²⁹. Эти выводы созвучны и современным исследованиям [Juric]. Комедийными, очевидно, оказываются здесь Тоби Бэлч и сэр Эндрю, и каждому из них приданы свои черты, причем роли несколько утрированы по сравнению с Шекспиром: так, Бэлч

²⁸ РГАЛИ. Ф. 970. Оп. 16. Ед. хр. 23. Л. 17 об.

²⁹ Шеншин А. А., Шершеневич В. Г. «Близнецы»: [о работе над оперой по комедии Шекспира «Двенадцатая ночь»] // Декада московских зрелищ. 1939. № 2. С. 2.

становится самозабвенным пьяницей, а Эндрю — смешным трусом.

В музыкальной постановке Шершеневич системно переставляет сцены: так, пролог в «Близнецах» соотносится со второй картиной первого акта у Шекспира, первая картина первого акта — с первой и четвертой картинами первого акта оригинала, и так далее. Очевидно, что одним из драматургических оснований объединения сцен становится место действия. Представим структуру композиционных перестановок в таблице, обозначив римскими цифрами номера актов, арабскими — картин; в оригинале картины пронумерованы внутри актов, а в версии Шершеневича нумерация картин сплошная (см. табл. 1).

Таблица 1.

Композиционные перестановки в «Близнецах» Шершеневича относительно «Двенадцатой ночи» Шекспира

«Близнецы»		“Twelfth Night, or What You Will”: соответствие картин
Номер акта и картины	Место действия	
Пролог	Берег моря	I.2
I.1	Лесная лужайка	I.1 + I.4
I.2	Комната в доме Оливии	I.3 + I.5 + II.3 + II.5
I.3	Зал Герцога	II.4
II.4	Улица	II.1 + III.3
II.5	Парк Оливии	II.5 + III.1 + III.2 + III.4
II.6	Улицы	III.4
III.7	Улица	IV.1+ IV.3 + V.1

Финальный текст перевода, переработанный с участием композитора, значительно укорочен; Шершеневич писал: «Мы с Шеншиным, учтя объем музыки, вынуждены были шекспировский текст сокращать в целом ряде разделов»³⁰. Литературный текст в данном жанре подчинен музыкальному: на обсуждении прогона говорили о «двух часах музыки и одном часе текста»³¹, а Морозов писал, очевидно, имея в виду и сценический объем, и содержание: «Музыка пудов на 5000 тяжелее, чем текст»³². Были сокращены многие комические диалоги, построенные на игре слов, большинство стихов пересказаны прозой, но введены песни и музыкальные номера; приоритетными целями новой трактовки стали ясность сюжета и его комическое заострение.

В тексте «Близнецов» действие начинается с пролога, в котором завязаны две главные сюжетные линии. Пролог соответствует второй картине первого акта и включает начало первой картины второго акта пьесы Шекспира, то есть кратко говорит о судьбе выживших сестры и брата. Если у Шекспира текст написан пятистопным ямбом, то здесь сцена решена через чередование стихов, написанных четырехстопным ямбом, и прозаических диалогов.

Первая песенка матросов и капитана, демонстрирующая их работу в бурю, и дальнейший полилог написаны Шершеневичем как своего рода пролог к первой шекспировской реплике об Иллирии — в это время вносят Виолу в обмороке. Прочитаем фрагмент этого начала:

«Перемокишие матросы вносят Виолу, которая в обмороке. Ее кладут на землю. Некоторые матросы крестятся.

Капитан

Господь хранит средь волн и тьмы!

На суше мы и живы мы!

А наш корабль, как груз негодный,

Пошел, разбитый ветром, кó дну!

<...>

³⁰ РГАЛИ. Ф. 970. Оп. 16. Ед. хр. 23. Л. 18.

³¹ РГАЛИ. Ф. 2933. Оп. 1. Ед. хр. 536. Л. 1.

³² Там же. Л. 6.

Виола

(очнувшись, слабо)

Где я?

Капитан

Между жизнью и смертью!

<Первый> матрос

Как раз, синьора, посередине! Справа — жизнь, слева — смерть, а вы ну как раз посередке!

Второй <матрос>

Точнее сказать, синьора, вы ближе к жизни, чем к смерти! Вам чертовски повезло! Вы на берегу!» (192–193).

Вся дальнейшая сцена, начиная с реплик: «*Виола*. Что это за страна? — *Капитан*. Это Иллирия! — *Виола*. Себастьян! Себастьян! Где ты?» (193), — переведена прозой, лаконично и довольно близко к тексту оригинала, с добавлением авторских комических реплик: «*Матросы*. Какой это Себастьян? — Тут нет Себастьянов! — Это она зовет святого Себастьяна! — Да разве святой Себастьян в такую непогоду слезет с иконы?!» (193–194). Матросы принимают на себя роль своеобразного хора, расширяя и уточняя реплики капитана. В частности, Шершеневич добавляет интерпретационный ход: матросы, варьируя реплику капитана о том, что он видел спасшегося Себастьяна, очевидно, дают понять, что это выдумка для утешения плачущей Виолы:

«Капитан (делая знаки матросам). Синьора, я видел, что, когда корабль пошел на дно, ваш брат схватился за мачту и поплыл! — *<Первый> матрос*. Кто, кроме женщины, поверит, что в такую бурю, да еще ночью, можно разглядеть человека на мачте! — *Второй <матрос>*. Синьора так хороша и так плачет, что не грех и соврать, лишь бы успокоить ее... Я тоже видел, синьора, как ваш брат плыл на мачте» (194).

Работая над музыкальной пьесой, то есть над текстами для песен, Шершеневич и дописывал репризы, и писал вольные вариации на тему стихов. Так, например, открывающий пьесу Шекспира монолог герцога Орсино о природе любви, в 15 строк, у Шершеневича становится песней из 24 строк.

Песня сочинена лишь по мотивам монолога, но она передает его мысль и артистизм:

«Следя огонь в пылающем камине
И в ночь бродя меж стриженных аллей,
Я нежно повторяю, как святыню,
Неумолимый гимн любви моей» (198).

Яркие выразительные строки встречаются и в песне Виолы, переодетой Цезарио:

«Я ей скажу, что герцог так влюблен,
Что вырвать страсть возможно только с кровью,
Что сотни нежных выдумал имен
Для той, кого короновал любовью.
Я ей скажу, что солнце холодней,
Чем герцог в час ночной мечты о ней.
Я ей скажу: я послан умереть,
Коль не позволите любовь воспеть» (201–202).

Одной из интересных музыкальных задач, которая решалась в том числе поэтом, было написание дуэтов, то есть стихотворений для параллельного пения, выражающих точки зрения двух персонажей. Так, в сцене разговора Орсино и Виолы его песня практически повторяет известный монолог о том, что женщины не могут так любить, как мужчины; в то же время Виола опровергает его:

«Герцог

Так девушка любить не может,
Такие страсти не тревожат
Девических прозрачных душ!
<...>»

«Виола

Нет, знаю я, как любят девы,
Какие пылкие напевы
Им шепчет демон злых страстей!» (231).

Ярким и веселым фрагментом пьесы стала песенка шута об эхо, затрагивающая как мотивы комедии, так и злободневные реалии:

«Эхо, эхо, дай ответ!
В твоих словах неправды нет!
Чего никто и никогда
Не отдает так долго? — Долга!

А кто пленяется в наш век
Напевом трубадура? — Дура!
Коль дар мы женщинам несем,
Что нам сулят их глазки? — Ласки! <...>
Скажи мне, часты ли у нас
Успехи в оперетке? — Редки!» (262).

Правда, эту песенку при постановке пришлось сократить³³.

Постоянным стихотворным размером у Шершеневича в «Близнецах» остается ямб разной стопности (у Шекспира преимущественно пятистопный ямб). Как замечал переводчик, «что касается ямбического стиха, то эта форма для музыки имеет неотразимую прелесть»³⁴. Однако местами он переходит на другие размеры, в том числе, например, амфибрахий: «Пусть белые розы мой гроб не венчают, / Пусть вздохи и слезы друзья не роняют!» (230).

Порой музыкальная тема определяет появление истинно модернистских мотивов, например, воспевание Эроса в начале третьей картины:

«Пляшет зал! Эрос взял!
Тают свечи, шепот речи все тише и нежней.
Словно в сказке, из-под маски блеск женских очей.
Звуки здесь поют кругом,
Взор расцветает у всех цветком, томным цветком.
Этот вечер, эти речи нам создал бог Эрот.
О, как сладки все загадки, что вносит гавот!» (228).

В перевод прозаических диалогов Шершеневич часто включает реплики других персонажей, как правило, шутовского толка. Так, например, в диалоге сэра Тоби и сэра Эндрю у него также участвует Мария, которая добавляет комизма:

«*Мария*. Говорят, сэр, что вы знаете три языка. — *Андрей*. Я знаю три языка, как свои пять пальцев. — *Мария*. Так уберите пальцы подальше и пустите в ход языки. Как будет по-французски "прощай"?» (205).

Это комическое, речитативное трио затем переходит в музыкальное.

³³ См. об этом: РГАЛИ. Ф. 970. Оп. 16. Ед. хр. 23. Л. 19.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 12.

Задачей, с которой Шершеневич хорошо справлялся еще при переводе «Ромео и Джульетты» для Камерного театра [Жаткин, Сердечная: 283–288], был перевод каламбуров и различных шуток, основанных на игре слов.

Так, смеясь над недалекими пьяницами-сэрами, шут намекает им, что они дураки. У Шекспира это звучит так: “did you never see the picture of ‘we three’?”³⁵; здесь кратко указывается на известный изобразительный сюжет той поры: “A “Picture of we three” was also a sight gag, a caption below an image of two fools or two donkeys. By counting a third who is missing from the image, the picture of we three invites whoever is looking at it to recognize themselves as the third in the group of fools”³⁶ [West: 244]. Эта шутка переводилась по-разному. Кронеберг передает так: «Видали вы вывеску трех дураков?»³⁷; Соколовский дает такой перевод: «Шут. Здорово, соколики! — слышали вы загадку о трех ослах? — Тоби. Здравствуй, третий осел»³⁸, — сопровождая ее разъяснением в комментариях после текста³⁹. Гнедич переводит: «Мы как на картине: вот и третий осел»⁴⁰; Лозинский дает перевод со сноской-комментарием. Шершеневич же переводит эту деталь в комический полилог:

«Андрей. <...> Здравствуй, дурак. Зачем ты пришел? — Шут. Потому что двум дуракам скучнее, чем трем. — Тоби. Сэр Андрей! Он назвал тебя дураком. — Андрей. Нет, это вас он назвал

³⁵ Здесь и далее текст комедии Шекспира цитируется по ресурсу “Open Source Shakespeare” (<https://www.opensourceshakespeare.org/>), который опирается на кембриджское академическое издание 1860-х гг.: Shakespeare W. The Cambridge Shakespeare: in 9 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 1863–1866.

³⁶ «“Портрет нас втроем” был визуальной шуткой, подписью под изображением двух шутов или двух ослов. Считая третьим того, кого на картине не хватает, изображение “нас втроем” побуждает того, кто смотрит на него, опознать себя как третьего среди дураков» (перевод наш. — Д. Ж., В. С.).

³⁷ Шекспир В. Двенадцатая ночь, или Что угодно / пер. А. Кронеберга // Отечественные записки. 1841. Т. XVII. № 7. Отд. III. Словесность. С. 14.

³⁸ Шекспир В. Шекспир в переводе и объяснении А. Л. Соколовского. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. Т. 7: Комедии. С. 324.

³⁹ Там же. С. 371.

⁴⁰ Шекспир В. Крещенский вечер, или Все что хотите / пер. [и пред.] П. П. Гнедича. СПб., 1908. С. 35.

дураком. — *Тоби*. Кого из нас ты назвал дураком? — *Шут*. Обоих!» (220).

Поскольку задачей Шершеневича было написать не просто музыкальный текст, а комедию, он расширяет комические репризы. И здесь растет роль шута, трактуемого истинно пошекспировски, то есть как шута-резонера, юродствующего мудреца, говорящего горькие истины. Приведем несколько примеров афоризмов шута:

«Когда короля предупреждают о грозящей ему опасности, король прячется за офицера!» (200);

«Я вот, например, государь, не могу прочесть в вашем сердце ни черта. Мне кажется, что там пустое место. Это оттого, вероятно, что я неграмотный» (201);

«Не место красит человека, а человек перекрашивается ради места» (238);

«...смерть можно переносить не больше одного раза в жизни» (252);

«Он ли вам предан, вы ли им преданы, — разница крошечная» (286).

Многие из этих шуток звучат едва ли не политически, особенно учитывая контекст 1930-х гг.

Также к удачам Шершеневича можно отнести некоторые вольные вариации на тему шекспировских шуток. Например, он дописывает последнюю фразу в монологе Мальволио о Цезарии:

«Я сказал молодому человеку, что вы больны. Он ответил, что он это знал и потому пришел проведать вас. Я сказал, что вы спите. Он ответил, что он и это знал и потому пришел так рано и ждет, когда вы проснетесь. Наконец, я сказал, что вас нет дома. *Он отвечал, что, будучи больной и спящей, вы не могли уйти из дома*» (215) (курсив наш; выделенное курсивом — авторский текст Шершеневича. — Д. Ж., В. С.).

Также он иронически заостряет первый разговор Оливии и Виолы с помощью собственной метафоры замутненного ручья:

«*Оливия*. Оливия — это я. Но в вашем потоке столько мути, что я не вижу дна. — *Виола*. Когда подходит к ручью тигр, он

видит в прозрачной воде свое стройное отражение. Когда в реку влезает, замутив воду, бегемот, он ничего не видит» (215).

К написанному Шекспиром самоироничному перечислению Оливией своих «красот» (“as, item, two lips, indifferent red; item, two grey eyes, with lids to them; item, one neck, one chin, and so forth”) Шершеневич добавляет язвительный диалог о зубах и возрасте:

«*Оливия*. Передайте герцогу каталог моего лица: два серых глаза с оправой из ресниц, красных губ две, лоб всего-навсего один, а зубов очень много: тридцать два! — *Виола*. Неужели у вас уже прорезались зубы мудрости? — *Оливия*. Не всем же щеголять молочными зубами» (217).

Не случайно Морозов отмечает талант Шершеневича как комедийного автора: «...мне этот сценарий очень понравился в целом, в частности тем, что в нем исключительно осмысленно звучали комические диалоги»⁴¹, — что действительно было редкостью как для старых переводов, так и для несколько архаизирующей версии Лозинского. Герои Шекспира не только запели, но и ясно, просто заговорили, и Шершеневич не без основания гордился текстом: «Я считаю, что из всего, что я сделал, — это одно из самых удачных произведений по драматизации»⁴².

Порой Шершеневич расширяет некоторые мотивы. Так, в пятой картине второго акта (II.5) усилен мотив страдания Себастьяна, тоскующего по сестре, — в частности, как основание для появляющейся здесь ариетты:

«Брожу один, печали полный,
И скорбь недавняя остра.
О, почему морские волны
Не скрыли вместе нас, сестра?» (235).

Когда замечтавшийся Мальволио, уже видящий себя графом, замечает письмо, Шершеневич добавляет ему зазнайства, дописывая такую реплику:

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 970. Оп. 16. Ед. хр. 23. Л. 2–3.

⁴² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 13.

«Письмо! Интересно знать, достаточно ли оно важно для того, чтоб я, Мальволио, стал нагибаться из-за него?! Может быть, проще позвать садовника, чтоб он поднял?! Впрочем, тут нет никого. Никто не увидит, что я, будущий граф Мальволио, собственноручно нагибаюсь и поднимаю какое-то письмо!» (240).

Также в тексте Шершеневича подробно разрабатывается тема трусости в речи сэра Эндрю:

«А если не я его, а он меня убьет? <...> По-моему, будет гораздо лучше, если сначала с ним будешь драться ты, и, если ты его убьешь, я его вызову на дуэль» (251–252).

Этот мотив продолжен в трио Эндрю, Тоби и шута. Трусость сэра Эндрю еще выпуклее в сравнении со спокойствием Виолы, когда он вызывает ее на дуэль, принимая за юношу; несмотря на то, что она никогда не фехтовала, она трусит гораздо меньше:

«Виола. Это вы мне показываете кукиш? — Андрей. Ого, какой он обидчивый! Это я не вам, а себе показываю кукиш! — Тоби. Молодой человек! Если вы не трус, подойдите поближе! — Андрей (*прячась за Тоби, к подходящей Виоле*). Только не ко мне, а к нему поближе! Ко мне не подходите, я слишком храбрый!» (268).

Эта сцена, очевидно, восходит к самому началу «Ромео и Джульетты», где знаменитое *bite a thumb* Шершеневич также переводил как показывание кукиша⁴³.

Кое-где в тексте Шершеневича встречаются неудачные фразы. Не слишком уместно употребление метонимии: «Слова любви, что дева слышит / *Небрежным кончиком ушей!*» (курсив наш. — Д. Ж., В. С.) (231). Нелогично выглядит метафора моря как места смерти: «Как я тоскую по Виоле, / *Ушедшей в влажный саркофаг!*» (курсив наш. — Д. Ж., В. С.) (235).

У Шершеневича значительно больше ярких, выразительных, вдохновенных строк: «Эй, музыканты! Рвите снова / Со струн чарующий напев!» (200). В финале слова шута нарочито нарушают театральные условности: «А на балу веселом пира / Пусть бюст красуется Шекспира!» (301).

⁴³ Шекспир У. Ромео и Джульетта / пер. В. Шершеневича, вступ. ст., подгот. текста и публ. Д. Н. Жаткина и В. В. Сердечной // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. XVII: сб. науч. тр. М.: Флинта, 2022. С. 268.

Спектакль нашел отклики в прессе, в разных жанрах, вплоть до карикатуры⁴⁴; велись споры о самой возможности музыкально-комической трактовки Шекспира, а также об особенностях работы поэта с исходным текстом⁴⁵. Например, И. Карин, не одобряя смешанный характер жанра, отмечал все же, что литературная основа оперы получилась удачной: «За исключением немногих неудачных фраз, стихов, реприз и некоторых вульгарных острот либретто комической оперы "Двенадцатая ночь" сделано В. Г. Шершеневичем добросовестно, литературно доброкачественно и с полным пиететом к Шекспиру»⁴⁶.

Шершеневич оценивал свою работу скромно, считая ее «второстепенной, не только на афишах, но и по существу»: «...это опера Шеншина на тему Шекспира. Я в данном случае только подбрасывающий в топку уголь, чтобы паровоз шел»⁴⁷. Однако, несомненно, им было немало сделано для передачи самого духа шекспировской комедии — карнавальной, дерзкой, яркой — на русском языке.

Оценив этот опыт как удачный, далее Шершеневич планировал подобным образом переписать для музыкального театра «Сон в летнюю ночь», отмечая: «Содержание "Сна" перелагается легче, чем содержание "12-ой <ночи>", п<отому> ч<то> в "Сне" меньше добавочных линий»⁴⁸. Однако этот проект не был реализован.

Таким образом, можно говорить о том, что текст «Близнецов» — важный опыт адаптации Шекспира для сцены, тем более важный, что в то время советский театр искал новые

⁴⁴ Лагран. Шекспир в оперетте («В. Шершеневич и Шеншин...») / рис. Милкос // Декада московских зрелищ. 1940. № 1. С. 17.

⁴⁵ См.: Таров. У авторов оперетты «Близнецы» // Декада московских зрелищ. 1939. № 25. С. 6; Гроссман В. Опера «Близнецы» // Советское искусство. 1939. № 40 (21 апр.). С. 3; Чарский М. Впечатления: [о спектакле «Близнецы» в Московском театре оперетты] / рис. В. Руднева // Декада московских зрелищ. 1940. № 6. С. 14; Виргинский В. Шекспир в Московском театре оперетты // Правда. 1940. № 3 (3 янв.). С. 4.

⁴⁶ Карин И. Шекспир в оперетте // Вечерняя Москва. 1940. № 7 (9 янв.). С. 3.

⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 2933. Оп. 1. Ед. хр. 536. Л. 19.

⁴⁸ Шершеневич В. Экспозе «Сна в летнюю ночь» / подгот. текста и публ. Д. Н. Жаткина и В. В. Сердечной // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. XVII: сб. науч. тр. М.: Флинта, 2022. С. 304.

переводы, новые интонации и новые жанры в его освоении. Несмотря на то, что Шершеневич был сторонником точного перевода (см. [Азов], [Баскина]), в этом переложении он дает волю себе как поэту и парадоксальным образом становится ближе к автору. Так, он говорил: «...как только я начинаю быть очень близким к Шекспиру, — сейчас же начинают говорить, что это не Шекспир, а Шершеневич»⁴⁹. Шершеневич утверждал, что Шекспир — это прежде всего поэт, о чем совсем забыли, говоря «о Шекспире-драматурге, сердцеведе, психологе и т. д.»⁵⁰; и здесь поэт вступает в полноправный диалог с поэтом.

Текст «Близнецов» читается как документ своего времени, хотя следы этого времени из него тщательно вычищались. Так, например, после замечания Морозова на обсуждении: «В рифмах есть некоторый известный модерн, который может психологически подействовать: "невеста" и "протеста"... Это просто не нужно»⁵¹ — поэт переделал текст, убрав слово «протест». Однако время, почти контрабандой, прорывалось в произведение: в упрощенном синтаксисе, в простой лексике, в мудрых фразах шута. Современность нового произведения ощущали и рецензенты: «Это не Шекспир, но это и не Легар, и не Кальман, вообще не "венское" опереточное издание. В этом смысле мы готовы приветствовать в театре оперетты "Двенадцатую ночь" в постановке В. М. Бебутова. Тем более, что она разыгрывается превосходно»⁵².

Если вспомнить о том, что Шершеневич в 1930-е гг. был лишен возможности публиковаться как поэт и переводчик, то нужно заключить, что в своих либретто он мог так или иначе реализовать творческий потенциал, подобно тому как «сомнительные» поэты того времени зарабатывали детскими стихами (как Д. Хармс, А. Введенский, Н. Заболоцкий) и переводами (как А. Ахматова или Б. Пастернак).

⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 970. Оп. 16. Ед. хр. 23. Л. 18–18 об.

⁵⁰ Там же. Л. 17 об.

⁵¹ РГАЛИ. Ф. 2933. Оп. 1. Ед. хр. 536. Л. 6.

⁵² Чарский М. Впечатления... С. 14.

Список литературы

1. Азов А. Г. Поверженные буквалисты: из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы. М.: Высшая школа экономики, 2013. 304 с.
2. Баскина М. Э. Филологически точный перевод 1920–1930-х годов: люди и институции // [Баскина М. Э.] Художественно-филологический перевод 1920–1930-х годов. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 5–80.
3. Дроздов В. А. Dum spiro spero. О Вадиме Шершеневиче, и не только: статьи, разыскания, публикации. М.: Водолей, 2014. 800 с.
4. Жаткин Д. Н., Сердечная В. В. Вадим Шершеневич как переводчик, либреттист и критик в театральном диалоге с Шекспиром // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 5. С. 279–301. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-279-301
5. Каганович Б. «Шекспир во время чумы» // Каганович Б. Александр Александрович Смирнов. 1883–1962. М.: Европейский дом, 2018. С. 122–148.
6. [Котова Т. В., Дроздов В. А.] Вадим Габриэлевич Шершеневич: материалы к библиографии. 1911–2018. М.: Круть, 2019. 312 с.
7. Лагутина И. «За подлинного Шекспира»: два советских юбилея // Вопросы литературы. 2017. № 2. С. 316–379.
8. Луценко Е. М. Сюжет о «Ромео и Джульетте» в письмах А. Смирнова Т. Щепкиной-Куперник // Вопросы литературы. 2021. № 3. С. 210–251. DOI: 10.31425/0042-8795-2021-3-210-251
9. Макуренкова С. Что общего между имажинизмом и Имодженой: о переводе пьесы «Цимбелин» В. Шершеневичем // Шекспировские чтения. 2010. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. С. 353–363.
10. [Щедрин Т. Г.] Густав Шпет и шекспировский круг: письма, документы, переводы. М.; СПб.: Петрогриф, 2013. 760 с.
11. [Bloom H.] Bloom's Shakespeare Through the Ages. Twelfth Night. N. Y.: Bloom's Literary Criticism, 2009. 232 p.
12. Juric L. P. Illyria in Shakespeare's England. Madison, NJ: Fairleigh Dickinson University Press, 2021. 368 p.
13. Lawton A. Vadim Shershenovich, from Futurism to Imaginism. Ann Arbor: Ardis, 1981. 116 p.
14. Smith E. This Is Shakespeare. Knopf Doubleday Publishing Group, 2020. 368 p.
15. West W. Common Understandings, Poetic Confusion: Playhouses and Playgoers in Elizabethan England. Chicago: University of Chicago Press, 2021. 320 p.

References

1. Azov A. G. *Poverzhennyye bukvalisty: iz istorii khudozhestvennogo perevoda v SSSR v 1920–1960-e gody* [Defeated Literalists: From the History of Literary Translation in the USSR in the 1920s–1960s]. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2013. 304 p. (In Russ.)

2. Baskina M. E. Philologically Accurate Translation of the 1920s–1930s: People and Institutions. In: *Baskina M. E. Khudozhestvenno-filologicheskii perevod 1920–1930-kh godov* [Baskina M. E. Artistic and Philological Translation of the 1920s–1930s]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2021, pp. 5–80. (In Russ.)
3. Drozdov V. A. *Dum spiro spero. O Vadime Shersheneviche, i ne tol’ko: stat’i, razyskaniya, publikatsii* [Dum Spiro Spero. About Vadim Shershenevich, and not Only Him: Essays, Research, Publications]. Moscow, Vodoley Publ., 2014. 800 p. (In Russ.)
4. Zhatkin D. N., Serdechnaya V. V. Vadim Shershenevich as a Translator, Librettist and Critic in a Theatrical Dialogue with Shakespeare. In: *Nauchnyy dialog*, 2022, vol. 11, no. 5, pp. 279–301. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-279-301. (In Russ.)
5. Kaganovich B. “Shakespeare During the Plague”. In: *Kaganovich B. Aleksandr Aleksandrovich Smirnov. 1883–1962*. Moscow, Evropeyskiy dom Publ., 2018, pp. 122–148. (In Russ.)
6. Kotova T. V., Drozdov V. A. *Vadim Gabrielevich Shershenevich: materialy k bibliografii. 1911–2018* [Vadim Gabrielevich Shershenevich: Materials for the Bibliography]. Moscow, Krug Publ., 2019. 312 p. (In Russ.)
7. Lagutina I. “For the Genuine Shakespeare”: Two Soviet Anniversaries. In: *Voprosy literatury*, 2017, no. 2, pp. 316–379. (In Russ.)
8. Lutsenko E. M. Romeo and Juliet in A. Smirnov’s Letters to T. Shchepkina-Kupernik. In: *Voprosy literatury*, 2021, no. 3, pp. 210–251. DOI: 10.31425/0042-8795-2021-3-210-251. (In Russ.)
9. Makurenkova S. What Is Common Between Imagism and Imogen: On the Translation of the Play “Cymbeline” by V. Shershenevich. In: *Shekspirovskie chteniya. 2010* [Shakespeare Readings. 2010]. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ., 2010, pp. 353–363. (In Russ.)
10. Shchedrina T. G. *Gustav Shpet i shekspirovskiy krug: pis’ma, dokumenty, perevody* [Gustav Shpet and Shakespeare’s Circle: Letters, Documents, Translations]. Moscow, St. Petersburg, Petrogrif Publ., 2013. 760 p. (In Russ.)
11. Bloom H. *Bloom’s Shakespeare Through the Ages. Twelfth Night*. New York, Bloom’s Literary Criticism Publ., 2009. 232 p. (In English)
12. Juric L. P. *Illyria in Shakespeare’s England*. Madison, New Jersey, Fairleigh Dickinson University Press Publ., 2021. 368 p. (In English)
13. Lawton A. *Vadim Shershenevich, from Futurism to Imaginism*. Ann Arbor, Ardis Publ., 1981. 116 p. (In English)
14. Smith E. *This Is Shakespeare*. Knopf Doubleday Publishing Group Publ., 2020. 368 p. (In English)
15. West W. *Common Understandings, Poetic Confusion: Playhouses and Playgoers in Elizabethan England*. Chicago, University of Chicago Press Publ., 2021. 320 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Жаткин Дмитрий Николаевич, Dmitry N. Zhatkin, PhD (Philology), доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения, Пензенский государственный технологический университет (проезд Байдукова / ул. Гагарина, 1а/11, г. Пенза, Российская Федерация, 440039); ORCID: 0000-0003-4768-3518; e-mail: ivb40@yandex.ru.

Сердечная Вера Владимировна, Vera V. Serdechnaia, PhD (Philology), доктор филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы и сравнительного культуроведения, Кубанский государственный университет (ул. Ставропольская, 149, г. Краснодар, Российская Федерация, 350040); ORCID: 0000-0001-8718-3556; e-mail: rintra@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 27.08.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.10.2022

Принята к публикации / Accepted 27.10.2022

Дата публикации / Date of publication 21.11.2022

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11482

EDN: SCQLOC

Танатологический дискурс в творчестве Ивана Бунина

В. А. Мескин

*Российский университет дружбы народов
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: vameskin@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализированы мемуарные записи И. А. Бунина и близко знавших его современников, в которых выражено отношение писателя к смерти. О конечности человеческой жизни Бунин часто размышлял в литературных записках, набросках, дневниках, в разговорах с близкими, друзьями, признавался, что о смерти «думает постоянно» и что «боится ее». Тема смерти является центральной во многих его прозаических и поэтических произведениях. В книге «Жизнь Арсеньева», во многом автобиографической, автор-повествователь признается, что осознание смерти заставило его впервые задуматься о Боге, о философских вопросах бытия. Страх смерти у Бунина имел характер фобии, отразившейся в творчестве. Идея конечности бытия лежит не только на мировосприятии и чувствах отдельных бунинских героев, но и на судьбах целых сословий. Именно поэтому для бунинской образной системы характерен ностальгический, элегический окрас, цвет «матового серебра» (по определению М. Горького). Прозаик и поэт бунтует против неизбежности конца так, как бунтуют дети («не поддамся») и творцы, выставляющие свою деятельность линией защиты в борьбе со временем («Теперь ты мысль. Ты вечен»). Специфическое танатологическое мироощущение обостряло его внимание к буддизму, учению о реинкарнации. «Закон красоты» у Бунина зиждется на эсхатологическом мировосприятии, отсюда — исключение будущего из координат творчества, христианская трактовка всего, что связано с природой, вечностью, идеалом.

Ключевые слова: Иван Бунин, тема смерти, танатологическое мировосприятие, мемуары, творчество, религиозность, история, эволюция, психологизм, христианство, эстетика, поэтика

Для цитирования: Мескин В. А. Танатологический дискурс в творчестве Ивана Бунина // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 4. С. 205–223. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11482. EDN: SCQLOC

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11482

EDN: SCQLOC

Thanatological Discourse in Ivan Bunin's Works

Vladimir A. Meskin

*Peoples' Friendship University of Russia
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: vameskin@yandex.ru

Abstract. The article analyses the memoir notes of Ivan Bunin and his contemporaries, who knew him closely, which express his attitude to death. Bunin's notes, drafts and diaries are full of his reflections on the subject of finiteness of human life. In conversations with relatives and friends he confessed that he "is obsessed with the death" and that he "is afraid of it." The theme of death is the key issue in many of Ivan Bunin's prosaic and poetic works. In the book "The Life of Arsenyev," which can be considered the writer's autobiography, he mentions the fact that the acceptance of death has made him think about the existence of God and the existential dilemma for the first time. Bunin's fear of death was a kind of a phobia reflected in all his works. The idea of the finiteness of existence is based not only on the perception and feelings of some of Bunin's characters, but also on the fate of entire social classes. This is why Bunin's imagery is characterized by a nostalgic, elegiac tone, the "matte silver" colour (according to M. Gorky). The writer rebels against the inevitability of death the way children do ("I will not give in") and the way writers do by using their works as a line of defense in the struggle over time ("Now you are a thought. You are eternal"). A specific thanatological perception of the world sharpened his attention to Buddhism and to the doctrine of reincarnation. The "law of beauty" for Bunin is based on an eschatological view. That is why he doesn't write about the future and interprets everything related to the ideal, nature and eternity in a Christian way.

Keywords: Ivan Bunin, theme of death, thanatological worldview, memoirs, creativity, religiosity, history, evolution, psychologism, Christianity, aesthetics, poetics

For citation: Meskin V. A. Thanatological Discourse in Ivan Bunin's Works. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2022, vol. 20, no. 4, pp. 205–223. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11482. EDN: SCQLOC (In Russ.)

«Так сладок сердцу Божий мир...»
«Нет в мире разных душ и времени в нем нет!»
И. Бунин

Чрезвычайное внимание Бунина к теме смерти лежит, что называется, на поверхности его творчества. Обращение к ней можно мотивировать частыми «уходами» бунинских персонажей — естественными, насильственными, суицидальными. Но не это главное. Подобных драм-трагедий немало и у других известных писателей-современников Бунина, скажем, у Ф. Сологуба, «смертяшкина», по язвительному определению М. Горького, у самого Горького, однако тема смерти в их творчестве не вызывает глубокого интереса исследователей. В одном случае смерть — это «мост» к должной жизни, в другом — просто конец жизни. Большое внимание уделял этой теме современник Бунина Л. Андреев, который смотрел на смерть как на черту, пугающую, но естественную, и бунтовал против всего того, что приводит к этой черте «до срока». Понимание конечности времени у него предписывает «наслаждаться каждым мгновением земной жизни» [Михеичева: 76]. У Бунина иначе: смерть у него феномен именно онтологический.

Мотив конечности, бренности всего сущего в разных вариантах присутствует во всех произведениях Бунина, даже в тех, где никто из героев не умирает, где вообще нет упоминаний о смерти. Все проходит: красота увядает, чувства притупляются, шиповник отцветает, аллеи зарастают, фамилии деградируют, империи распадаются, пирамиды рассыпаются, религиозность ослабевает, все обречено — вот художественный код Бунина. Код этот не связан с вниманием к теме смерти классиков-предшественников, по крайней мере не в первую очередь, и совершенно не выходит к распространенной в начале века ее модернистской эстетизации. Он связан со специфической ментальностью Бунина.

Мемуары Бунина и о Бунине свидетельствуют, что с мыслью о быстротечности жизни он и в младости, и в старости засыпал и просыпался. Думать о неизбежности ухода, даже бояться смерти — естественно для человека, эта неизбежность («...всех ищет грозная... и некогда найдет» — В. Жуковский) всех принуждает к смирению. Бунин — в ряду исключений.

Он бунтует, причем подчас так, как могут бунтовать только дети и поэты:

«А смерть ненавижу — ни за что ей не дамся — не посмеет меня взять — подавится мной!»¹.

Бунтует в страхе:

«Боюсь я ее — ох, как боюсь...»². «Я весь век под страшным знаком смерти, я несказанно боюсь ее» [Иван Бунин, кн. 1: 384]. «Я именно из тех, которые, видя колыбель, не могут не вспомнить о могиле...» [Бунин, Бунина, т. 1: 83]. «Люди совсем не одинаково чувствительны к смерти. Есть люди, что весь век живут под ее знаком, с младенчества имеют обостренное чувство смерти... Вот к подобным людям принадлежу и я...»³.

Записей такого содержания у него и у его близких десятки. Существенно то, что эти сполохи бунта возникали у писателя спонтанно, вне связи с контекстом, в размышлениях-разговорах о поэзии, об архитектуре, о погоде и т. д. Видения смерти преследовали его во снах.

У большинства поэтов есть элегические строфы о том времени, когда они, их лирические герои, как скажет младшая современница Бунина, уже «исчезнут с поверхности земли» (М. Цветаева). Или другая: «Здесь все меня переживет...» (А. Ахматова). У Бунина таких строф особенно много, и все они чрезвычайно трагичны, как, например, в стихотворении «Настанет день, исчезну я» (1916):

«Настанет день — исчезну я,
А в этой комнате пустой
Все то же будет: стол, скамья
Да образ, древний и простой...» (Бунин, т. 1: 336).

Или финальная строфа стихотворения «Сириус» (1922):

«Пылай, играй стоцветной силою,
Неугасимая звезда,

¹ Муравьева-Логинова Т. Д. Живое прошлое. Воспоминания об И. А. и В. Н. Буниных // [Иван Бунин, кн. 2: 301].

² Там же. С. 302.

³ Бунин И. А. Жизнь Арсеньева // Бунин И. А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1988. Т. 5. С. 23. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Бунин* и указанием тома и страницы в круглых скобках.

Над дальнею моей могилою,
Забытой Богом навсегда!»⁴.

На всю жизнь Бунин смотрел сквозь призму смерти. Это явление в его поэзии объективируется, пишется с большой буквы, как, например, в стихотворении, названном по первой строчке «Когда на темный город сходит...» (1895):

«И на пустынном, на великом
Погосте жизни мировой
Кружится Смерть в веселье диком
И развевает саван свой!» (Бунин, т. 1: 65).

Слово «смерть», а также производные от него — частотные в бунинских текстах, и все его картинные зарисовки окрашены в ностальгические тона. Феномен смерти лежал в основе художественного мышления писателя.

Бунин осознавал болезненность своего психологического состояния. В июле 1931 г. Вера Николаевна внесла в личный дневник признание мужа: «У меня душевная болезнь. Вечно думаю о смерти» [Бунин, Бунина, т. 2: 203]. По ее дневнику разбросано: «Говорили с Яном о смерти...», «Ян неустанно думает о смерти...», «Ему бесконечно тяжело жить...» [Бунин, Бунина, т. 2: 89, 178, 370] и т. п. Симптомы «душевной болезни» замечали окружающие. В. Набоков писал: «Его болезненно занимали текучесть времени, старость, смерть...» (цит. по: [Шраер: 99]). О том, что Бунин постоянно жил в состоянии «арзамасского ужаса», можно прочесть у Г. Кузнецовой, И. Одоевцевой, А. Бахраха (см.: [Бахрах], [Кузнецова], [Одоевцева]), у лечившего писателя врача В. Зернова⁵, у других авторов его круга. Не будет преувеличением сказать, что страх смерти у Бунина имел характер фобии, отразившейся в творчестве. У Бунина, по замечанию Ю. Мальцева, «смерть остается за кулисами, но <...> на всем лежит ее отсвет» [Мальцев: 342]. Не очень-то «за кулисами», но отсвет смерти действительно лежит у него «на всем». Это

⁴ Некоторые произведения прозы и поэзии цитируются по прижизненному собранию сочинений И. А. Бунина с указанием страницы (если есть) в круглых скобках: Электронное научное издание. Петрозаводский государственный университет. И. А. Бунин [Электронный ресурс]. URL: <https://philolog.petrso.ru/bunin/arts/arts.htm> (15.05.2022).

⁵ Зернов В. Воспоминания врача // [Иван Бунин, кн. 2: 362].

вопрос психологии творчества. Нужно признать, что этой фобией, танатологическим мироощущением, ностальгией обусловлен минорный тон бунинской образности.

Неприятие смерти в человеке прямо пропорционально его приятию жизни — это аксиома. Бунин, писатель и поэт, испытывал неистовую любовь к жизни. О его «повышенном чувстве жизни», «борьбе с конечностью мгновения» пишет О. Сливницкая, убедительно противопоставляя Бунина виталисту Пушкину, с его «абсолютным доверием» к жизни [Сливницкая: 243]. Бунин может утверждать любовь к жизни и в строчках о смерти, как, например, в пронзительном стихотворении «И цветы, и шмели, и трава» (1918) — о судной встрече лирического героя с Господом.

Кладбища, зримые границы между миром живых и мертвых пугали и манили писателя. По словам А. Бахраха, Бунин ненавидел «посещение кладбищ» [Бахрах: 56]. Другое свидетельство поэта приводит И. Одоевцева: «Меня всегда, как ни странно, тянуло к кладбищам...» [Одоевцева: 723]. О притягательности кладбищ для мужа вспоминала и Вера Николаевна. Так или иначе, но кладбища — частый топоним бунинских повествований, многие бунинские герои посещают кладбища, погосты. Как известно, замысел одного из лучших бунинских рассказов «Легкое дыхание» (1916), по словам самого автора, родился «во время прогулки» по кладбищу на Капри (см.: [Саакянц: 669]). С одной стороны, по словам жены, Бунин «всегда боялся покойников, никогда не ходил ни на панихиды, ни на отпевания» [Бунин, Бунина, т. 2: 383]. С другой стороны, опять же по словам жены, его сочувственно интересовали старики, люди, которым предстоял скорый уход, их «душевная жизнь» [Муромцева-Бунина: 147]. Описаний покойников у писателя много, так же много образов старец, старцев, причем нарисованных с большой симпатией, всегда в этическом противопоставлении молодым персонажам.

Возможно, именно из этого танатологического мироощущения вырос бунинский протестный миф об эфемерности или даже об отсутствии, небытии смерти, о жизни вечной, жизни-звене в бесконечной цепи рода, черед перерождений. Отзвуки этого мифа так или иначе слышны в бунинских

сочинениях, чаще всего в финалах, как, например, в заключительных строчках рассказа «Сосны» (1901):

«Отдаленный, чуть слышный гул сосен сдержанно и немолчно говорил и говорил о какой-то вечной, величавой жизни...» (206).

Находим эти отзвуки и в заключительных строчках упомянутого рассказа «Легкое дыхание», когда речь заходит о смерти героини:

«Теперь это легкое дыхание снова рассеялось в мире, в этом облачном небе, в этом холодном весеннем ветре» (120).

Наречие *снова* логично здесь в мифопоэтическом, но никак не в содержательном плане фразы.

Этим же мироощущением было обусловлено увлечение писателя буддизмом — учением, в основе которого лежит идея перерождения, реинкарнации. Очевидно, рассуждения Бунина о своей памяти, записанные художницей и поклонницей писателя Т. Д. Муравьевой-Логиновой, типологически восходят к буддийской памяти «Сати» (см.: [Бхиккху Бодхи]):

« — Да, я чувствую в себе всех предков своих... и дальше, дальше чувствую свою связь со "зверьем", со "зверьями" — и нюх у меня, и глаза, и слух — на все — не просто человеческий, а нутряной — "звериный". Потому "по-звериному" люблю я жизнь. Все проявления ее — связан я с ней, с природой, с землей, со всем, что в ней, под ней, над ней»⁶.

И двенадцатью годами ранее он писал о своем особом чувстве жизни:

«Рождение никак не есть мое начало. Мое начало и в той непостижимой для меня тьме <...> и в моем отце, в матери, в дедах, прадедах, пращурах, ибо ведь они тоже я» [Иван Бунин, кн. 1: 384].

В «Жизни Арсеньева» близкий автору герой вспоминает, как его, малолетку, испугало выражение «мертвое тело» и годами позже возникший в его сознании вопрос:

«Почему так страшны были эти совершенно для меня новые слова? Значит, я их уже знал когда-то?» (Бунин, т. 5: 23).

⁶ Муравьева-Логина Т. Д. Живое прошлое. С. 302.

Идеи буддизма лежат в основе хрестоматийных рассказов, таких как «Братья» (1914), «Господин из Сан-Франциско» (1915), «Сны Чанга» (1916) и др. Конечно, для Бунина было болезненным осознание того, что миф о бессмертии, перерождении — всего лишь миф, игра воображения. В первых строках лирической «Розы Иерихона» (1924), написанной под впечатлением от паломничества на Святую Землю, автор утверждает, что «нет в мире смерти, нет гибели тому, что было, чем жил и дышал когда-то!» (7–8), однако в заключительных строчках он с горечью опровергает эти грезы.

Танатологическое мироощущение болезненно и по-своему опасно. «Писательство» было, по словам Ивана Алексеевича, его «единственной» радостью в жизни, но, думается, что еще чем-то бóльшим. Бунину, судя по мемуарам современников, отличало исключительное трудолюбие. Будучи уже известным писателем, он интересовался новинками, перечитывал классиков (например, Мопассана и Достоевского), подшивки старых журналов. В сердцах бросал раздражавшую его книгу, чтобы, успокоившись, снова продолжить ее чтение. Шла постоянная работа над оттачиванием мастерства. Редакторская работа над написанным занимала у него много больше времени, чем само написание. Регулярно перечитывался Лев Толстой, по свидетельству очевидца, даже за несколько часов до смерти. Эта литературная, творческая пассионарность была еще линией защиты, «потребностью выразить и продлить себя на земле» [Иван Бунин, кн. 1: 382]. Хорошо знавший писателя современник видел в его писательстве «самозащиту» от «наплыва навязчивых мыслей» [Бахрах: 56].

Потребность «продлить себя на земле» мотивировала старого, больного писателя в условиях холода и голода (дров не было, а пара картофеля была большим подарком) с рассвета до заката работать над циклом «Темные аллеи». Это преодоление обстоятельств М. Шраер объясняет желанием победить книгой в «заочной дуэли» набиравшего популярность В. Набокова, но вряд ли данное желание было первично [Шраер: 141]. В этом плане интересны размышления лирического героя, конечно, близкого самому автору, в стихотворении «Памяти» (1906–1911), в котором есть некоторые признаки

эпитафии. Называется оно не «Память», а именно «Памяти». Памяти кого? Очевидно, себя, автора. Вот финальная строфа стихотворения:

«То, что лежит в могиле, разве ты?
Разлуками, печалью был отмечен
Твой трудный путь. Теперь их нет. Кресты
Хранят лишь прах. Теперь ты мысль. Ты вечен»

(Бунин, т. 1: 262).

Исходная идея, выраженная в заключительной строке, очень важна для Бунина: тот, кто породил мысль, преодолевает прах и время, мысль обеспечивает пребывание в желанной вечности. Связь понятий «творчество–слово–вечность» заявлена во многих бунинских поэтических строках, в частности — в стихотворении «Слово» (1915):

«Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена...» (Бунин, т. 1: 287).

Об этом и другое, чуть позже написанное стихотворение, — «В горах» (1916). Время преодолевается творчеством, искусство лежит в плоскости вечности:

«Поэзия не в том, совсем не в том, что свет
Поэзией зовет. Она в моем наследстве.
Чем я богаче им, тем больше я поэт.
Я говорю себе, почуяв темный след
Того, что пращур мой воспринял в древнем детстве:
— Нет в мире разных душ и времени в нем нет!»

(Бунин, т. 1: 316).

Стихотворение можно рассматривать как поэтическую декларацию Бунина.

Остаться после ухода — эта мысль возникала в бунинском сознании по самым разным поводам. Так, звон колокола на базилике St. Denis приводит его к размышлениям о «мудрости» жертвовать на колокол и к той же мысли:

«Тебя не будет, а твой колокол, как бы часть твоя, все будет и будет петь — сто, двести, пятьсот лет» [Бунин, Бунина, т. 2: 78].

И, по сути, о том же немного позже он скажет в прозе — в рассказе «Надписи» (1924), в дискуссионных рассуждениях явно близкого автору героя:

«...блаженные часы проходят <...> и хоть что-нибудь сохранить, то есть противопоставить смерти, отцветанию шиповника. Тут вечная, неустанная наша борьба с "рекой забвения". И что ж, разве эта борьба ничего не дает, разве она уже совсем бесплодна? Нет, тысячу раз нет» (156).

«Любовь и смерть», по мнению жены писателя, его «две главные темы» [Муромцева-Бунина: 70]. Одна тема настолько проникает в другую, что дефис здесь уместнее соединительного союза. И обе темы лежат в круге роковой предопределенности. Такое соединение есть и в подтексте бунинского суждения в одном доверительном разговоре: «Неужели вы еще не поняли, что любовь и смерть связаны неразрывно?» [Одоевцева: 696]. Эту неразрывность можно найти чуть ли не во всех бунинских произведениях. И наоборот — обнаружить что-то говорящее о перспективах счастья в творчестве этого прозаика и поэта — дело малоперспективное, хотя попытки предпринимаются (см.: [Бильк]). И причины, несомненно, лежат в плоскости бунинского миропонимания.

Бунин — мистик, добро и зло для него — силы метафизические, а люди являются бессознательными проводниками этих сил, созидających или разрушающих империи, заставляющих человека идти на жертвенный подвиг или на преступление, на самоубийство, изматывающих титанические природы в поисках власти, злата, удовольствий, подталкивающих ангельские создания к примитивным развратникам, невинных юношей — к семейным женщинам и т. д. Он акцентирует внимание на мобильности силы зла, разрушения, разобщения. Эта сила «закулисная», писатель никак ее, так сказать, «не материализует», избегает слова «рок», но именно то, что в мифологических представлениях определяется как рок, действительно в его художественном мире. Жизнь, смерть, рок как мировое зло — в пространстве этих понятий пульсировала мысль художника, подвигала к творчеству, по-своему высвечиваясь в творчестве.

В обыденном сознании, в искусстве рок и смерть часто предстают в единстве, и в бунинской партитуре на тему любви трагическая предопределенность сопровождает это чувство в движении к концу, часто к смерти. Достаточно вспомнить уже упомянутые рассказы, а еще «Грамматику любви» (1915), «Митину любовь» (1924), «Дело корнета Елагина» (1925) и т. д. Во всем цикле «Темные аллеи» (1937–1945) — а это почти четыре десятка рассказов, новелл, зарисовок — нет ни одного благополучного финала, благополучного разрешения конфликта автор «не обещает» и за пределами сюжета. Любовь-согласие в изображении Бунина — мираж, который сметается либо убийством, как в «Генрихе», либо самоубийством, как в «Кавказе», «Гале Ганской» или в «Зойке и Валерии», либо неожиданной смертью, как во «В Париже» или в «Натали», либо, что реже, третьим лицом, как в «Русе». Герои литературы, например, у Чехова, Куприна, могут ощущать себя счастливыми от некогда пережитых «чудных мгновений». Иначе у Бунина: счастливые переживания у него не оправдывают последующие страдания. Воспоминания лишь ранят его героев. Непонятно, что дало Г. Адамовичу основание сказать, что от книги «Темные аллеи» «веет счастьем» [Адамович: 65]. Художественным совершенством от них веет, но никак не счастьем. Правильнее другое суждение о Бунине, как о писателе, считавшем, что в жизни есть «лишь **воображение** радости и счастья земного бытия» [Кучеровский: 209].

И «закон красоты» у Бунина зиждется на танатологическом, эсхатологическом мировосприятии. Он не связывает какие-либо идеальные устремления с будущим. Бунин, возможно, первый европейский реалист, точнее, неореалист, который исключил художественное осмысление будущего из своего творчества и лишь пунктирно касался настоящего. Уходящие в небытие «антоновские яблоки» — это метафора, относящаяся и к авторскому пониманию прошлого, и к его эстетике. По причине своего специфического мировидения Бунин не мыслил этот мир без себя, не искал красоты в дольном, преходящем. Он жил, обернувшись в прошлое. История — вот главный герой его пространственных поэтических путевых очерков. Прекрасное он прозревал в горнем, вечном, в непреходящих красотах природы, всегда чаровавшего его звездного неба. Все это явственно

проявляется не только в стихотворениях Бунина, но и в его прозе, очень отчетливо — в упоминавшемся рассказе «Легкое дыхание». Бунин являет пример не историко-перспективного, а вневременного религиозного обращения к идеалу, в этом особенность его понимания прекрасного (подробнее см.: [Мескин]). Например, стихотворение-признание «Ночь» (1901) завершают такие строки:

«Ищу я в этом мире сочетанья
Прекрасного и тайного, как сон.
Люблю ее за счастье слиянья
В одной любви с любовью всех времен!»

(Бунин, т. 1: 390).

Природа, как и искусство, — непреходяща, не подвластна все разрушающему времени, в ней его лирический герой видит лоно божества, единство вечного и прекрасного.

О функциональной роли природы в произведениях Бунина писал еще в шестидесятые годы прошлого века В. Афанасьев, один из первых исследователей бунинского творчества в советской России [Афанасьев: 20]. Возможно, по объективным причинам он не говорит, в чем эта функциональность заключается, а заключается она в том, что в единении с гармоничной природой лирический герой Бунина и положительные герои его прозы обретают душевный покой, спасительную веру в бессмертие, ведь жизнь — это лишь «ночлег в лесу», о чем Бунин поэтично сказал в стихотворении «Ночлег» (1911):

«А ранним утром, белым и росистым,
Взмахни крылом, среди листвы шурша,
И растворишься, исчезни в небе чистом —
Вернись на родину, душа!» (Бунин, т. 1: 256).

Был Бунин верующим или неверующим — это не определяет отношения к нему как к художнику, но немало способствует пониманию бунинской эстетики. Конечно, панический страх смерти — это не по-христиански, но мысль о неизбежности перехода в мир иной приводила Бунина к вопросам религиозного порядка. Именно о себе сказал автор в «Жизни Арсеньева»:

«Когда и как приобрел я веру в Бога, понятие о Нем, ощущение Его? Думаю, что вместе с понятием о смерти» (Бунин, т. 5: 24).

И все-таки иногда о Бунине говорили и говорят, как о человеке неверующем.

Однако у Бунина нет атеистических признаний в духе Чехова: «Я человек неверующий»⁷. У современника-«учителя» христианская парадигма заявлена, пожалуй, лишь в рассказе «Студент». Нет у Бунина и богоборческих признаний, как, например, у Л. Андреева в письме писателю-современнику: «Бога я не прииму...»⁸. Эстетическая природа христианского вектора у автора «Жизни Василия Фивейского» и «Анатемы», думается, не подлежит сомнению. Подобных откровений, свидетельств кризиса религиозного сознания модернистской эпохи немало и у других очень разных художников слова, например, у А. Блока, у М. Цветаевой. Бунин носил в себе сомнения, но точно не был, как утверждала Н. Берберова, «абсолютным и закоренелым атеистом» [Берберова: 295]. Бунин выражал сомнение в том, что Бог, как простой смертный, ходил по земле, что есть загробная жизнь. Но сомнение не есть неверие.

«Надо бодриться — Господи, помоги» [Бунин, Бунина, т. 2: 360]. Таких молитвенных обращений к Богу много и в ранних, и в поздних бунинских записках, и это тоже не сообразуется с представлениями о «закоренелом атеисте». О религиозном смирении мужа говорят воспоминания Веры Николаевны. Вот, например, ее описание поведения мужа на панихиде по З. Гиппиус: «Ян усердно молился, вставал на колени» [Бунин, Бунина, т. 2: 383]. Из тех же воспоминаний следует, что его влекли дискуссии на тему загробной жизни, на другие темы, не характерные для неверующего человека. Создается впечатление, что муж своими рассуждениями-сомнениями провоцировал жену на поиски контраргументов и что это была его апофатика. Но была и эволюция религиозных убеждений. Мнение Веры Николаевны о своеобразном христианстве близкого человека, о признании Иваном Алексеевичем прежде всего человеческой природы Спасителя относятся к 1907 г.

⁷ Чехов А. П. Полн. собр. соч.: в 30 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1980. Письма. Т. 9. С. 29.

⁸ Вересаев В. Собр. соч.: в 5 т. М.: Правда, 1961. Т. 5. С. 404.

[Муромцева-Бунина: 318]. Позже, судя по дневникам периода эмиграции, это «своеобразие» нивелируется. Вера Николаевна отмечает, что за свои прошлые религиозные сомнения Иван Алексеевич «во многом раскаивается в прошлом, винит себя» [Бунин, Бунина, т. 2: 261].

Вот характерная дневниковая запись Бунина, сделанная бессонной ночью:

«Роковой день мой — уже 75-й год пойдет мне завтра. Спаси, Господи. <...> Холодная ночь, блеск синего Ориона. И скоро я никогда уже не буду этого видеть. Приговоренный к казни» [Бунин, Бунина, т. 2: 378].

Смерть для Бунина была еще страшна невозможностью видеть красоты этого мира. Таков рефрен его мемуарных записей. Причем красоты этого мира для Бунина всегда «Божьи красоты». Обратим внимание на две схожие записи, разделенные десятилетием:

«Проснулся в 4 часа, вышел на балкон — такое божественное великолепие сини неба и крупных звезд, Ориона, Сириуса, что перекрестился на них» [Бунин, Бунина, т. 2: 97].

Такое душевное движение вряд ли свойственно «закоренелым» атеистам:

«Ночью во мне пела "Лунная Соната". И подумать только, что Бог все это — самое прекрасное в мире и человеческой душе...» [Бунин, Бунина, т. 2: 234].

«Так сладок сердцу Божий мир...» — это очень бунинская строка. Равно свой талант, свою «непостижимость» писатель связывает с «божественным» в нем самом.

Но главное — христианское по духу творчество Бунина. Его художественный мир — мир христианский. Религиозны все его положительные персонажи, течение жизни определяется днями церковных праздников: на «Покров», под «Илью», под «Казанскую», на «Михайлов день» и т. д. Бунин создал ряд ярких характеров, посвятивших себя служению Богу. Пережив просветление, они отказались от комфорта в пользу христианской аскезы, всем им открылась правда о мире, осознание несправедности этой жизни и желание страдать, молиться за себя

и за людей. Таковы, например, Аглая, героиня одноименного рассказа (1916), Александр, Шаша, из рассказа «Я все молчу» (1913), Ваня из рассказа «Иоанн Рыдалец» (1913). В монастырь идет спасаться от «прыгающей козлом» современности героиня любимого автором «Чистого понедельника» (1944). Беды настоящего бунинский повествователь связывает с утратой христианской праведности, об этом очерк «Эпитафия» (1900).

Создавая другие характеры, автор всегда указывает на их негативное отношение к вере, к церкви, к Богу: один не любит службы церковные, другой не выносит света лампадок, третьему противно духовенство и т. д. Страшен Ермил (1912) — персонаж одноименного рассказа:

«Он всю жизнь полагал, что верит в Бога, но только полагал. Темная сила — другое дело...» (88).

Безбожен Дениска, персонаж повести «Деревня» (1910), которому Вуду ближе христианского Бога. Безбожен Егор, персонаж рассказа «Веселый двор» (1911), иконой прикрывавший махотку с остатками пищи и т. д. Есть такие злодеи и в рассказах «Степа» (1938), «Дурочка» (1940) и др.

Извечный критик Бунина И. Ильин заключил, что писатель «разверзает перед нами *мировой мрак*, черное, провальное естество человеческой души...» [Ильин: 76]. Это не так. Разверзая, он обличает мрак человеческой души. О «религиозных исканиях» Бунина сказано достаточно много (см., например: [Кузнецова], [Зайцев]). Е. Перова верно писала о «корневой религиозности» Бунина [Перова: 89].

Встречается и другое мнение. Отношение к христианству, по заключению Ю. Мальцева, было у Бунина «скорее эстетично, чем религиозно» [Мальцев: 94]. С этим соглашается О. А. Бердникова [Бердникова: 88]. Однако эстетство в искусстве — это, по сути, игра. Эстетизировать можно все или почти все явления жизни. Модернистское искусство нередко шокировало отказом от принятых норм морали, этики и т. д. Возвышать христианские убеждения, не имея их, — это тоже эстетическая игра. Мог ли Бунин всю жизнь, много более полувека, творить-играть, преодолевая себя? Нет, не мог.

Давно известно и многократно повторено: главное в искусстве вообще и в литературе в частности не *что* сказано, а *как*. Бунинское творчество — яркое подтверждение проверенной временем истины. Картины жизни, созданные этим художником слова, как правило, печальны, многие его герои обуреваемы разрушительными страстями, и все это дается в свете явной или скрытой смертности. При всем при этом произведения Бунина не порождают духа уныния, упадничества, напротив, повышают чувство жизни. Духовное и нравственное очищение, которое испытывают читатели Бунина и которое называют катарсисом, объясняется художественным совершенством его творений. Здесь гармония стиля как бы затмевает дисгармонию быта. Это очищение связано с бунинским зримым описанием вечной природы, говоря строкой Ф. Тютчева, «жизнь природы там слышна», а также наличием и действенностью христианской парадигмы, гармонирующей с этим описанием.

Список литературы

1. Адамович Г. В. По поводу «Темных аллей» // Адамович Г. В. Одиночество и свобода: литературно-критические статьи. СПб.: Logos, 1993. С. 64–66.
2. Афанасьев В. И. А. Бунин. М.: Знание, 1970. 45 с.
3. Бахрах А. Бунин в халате. По памяти, по записям. Bayville (N. J.): Товарищество зарубежных писателей, 1979. 176 с.
4. Берберова Н. Курсив мой. Нью-Йорк: Russica, 1983. 380 с.
5. Бердникова О. А. Личность творца в книге И. А. Бунина «Освобождение Толстого» // Царственная свобода. О творчестве И. А. Бунина: к 125-летию со дня рождения писателя: межвуз. сб. науч. тр. Воронеж: ВГУ, 1995. С. 77–96.
6. Билык М. «Нет смерти для того, кто любит жизнь...» (тема смерти в «крымских» произведениях Бунина) // Культура народов Причерноморья. 2004. № 52. Т. 1. С. 68–71 [Электронный ресурс]. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/33223/15-Bilyk.pdf?sequence=1> (15.05.2022).
7. Бунин И. А., Бунина В. Н. Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 2 т. М.: Посев, 2005. Т. 1. 303 с.; Т. 2. 431 с.
8. Бхиккху Бодхи. Значение «Сати». 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theravada.ru/Teaching/Works/znachenije-sati-sv.htm> (15.05.2022).
9. Зайцев К. И. А. Бунин. Жизнь и творчество. Берлин: Парабола, 1934. 277 с.
10. Иван Бунин: в 2 кн. М.: Наука, 1973. Кн. 1. 696 с.; Кн. 2. 549 с. (Сер.: Литературное наследство; т. 84.)

11. Ильин И. И. Бунин // Ильин И. А. О тьме и просветлении: книга художественной критики: Бунин, Ремизов, Шмелев. Мюнхен: Тип. Обители преп. Иова Почаевского, 1959. 202 с.
12. Кузнецова Г. Грасский дневник. М.: Московский рабочий, 1995. 410 с.
13. Кучеровский Н. М. И. Бунин и его проза (1887–1917). Тула: Приок. кн. изд-во, 1980. 319 с.
14. Мальцев Ю. Иван Бунин: 1870–1953. М.: Посев, 1994. 432 с.
15. Мескин В. А. История русской литературы «Серебряного века». М.: Юрайт, 2016. 384 с.
16. Михеичева Е. А. Мотив воскрешения в творчестве Леонида Андреева // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15. № 1. С. 68–79 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1488808196.pdf (15.05.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2017.4201
17. Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Сов. писатель, 1989. 510 с.
18. Одоевцева И. В. На берегах Невы. На берегах Сены. М.: АСТ: Астрель, 2011. 798 с.
19. Перова Е. Ю. Особенности поэтики новеллы «Холодная осень» в контексте мировосприятия И. А. Бунина // Творчество И. А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология) / ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. М.: Литфакт, 2019. С. 86–90.
20. Саакянц А. Комментарии // Бунин И. А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1988. Т. 4. С. 643–699.
21. Сливицкая О. В. «Повышенное чувство жизни»: мир Ивана Бунина. М.: РГГУ, 2004. 270 с.
22. Шраер М. Бунин и Набоков. История соперничества. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 222 с.

References

1. Adamovich G. V. On “The Dark Avenues”. In: *Adamovich G. V. Odinochestvo i svoboda: literaturno-kriticheskie stat'i* [Adamovich G. V. *Loneliness and Freedom: Literary and Critical Articles*]. St. Petersburg, Logos Publ., 1993. p. 64–66. (In Russ.)
2. Afanasev V. I. A. *Bunin*. Moscow, Znanie Publ., 1970. 45 p. (In Russ.)
3. Bakhrakh A. *Bunin v khalate. Po pamyati, po zapisyam* [Bunin in House Robe. *By Memory, by Notes*]. Bayville, New Jersey, Tovarishestvo zarubezhnykh pisateley Publ., 1979. 176 p. (In Russ.)
4. Berberova N. *Kursiv moy* [The Italics Are Mine]. New York, Russica Publ., 1983. 380 p. (In Russ.)
5. Berdnikova O. A. The Personality of the Creator in the Book by I. A. Bunin “The Liberation of Tolstoy”. In: *Tsarstvennaya svoboda. O tvorchestve I. A. Bunina: k 125-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Royal Freedom. On the Works of I. A. Bunin: to the 125th Anniversa-

- ry of the Birth of the Writer: Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 1995, pp. 77–96. (In Russ.)
6. Bilyk M. “There is no Death for Someone Who Loves Life...” (the Theme of Death in Bunin’s “Crimean” Works). In: *Kul’tura narodov Prichernomor’ya* [Culture of the Peoples of the Black Sea Region], 2004, no. 52, vol. 1, pp. 68–71. Available at: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/33223/15-Bilyk.pdf?sequence=1> (accessed on May 15, 2022). (In Russ.)
 7. Bunin I. A., Bunina V. N. *Ustami Buninykh. Dnevniky Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy: v 2 tomakh* [As Spoken by the Bunins. The Diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna and Other Archive Materials: in 2 Vols]. Moscow, Posev Publ., 2005, vol. 1. 303 p.; vol. 2. 431 p. (In Russ.)
 8. Bhikkhu Bodhi. *Znachenie “Sati”* [The Meaning of “Sati”], 2011. Available at: <http://www.theravada.ru/Teaching/Works/znacheniyе-sati-sv.htm> (accessed on May 15, 2022). (In Russ.)
 9. Zaytsev K. I. A. *Bunin. Zhizn’ i tvorchestvo* [I. A. Bunin. Life and Works]. Berlin, Parabola Publ., 1934. 277 p. (In Russ.)
 10. *Ivan Bunin: v 2 knigakh* [Ivan Bunin: in 2 Books]. Moscow, Nauka Publ., 1973, book 1. 696 p.; book 2. 549 p. (Ser.: Literary Heritage; vol. 84.) (In Russ.)
 11. Il’in I. I. Bunin. In: *Il’in I. A. O t’me i prosvetlenii* [Ilyin I. A. About Darkness and Enlightenment]. Munich, Tipografiya Obiteli prepodobnogo Iova Pochevskogo Publ., 1959. 202 p. (In Russ.)
 12. Kuznetsova G. *Grasskiy dnevnik* [Diary of Grasse]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1995. 410 p. (In Russ.)
 13. Kucherovskiy N. M. *I. Bunin i ego proza (1887–1917)* [I. Bunin and His Prose (1887–1917)]. Tula, Priokskoe knizhnoe izdatel’stvo Publ., 1980. 319 p. (In Russ.)
 14. Mal’tsev Yu. *Ivan Bunin*. Moscow, Posev Publ., 1994. 432 p. (In Russ.)
 15. Meskin V. A. *Istoriya russkoy literatury “Serebryanogo veka”* [The History of Russian Literature of the “Silver Age”]. M.: Yurayt Publ., 2016. 384 p. (In Russ.)
 16. Mikheicheva E. A. Resurrection Motif in the Works of Leonid Andreev. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2017, vol. 15, no. 1, pp. 68–79. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1488808196.pdf (accessed on May 15, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2017.4201 (In Russ.)
 17. Muromtseva-Bunina V. N. *Zhizn’ Bunina. Besedy s pamyat’yu* [Bunin’s Life. Conversations with Memory]. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1989. 510 p. (In Russ.)
 18. Odoevtseva I. *Na beregakh Nevy. Na beregakh Seny* [On the Banks of the Neva. On the Banks of the Seine]. Moscow, AST Publ., Astrel’ Publ., 2011. 798 p. (In Russ.)
 19. Perova E. Features of the Poetics of the Novel “Cold Autumn” in the Context of I. A. Bunin’s Worldview. In: *Tvorchestvo I. A. Bunina v istoriko-literaturnom kontekste (biografiya, istochnikovedenie, tekstologiya)* [Works of I. A. Bunin in the Historical and Literary Context (Biography, Source Study, Textual Criticism)]. Moscow, Litfakt Publ., 2019, pp. 86–90. (In Russ.)
 20. Saakyants A. Comments. In: *Bunin I. A. Sobranie sochineniy: v 6 tomakh* [Bunin I. A. Collected Works: in 6 Vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1988, vol. 4, pp. 643–699. (In Russ.)

21. Slivitskaya O. "Povyshennoe chuvstvo zhizni": mir Ivana Bunina ["Intense Sense of Life": the World of Ivan Bunin]. Moscow, The Russian State University for the Humanities Publ., 2004. 270 p. (In Russ.)
22. Shrayer M. *Bunin i Nabokov. Istoriya sopernichestva* [Bunin and Nabokov. History of Rivalry]. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2015. 222 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мескин Владимир Алексеевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов (ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2, г. Москва, Российская Федерация, 117198); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2260-8060>; e-mail: vameskin@yandex.ru

Vladimir A. Meskin, PhD (Philology), Professor, the Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia (ul. Miklukho-Maklaya 10/2, Moscow, 117198, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2260-8060>; e-mail: vameskin@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 26.05.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.09.2022

Принята к публикации / Accepted 31.10.2022

Дата публикации / Date of publication 21.11.2022

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11582

EDN: XWESWH

Фантастика, миф и эсхатология в повести А. Платонова «Эфирный тракт»

М. В. Заваркина

*Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

e-mail: mvnikulina@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы некоторые способы выражения авторской позиции в «фантастической повести» А. Платонова «Эфирный тракт». В основе жанровой структуры повести лежит сложный синтез фантастики и реальности, который подключает в жанровом подтексте мифологические и эсхатологические архетипы и в целом раскрывает авторские интенции. Авторский взгляд проявляется в первую очередь в выборе жанра произведения: повесть как жанр ориентирована на повествование о том, что было в прошлом, определение «фантастическая» задает совсем другой вектор движения — это взгляд в будущее, на то, что только может произойти. В итоге, начиная с жанра, утверждается «возможность невозможного» — именно так понимал фантастику писатель. Прибегает Платонов и к другим средствам выражения авторской позиции в тексте: к иронии (а зачастую и самоиронии, если учитывать автобиографизм его прозы), к гротеску, как к средству, позволяющему «масштабировать» изображаемое; использует писатель и антитезу как способ раскрытия противоречий жизни. Однако, сталкивая друг с другом и противопоставляя героев и их идеи, фантастику и реальность, миф и эсхатологию, писатель пытается в духе гегелевской триады прийти к некоему синтезу, чтобы найти истину; такой же прием лежит и в основе его жанровой стратегии. В сюжетном плане Платонов берет за основу вполне реальные и полезные достижения научно-технического прогресса, но усиливает фантастический элемент сюжета, что приводит к обратному, негативному, эффекту. Платоновские герои не видят границы между тем, где заканчивается наука и начинается фантастика, где заканчивается фантастика и начинается эсхатология. Однако это видит автор, поэтому фантастика и реальность, миф и эсхатология в поэтике платоновской повести обретают новые связи: фантастика разрушает не только утопию, но и миф. Но на место мифологическому сознанию, способному хоть как-то объяснить те или иные явления, приходят бесплодные эсхатологические чаяния. В результате и автор, и читатель делают вывод, что, несмотря на успехи науки, человек все равно слишком мало знает о себе и мире и не достиг того уровня нравственного совершенства, чтобы быть достойным своих открытий.

Ключевые слова: А. Платонов, Эфирный тракт, повесть, фантастика, миф, эсхатология, утопия, авторская позиция

Для цитирования: Заваркина М. В. Фантастика, миф и эсхатология в повести А. Платонова «Эфирный тракт» // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 4. С. 224–251. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11582. EDN: XWESWH

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11582

EDN: XWESWH

Fantastika, Myth and Eschatology in A. Platonov's Short Novel (Povest') "The Ethereal Tract"

Marina V. Zavarkina

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: mvnikulina@mail.ru

Abstract. The article analyzes certain methods of expressing the author's position in A. Platonov's fantastic short novel (povest') "The Ethereal Tract." The genre structure of this short novel (povest') is based on a complex synthesis of fantastika and reality, which connects mythological and eschatological archetypes in the genre subtext and reveals the author's general intentions. The author's view is manifested, first and foremost, in the choice of the genre: the short novel (povest') as a genre is focused on the narrative of what happened in the past, the definition of "fantastic" sets a completely different vector of movement — it is a look into the future, at what only can be. Thus, the "possibility of the impossible" is asserted — this is how the writer conceived of the fantastika. Platonov also resorts to other means of expressing the author's position in the text: to irony (and often self-irony, if we take into account the autobiographic nature of his prose), to the grotesque, as a means to "scale" what is depicted, to the antithesis as a way of revealing the contradictions of life. However, by colliding with each other and contrasting the characters and their ideas, as well as fantastika and reality, myth and eschatology, the writer tries to arrive at some kind of synthesis in order to find the truth in the spirit of the Hegelian triad; the same technique underlies his genre strategy. Platonov bases his plot structure on quite real and useful achievements of scientific and technological progress, but strengthens the fantastic element of the plot, which leads to the opposite, negative effect. Platonov's heroes do not see the boundaries between science and fantastika, or between fantastika and eschatology. However, the author sees this, so fantastika and reality, myth and eschatology in the poetics of Platonov's short novel (povest') acquire new connections: fantastika destroys not only utopia, but also myth. But in place of the mythological consciousness, which is able to somehow explain certain phenomena, fruitless eschatological aspirations come. As a result, both

the author and the reader come to the conclusion that, despite the successes of science, a person still knows too little about himself and the world and has not reached the level of moral perfection to be worthy of his discoveries.

Keywords: A. Platonov, Ethereal Tract, short novel, science fiction, fantastika, myth, eschatology, utopia, author's position

For citation: Zavarkina M. V. Fantastika, Myth and Eschatology in A. Platonov's Short Novel (Povest') "The Ethereal Tract". In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2022, vol. 20, no. 4, pp. 224–251. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11582. EDN: XWESWH (In Russ.)

Повесть Андрея Платонова «Эфирный тракт», датируемая 1927 г., стала итоговой в ряду научно-фантастической прозы писателя. К этому времени у него, как указывает Н. В. Корниенко, «накопилось немало набросков на темы старого и нового быта, фантастических сюжетов, философских и научно-технических проектов — фантастика, ставшая впервые в русской литературе популярной именно в 1920-е гг., привлекла и А. П. Платонова» [Корниенко, 2015: 39]. Повесть изучалась исследователями с разных сторон: анализировалась история создания, текстология повести и источники ее сюжета (см.: [Корниенко, 1993: 36–55], [Матвеева, 2009], [Московская, 2016b] и др.); образная система и типология персонажей (см.: [Яблоков], [Малыгина, 1995: 26–47], [Йосихара], [Коваленко], [Проскурина: 81–105], [Вороная], [Хейдари, 2019] и др.); поэтика времени и пространства (хронотоп повести) (см.: [Ласкина], [Ильюшик] и др.); тема взаимоотношения человека и природы (см.: [Заваркина], [Фурукава] и др.); жанровые особенности, утопия, антиутопия, миф и эсхатология (см.: [Малыгина, 1995, 2005], [Хрящева], [Ярошенко], [Павлова, 2005], [Заваркина], [Хейдари, 2016] и др.); различные «идеологические контексты» произведения (см.: [Корниенко, 1993: 36–55], [Толстая-Сегал], [Малыгина, 1995, 2005], [Брель], [Матвеева, 2009, 2011], [Московская, 2016а, 2016b] и др.). Фантастика Платонова в целом также не раз становилась предметом исследования (см., например: [Геллер Л.], [Степанова], [Малыгина, 1995, 2005], [Мамонтова], [Ревич], [Ковтун], [Брель], [Павлова, 2005, 2008, 2012], [Заваркина] и др.). Однако, рассматривая фантастику, утопию, миф и эсхатологию по отдельности, вне жанрового контекста и вне их возможного «пересечения», сложно делать

выводы об особенностях жанровой структуры повестей Платонова не только 1920-х, но и 1930-х гг.

В определении термина «фантастика» мнения исследователей схожи в одном: фантастическое — это «вымышленное», то, «чего не бывает и не может быть» [Анненский: 207]; фантастика в произведении возникает тогда, когда происходит «несовпадение, расхождение точек зрения "изнутри" (глазами героя) и "извне" (глазами слушателя, читателя) на возможность или невозможность художественного мира» [Неёлов: 39]. По мнению В. Н. Захарова, «критерий фантастического — объективная действительность, которая позволяет определить принадлежность данного явления либо к реальному миру, либо к фантазии человека» [Захаров, 1986: 49]. Ц. Тодоров называет это «колебаниями», которые испытывает читатель и которые становятся первейшим условием фантастического жанра [Тодоров: 30]. Концепция Тодорова в свое время вызвала ряд критических замечаний у исследователей (подробнее об этом см.: [Захарова: 108–109]).

Понятия «фантастика», «миф», «эсхатология» и «утопия» (а также ее разновидности) лежат примерно в одной плоскости: в произведении они либо соседствуют на равных, либо одно подчиняется другому. Утопия часто содержит элементы фантастики и переходит в пределах одного произведения в свою противоположность и обратно, а может дорасти до эсхатологического предвидения и соперничать с ним. Утопия опирается не столько на науку, сколько на воображение [Шестаков: 36], в этом ее схожесть с фантастикой. Фантастика при этом может «помогать» утопии «оставаться утопией», а может ее разрушать [Кагарлицкий: 289, 288]; быть научной или социальной. Кроме того, «истоки фантастики лежат в мифе, но сам миф еще не есть фантастика» [Захаров, 1986: 49], хотя последняя — «неотъемлемая принадлежность искусства, возникшего в результате кризиса мифологического сознания» [Захаров, 2016: 10].

Так же сложно, как фантастика и миф, соотносятся друг с другом утопия и эсхатология. Для утопического сознания одновременно характерен и «принцип надежды» [Блох], и принцип «отчаяния и надежды» [Ласки: 174], то же самое можно сказать и об эсхатологических чаяниях. Однако В. П. Шестаков называет утопию и эсхатологию «противоположностями»,

которые «составляют» «русский характер» [Шестаков: 5]. Д. А. Шелудченко придерживается иной позиции и считает, что утопические и эсхатологические проекты, являясь философским способом осмысления мира, «показывают нам преимущественно критический взгляд» на происходящее: «Несмотря на свою во многом противоположность, они ведут к одному — заставляют размышлять над существующей действительностью» [Шелудченко: 105, 109]. Утопия и эсхатология одинаково зиждутся на вере в лучшее будущее. При этом для России, по мнению В. П. Шестакова, «характерна тенденция создания сатирических или негативных утопий», что «определяется эсхатологической традицией русской историософии: апокалипсическое видение предполагало ироническое отношение к оптимистическому прогнозу исторических судеб человечества» [Шестаков: 5].

А. Платонов не создавал ни чистых утопий, ни сугубо негативных антиутопий, поэтому разговор об утопической или антиутопической направленности того или иного произведения зачастую не дает ничего существенно нового. Однако некоторые исследователи указывают на преобладание в ранних произведениях Платонова черт утопического жанра над фантастическим: «В 1920-е годы А. Платонов, вероятно, сознательно обращается к жанру научной фантастики, воспринимая его как наиболее приемлемую форму для пропаганды своей утопии» [Павлова, 2012: 25], (см. также: [Павлова, 2008: 163]). Другие исследователи поднимают вопрос о синтезе научной фантастики и мифологической условности в произведениях писателя, а также об утопии и эсхатологии. Так, анализ сюжета платоновской повести, по мнению Н. М. Малыгиной, «дает основание для вывода, что в основе ее лежит мифологическая структура» [Малыгина, 2005: 63], а произведения Платонова в целом «содержат богатый материал для выяснения характера соотношения утопии и эсхатологии» [Малыгина, 1995: 17], (см. также: [Малыгина, 2005: 116]). Фантастика, утопия, миф и эсхатология прекрасно «уживаются» в текстах Платонова, но это соседство не умаляет в них роли фантастического. Сходство — в эскапистской функции как фантастики, так и утопии и мифа. Свойственен эскапизм и эсхатологии. Но если «утопический мир, подобно сказочному,

располагается вне пространства и времени» [Долгина: 33], то у Платонова и время, и пространство вполне реальны. Несмотря на фантастический сюжет, Платонов верит в «безграничные возможности своих современников», именно поэтому он отодвигает время действия в повести не в далекое будущее, а в 1930-е гг. [Матвеева, 2011: 515]. Кроме того, многие научные идеи, описанные в повести, вовсе не были утопичными: так, Н. М. Малыгина приводит воспоминание вдовы писателя М. А. Платоновой о том, что повесть «Эфирный тракт» «отказывались печатать из-за опасения, что будет украдено описанное там изобретение Кирпичникова» [Малыгина, 2005: 18].

Однако иронический пафос все же присутствует в произведениях Платонова, начиная уже с ранней научно-фантастической прозы. Прибегает Платонов не только к иронии (а зачастую и самоиронии, если учитывать автобиографизм его прозы), но и к гротеску, как к средству, позволяющему «масштабировать» изображаемое, рассмотреть его через увеличительное стекло, чтобы лучше были видны изъяны. Кроме иронии и гротеска, Платонов использует антитезу как способ раскрытия противоречий жизни. Однако, сталкивая друг с другом и противопоставляя героев и их идеи, а также фантастику и реальность, миф и эсхатологию, писатель пытается в духе гегелевской триады прийти к некоему синтезу, чтобы найти истину. Такой же прием лежит и в основе его жанровой стратегии.

Так, авторские интенции проявляются, начиная с выбора жанра произведения. Как писал П. Н. Медведев, художник «должен научиться видеть действительность глазами жанра», потому что «каждый жанр обладает своими способами, своими средствами видения и понимания действительности, доступными только ему» [Медведев: 206, 204]. «Эфирный тракт» имеет подзаголовок «фантастическая повесть»: он уточняет не только жанр, но и авторский взгляд на описываемые события, в результате чего возникает та самая «вторичная условность», которая «полностью находится в компетенции автора» [Захаров, 1986: 48], (см. также: [Захаров, 2012: 20]). Обозначая жанр своего произведения как «фантастическая повесть», Платонов прибегает к сочетанию противоположного. Ведь повесть как жанр ориентирована на повествование о том, что *было в прошлом*,

а значит, было в реальности: «...буквальный смысл слова "по-весть" оказывал определяющее воздействие на формирование жанровой концепции произведений» [Захаров, 1985: 17]. Определение «фантастическая» задает другой вектор движения — это взгляд в будущее, на то, что только может быть. Таким образом, утверждается «возможность невозможного», а значит, для утопии почти не остается места¹.

Предваряют повесть «Эфирный тракт» ранние научно-фантастические рассказы Платонова — они становятся ее источниками. Так, в рассказе с говорящим названием «Невозможное» (1921) Платонов описал свою собственную идею создания резонатора-трансформатора, который с помощью электромагнитных волн может воздействовать на объекты живой и неживой природы. Через 6 лет в повести «Эфирный тракт» писатель доведет эту идею до апогея, раскрывая теорию инженера Матиссена и показывая ее ужасные последствия. Платонов берет за основу вполне реальные и полезные достижения научно-технического прогресса, но усиливает фантастический элемент сюжета, что приводит к обратному, негативному, эффекту.

По мнению В. Н. Захарова, в художественном тексте «наука оказывается всемогущей, но условной (художественной) силой развития сюжета, научная идея становится своеобразной сюжетной метафорой произведения» [Захаров, 1986: 54]². Однако если для фантастики характерна «метафоризация науки» [Бритиков: 196], (см. также: [Неёлов: 49], [Захаров, 1986: 54]), то в повести Платонова, наоборот, происходит ее «деметафоризация» (термин С. Г. Бочарова [Бочаров: 349]): эфирный тракт становится для героев не только метафорой дороги к новой счастливой жизни [Ильюшик: 113], но и реальным руслом, с помощью которого можно либо «вскормить» электроны, как живые существа,

¹ Свое отношение к фантастическому, как к «возможному невозможно», А. Платонов высказал в одном из писем жене 1922 г.: «Надо любить ту вселенную, которая может быть, а не ту, которая есть. Невозможное — невеста человечества, и к невозможному летят наши души... Невозможное — граница нашего мира с другим» (Платонов А. П. Живя главной жизнью. М., 1989. С. 383–384).

² В том же письме к жене Платонов писал: «Все научные теории, атомы, ионы, электроны, гипотезы, — всякие законы — вовсе не реальные вещи, а отношения человеческого организма ко вселенной в момент познающей деятельности...» (Там же. С. 384).

и искусственно вырастить их до любого размера, либо уничтожить, превратив тем самым неживое в живое и обратно. Такое же воздействие в будущем ученые хотят производить и на человеческое тело, преодолевая смерть. Речь идет не только и не столько о возможности совершать, например, реанимационные действия с помощью электрического тока, что является вполне полезным и реальным открытием, сколько о завоевании абсолютного бессмертия на земле, основывающегося на эсхатологических чаяниях ожидания конца света³.

Платонов обратился в повести к одной из важных тем своего творчества — борьбе человека со смертью и всеобщей энтропией. Впервые понятие «энтропия», как указывает С. Брель, ввел Рудольф Юлиус Клаузиус (1865 г.), а в «России учение об энтропии становится популярным после публикации статьи физика и биолога Ф. Ива (1923)» [Брель: 328]. Другой научный источник повести, по мнению С. Бреля, открытие Э. Резерфордом атомной структуры, которую ученый уподобил «солнечной системе: солнце — ядро, планеты — электроны» [Брель: 330]. Ответы писатель искал также в «философии активного жизнестроения Федорова и космологии и этике Циолковского» [Московская, 2016а: 484], в открытии Н. Теслы «беспроводной передачи энергии» и в его разработке «принципов дистанционного управления» [Матвеева, 2011: 515].

Для того чтобы облечь фантастический сюжет в реалистическую форму, Платонов прибегает к приему монтажа (см. об этом также: [Малыгина, 2005: 15], [Московская, 2016а: 478]), о котором впервые писал в статье «Фабрика литературы» (1926), и соединяет в единое целое различные документальные⁴

³ В книге «Апокалипсис в быту. Поэтика неостранения у Андрея Платонова» О. Меерсон пишет, что в произведениях писателя происходит «неостранение фантастического»: «Герои его книг либо объясняют в сверхъестественном то, что и так понятно <...>, либо игнорируют фантастичность фантастического». Это, по мнению исследовательницы, «наделяет фантастику в его произведениях правдоподобием в глазах читателя» [Меерсон: 89, 90].

⁴ Как указывает И. Матвеева, Платонов «взглядом инженера выхватывал из окружающей жизни, газет, журналов, книг самые передовые научные идеи и круто замешивал на них сюжеты своих произведений» [Матвеева, 2009: 336]. Платонов объединяет также некоторые свои очерки, рассказы; в повести упоминаются герои других произведений писателя и их открытия: так, кроме «Масла розы» и «Симфонии сознания», он «вмонтировал

и псевдодокументальные источники, подключаясь, таким образом, к эпической традиции. Платонов начинает повесть как исторический документ о племенах, которые некогда жили в «бассейнах рек Верхнего Дона, Оки, Цны и Польного Воронежа»⁵. Писатель использует этот прием еще раз ближе к середине повести — в описании погибшей цивилизации аюнитов и их научных трактатов, обнаруженных учеными на месте раскопок туннеля в процессе поисков эфирного тракта. Однако, по мнению Д. Московской, повесть начинается с «эпического диссонанса» — именно так звучит фраза: «Это неправда, что в этих равнинах и полулесных краях живет сплошной русский народ» (7). «В этот момент, — пишет Московская, — эпос уступает свои права "мифу" нового времени — этнологическому очерку. Легенда подвергается научной критике...» [Московская, 2016b: 60]. При этом персональная история главного героя повести Михаила Кирпичникова облечена в форму жития⁶ современного «святого» — сподвижника науки, которого нужно рассматривать в ряду других героев-пассионариев⁷ повести: с одной стороны, они передают главному герою свои черты и мечты, что дополняет его образ, с другой — показывают возможные полюса развития судьбы героя.

Первоначально мы видим Кирпичникова через проекцию жизни и образа мыслей его кумира, Фаддея Попова, который приблизился к открытию эфирного тракта. Для достижения своей цели и проведения опытов Попов приезжает в родной город Кирпичникова — Гробовск и останавливается в гостинице «Новый Афон» (10). Явное, на первый взгляд, противоречие в названиях не является антитезой, где жизни противопоставлена смерть. Перед нами амбивалентная бинарная оппозиция в повесть элементы своих рассказов «Лунные изыскания», «Сатана мысли» и «Антисексус» [Московская, 2016a: 478].

⁵ Платонов А. Эфирный тракт // Платонов А. Сочинения. Т. 2: 1926–1927. Повести, рассказы, сценарии, статьи. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 7. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

⁶ Так, О. А. Павлова считает, что «объективная манера повествования» у Платонова достигается за счет «стилизации героического и волшебного эпоса» и «житийной литературы» [Павлова, 2012: 27].

⁷ По мнению Е. Н. Проскуриной, в повести «Эфирный тракт» Платонов выводит образы героев «фаустианского типа» [Проскурина: 81].

«жизнь / смерть», которая в творчестве Платонова является приметой мифологического сознания, свойственного человеку новой эпохи. Герои Платонова мечтают построить рай на земле, в котором не будет места смерти, — не случайно Попов пишет книгу под названием «Сокрушение адова дна» (10). Как указывает Д. Московская, «в Новозаветной символике "сокрушение адова дна" означает Воскресение Христово, "Сокрушителем адова дна" являлся Христос, разрушивший царство смерти и вечной муки» [Московская, 2016а: 491]. Переустройство земного шара — главная мечта героев платоновской научно-фантастической прозы — зиждется на религиозно-мессианской идее преобразования мира социализмом.

В противоречие с фантастическими мечтами Попова вступают сама действительность и характер конечной цели. Герой живет в материально и душевно не обустроенном мире, рядом с тараканами и крысами, обращаясь к самому себе «сатана души моей» (11). Мечтая о «размножении железа» при помощи эфирного тракта («...дело техников теперь разводит железо, золото и уголь, как скотоводы разводят свиней» (13)), который будет поставлять питание в виде мертвых электронов живым, Попов вспоминает демографическую теорию Мальтуса о необходимости сокращения роста населения во избежание всемирного голода. Идеальный мир для Попова — это мир, полный живых электронов и мертвых людей (герой любит «русскую мертвую созерцательную природу» и «не особенно уважает людей» (14)). Каждое утро Попов просыпается с вопросом: «Люди не вымерли? Светопреставление еще не началось?» (12). Одергивает в таких случаях зарвавшихся ученых в произведениях Платонова робкий голос из народа, в данном случае старушки Захарьевны:

«Сидит-сидит, учится-учится, — переучится — и начнет ум за разуменье заходить!» (12).

Захарьевна немного переиначивает известный фразеологизм «ум за разум заходит»: вместо слова «разум», обозначающего высшую умственную деятельность человека, героиня использует слово «разуменье» как способность что-либо понимать вообще. Авторское отношение к происходящему проявляется и в использовании слов и понятий в несвойственном для них

значении⁸. Так, Попов приветствует «геометрическую и *гомерическую* прогрессию жизни» (12) (выделено нами. — М. З.). Таким образом, геометрической прогрессии жизни электронов, о которой мечтает герой, автор противопоставляет «гомерический смех», слышимый «за кадром».

Однако повествователь проговаривает и те идеи, которые близки самому писателю. В первую очередь, это мысль о трагическом несоответствии длительности природных процессов краткости человеческой жизни, что приводит к непостижимости природного мира: оказывается, электроны живут дольше, чем человек, а процессов в них больше, — именно это «обстоятельство делает природу в глазах человека мертвой» (17, 18). Спасти ситуацию может, по мнению и героя, и автора, наука:

«Наука объективно играет роль *морального* фактора: трагедию жизни она превращает в лирику, потому что сближает в *братстве* принципиального единства жизни такие существа, как человек и электрон» (18) (выделено нами. — М. З.).

Однако вскоре выясняется, что никакого «братства», как и морали, нет: электроны нужны человеку для того, чтобы их «эксплуатировать», поэтому требуется увеличить «интенсивность» их жизни, пусть и за счет уменьшения ее «продолжительности» (18–19). Для этой жестокой цели и необходим эфирный тракт: он станет ускорителем всех жизненных процессов в развитии электронов⁹. Данный физический процесс был бы вполне закономерным, научно объяснимым и оправданным (мы же не задумываемся, как идет ток по электрическим проводам), если бы не фантастическая составляющая в трактовке электронов как живых существ. Именно фантастика вскрывает безнравственность теории Попова, ведь эксплуатация — это насилие

⁸ Так, Е. В. Мануйлов замечает: «Некоторый элемент повествования, будь то описываемое событие, реплика или размышление одного из персонажей, на уровне функционирования языковых структур получает иное смысловое наполнение — форма построения высказывания, его потенциальный, подспудный смысл вдруг может опровергнуть само содержание высказывания, обнаружить в нем внутреннюю противоречивость» [Мануйлов: 114].

⁹ А. Фурукава делает акцент на том, что питание электрона эфиром, т. е. умершим телом электрона, «оказывается нарушением морального закона Федорова. Очевидно, что идея "общего дела" и эксплуатация "электрона" в "Эфирном тракте" несовместимы» [Фурукава: 207].

над природой, которое может привести и, в конечном итоге, приводит в повести к катастрофическим последствиям.

Как ни парадоксально, человеческими чертами Попов наделяется, решившись на самоубийство. Не открыв эфирного тракта, герой уходит из жизни, отомстив ей за ее равнодушие. Однако, жестокий к природе и к людям, Попов через смерть обнаруживает в себе «человеческое, слишком человеческое» (Ницше) — не случайно ГПУ сделало следующие выводы о причинах его самоубийства:

«...растрепанные нервы, декадентская душа, метафизическая философия, — все это жило в противоречии с научным гением Попова...» (21).

Попов убивает себя, приняв «розовый яд». Одним из вариантов названия повести было «Медом по яду» — Платонов снова прибегает к антитезе: изобретения ученых могут быть как лекарством (медом), так и ядом для человечества, одно истекает из другого, связано с ним, но при неправильном использовании лекарство может легко превратиться в смертельный яд. Указание на цвет или на состав в данном случае тоже важно, так как впоследствии будет озвучена еще одна мечта последователя Попова, Михаила Кирпичникова, — добывание «розового масла», дарующего человеческому телу бессмертие. Роза — центральный символ в христианской культуре, символ страданий Христа и его победы над смертью, символ воскресения. Небесный Иерусалим представлялся в образе розового сада [Павлова, 2005: 586]. Смерть Попова от розового яда — это своего рода конец мира в пределах земной человеческой жизни, ведь ученый не верил, несмотря на увлечение «метафизической философией», в возможность именно метафизического воскресения человека; его эсхатологические чаяния заканчивались здесь и сейчас.

Еще одним «полюсом», до которого может «дойти» Кирпичников в своем развитии и который служит предостережением герою, является образ инженера-агронома Матиссена, с его «теорией техники без машин, техники, где универсальным инструментом был сам человек» (28). Открытие Матиссена, научившегося с помощью мысли управлять сложными

механизмами и природными явлениями, в идеале должно было освободить человека от тяжелого физического труда, «мускульной работы» (33). Действие переносится на десять лет вперед после смерти Попова (идет примерно 1934 г.). Платонов вспомнит об этом в реальном 1934 г., когда будет работать над повестью «Ювенильное море» (1934), главный герой которой, инженер Вермо, тоже верит, что при коммунизме «механизмы вступят в труд и освободят людей для взаимного увлечения»¹⁰.

Однако открытие Матиссена приобретает чудовищные формы. Первым это замечает сам Кирпичников, которому лицо ученого кажется «омертвевшим» и которому вдруг становится «стыдно» за его открытие, как «убийце, даже тогда, когда убийство совершено в интересах целого мира»: Кирпичников почувствовал, что Матиссен «явно насильствовал природу» (33). В глазах и автора, и героя Матиссен — преступник:

«И преступление было в том, что ни сам Матиссен, ни все человечество еще не представляли из себя драгоценностей дороже природы. Напротив, природа все еще была глубже, больше, мудрее и разноцветней всех человеков» (33).

Именно Матиссен становится причиной гибели Кирпичникова: почувствовав себя безнаказанным, он силой мысли вызывает природные явления, которые приводят к катастрофам и уничтожению сотен людей. Матиссен, как и Попов, также заканчивает жизнь самоубийством: его мозг, уставший от злости и тоски, уничтожил сам себя, предварительно чуть не уничтожив всю вселенную. Описывая преступления Матиссена, Платонов не только задается вопросом об этической составляющей того или иного открытия и об ответственности ученого, но и высказывает опасение, что научные открытия могут попасть не в те руки и будут служить не добру, а злу. Именно к такому выводу приходит Михаил Кирпичников, когда незадолго до гибели едет в Америку.

Казалось бы, причин для такой поездки нет, в родной стране случились реальные перемены: если раньше «шел век социализма и индустриализации, шло страшное напряжение всех материальных сил общества, а благоденствие откладывалось

¹⁰ Платонов А. Ювенильное море // Платонов А. Сочинения. Т. 4: 1928–1932. Кн. 1: Повести. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 215.

на завтра» (23), то теперь мир изменился. В деревне появились добротные дома из кирпича, черепицы, железа:

«Народ заметно потолстел и подобрел характером. История стала практическим применением диалектического материализма» (30).

Однако воплощенная утопия вдруг начинает граничить с эсхатологией, которая разрушает этот идиллический мир предчувствием скорого конца:

«Дни сияли так мирно и счастливо, как будто они были утром тысячелетнего блаженства человечества» (31); «Русское овражистое поле в шесть часов октябрьского утра — это апокалипсическое явление, кто читал древнюю книгу — Апокалипсис» (45).

Согласимся с Н. П. Хрящевой, что цивилизация, которая пытается «разумно управлять таинственными глубинами бытия — метафизическими по своей сути — неизбежно ввергает себя в эсхатологию» [Хрящева: 52]¹¹.

Платонов мотивирует поездку Кирпичникова в Америку — своеобразную «Мекку» научно-технического прогресса — тем, что герой никак не может открыть эфирный тракт, его приборы «молчали», а сам он «затосковал» (43). Согласимся, что «образ инженера, ставшего странником, означает бессмысленность научных знаний, лишенных любящего сердца» [Йосихара: 203]. Герой оставляет жену и детей и едет не только за эфирным трактом, позволяющим выращивать железо и другие металлы, включая золото, но и за «розовым маслом», дарующим бессмертие (47–49). По дороге Кирпичников встречает еще одного странника — старца Феодосия, который 18 лет провел в поисках праведной земли. Конечная цель у обоих героев одинакова: найти мужицкое счастье на земле, обрести земной рай. Не найдя его на Афоне, Феодосий мечтает дойти до Месопотамии, где, говорят, «есть остатки рая» (46). Но если Кирпичников связывает мужицкое счастье с достатком и бессмертием, которые могут дать

¹¹ М. Хейдари тоже приходит к выводу, что в повести «Эфирный тракт» «утопические мотивы соединены с эсхатологическими», но это, по мнению исследователя, наоборот, является положительным моментом: «В "настоящем" времени успехи социалистического строительства, преобразования природы предстают с идеальной утопической стороны. Но одновременно они задают позитивную эсхатологическую проекцию, соотносенную с установлением Благодати в конце времен согласно христианской доктрине» [Хейдари, 2016: 1507].

эфирный тракт и масло розы из розового сада (47), то Феодосий ищет Божественную истину: «Оставь, Михаил, мне нужна была истина, а не чужеродные харчи» (46). Именно Феодосий одергивает замечтавшегося Кирпичникова и возвращает его на реальную землю:

«Ну, ступай, чудотворец, поглядим-подышим. Много тогда расады, должно, потребуется! Скорей только ворочайся и в морях не утопни!» (47).

Феодосий не только реалистично смотрит на трудность выращивания такого огромного количества роз, но и предсказывает смерть Кирпичникова, отчего всего его слова, сказанные до этого, приобретают значение правды-истины. Именно такие второстепенные персонажи нередко становятся у Платонова выразителями авторской точки зрения.

В Америке Кирпичников начинает понимать, что научно-технический прогресс может привести к регрессу человека как умного и душевного существа. Он живет в небольшом американском городке, где все продумано: есть свет, газ и вода. Однако Кирпичников с большим сожалением замечает, что главной для американцев становится «пища» и «наоборот», т. е. процесс пищеварения (51), а сами они «по развитию мозга» напоминают «двенадцатилетних мальчиков» (52):

«Кругом жили глупые люди: работа, еда, сон, ежевечернее развлечение, абсолютная вера в бога и в мировое первенство своего народа!» (52).

Мечта Кирпичникова, как и многих других героев-пассионариев у Платонова, — «дать всем хлеб в рот, счастье в грудь и мудрость в мозг» (23) (в повести 1930–1931 гг. «Хлеб и чтение» писатель будет рассуждать об этом более подробно). Но в Америке герой видит, что техническая беззаботность ведет человека не к мудрости, а к душевной пассивности, низводит его жизнь до физиологического процесса переваривания пищи. Наука губительна, когда служит не истине, а инстинкту потребления или каким-либо другим сугубо утилитарным целям:

«...и жаль было, что великолепные плоды земли превращались, в конечном счете, в темную глупость и бессмысленное наслаждение человека» (52).

Как предостережение звучит и история открытой в тундре цивилизации Аюны¹². Переведенные трактаты аюнитов не только свидетельствуют о том, что эфирным трактатом интересовались в далеком прошлом и практически открыли его, но и о том, что все те открытия, к которым стремится главный герой, уже сгубили не одну цивилизацию. Утопия уже воплощалась в прошлом. И если сначала история Аюны воспринимается как «легенда», то «в финале она начинает звучать как притча», которая рождается на стыке утопии и реальности [Хрящева: 51–52]. Можно добавить, что фантастическая история Аюны, построенная на идее «вечного возвращения» и зашедшая таким образом в тупик, отражает мифологическое сознание героя и одновременно проявляет авторскую оценку происходящих событий, которая выражается не прямо, а «имплицитно, посредством актуализации мифологической семантики мотивов» [Ярошенко: 126]. Ведь любая история, будь то персональная или мировая, должна развиваться линейно.

Под влиянием христианства на смену представлению о цикличности времени приходят представления об истории, имеющей начало и конец. «Христианская точка зрения на доктрину» о «вечном возвращении» была выражена, по мнению С. Аверинцева, Августином Блаженным, который считал, что человека «по кругу водит бес; устрояемая Богом "священная история" идет по прямой линии. Она идет так потому, что у нее есть цель» [Аверинцев: 93]. Как указывает Н. О. Ласкина, циклическое время характерно для мифа, а линейное время связано с прогрессом (или регрессом), а также с эсхатологией [Ласкина: 123]. В повести «Эфирный тракт» попытки героев вырваться за пределы замкнутого круга своих возможностей не приводят к результату: если Михаил Кирпичников в поисках эфирного тракта попал в тупик, то его сын Егор после смерти отца только на первый взгляд добивается прогресса, — а на самом деле усугубляет проблему. Например, инженер Попов и Михаил

¹² Так, О. А. Павлова находит в истории Аюны антиутопический дискурс [Павлова, 2005].

Кирпичников лишь предполагали, что электроны — живые существа; Егор же живет в то время, когда «область электронов уже твердо определилась как микробиологическая дисциплина» (70), а значит, на электроны теперь распространяются нравственные законы человеческого общества.

Кроме того, Егор отказывается видеть в текстах аюнитов предостережения и предсказания, он считает, что эти тексты просто неправильно переведены. Ему удается добиться того, о чем мечтал его отец: с помощью электромагнитного поля выращивать одни более жизнеспособные электроны за счет других, которые погибают (72). В итоге это привело к безнравственному поведению электронов, которые, как люди, начали конкурировать друг с другом под энергией солнца (73). Егор ошибочно считал, что «благодаря постоянному снабжению земного шара эфиром, текущим из солнца, земля в целом постоянно увеличивается в своих размерах и в удельном весе своего вещества. Это обеспечивает прогресс человечества и подводит физический базис под исторический оптимизм» (74). Горькой иронии автора не заметить здесь, конечно, невозможно. Дошел Егор и до полного уничтожения «сокровенной природы вещества» (73), превратив, таким образом, борьбу с энтропией в аннигиляцию. Скорее всего, именно в результате аннигиляции и по ее законам появился ужасный огромный монстр — наполовину человек, наполовину электрон, выращенный в лабораторных условиях. Однако об ответственности, которую должно нести человечество за это живое теперь и «голодное» (80–81) существо в повести не говорится ни слова — никто об этом даже не задумывается. Зато полному уничтожению подвергаются сами герои. Тот факт, что и отец, и сын утонули в океане и их тел так и не нашли, а также появившийся Дом воспоминаний, где хранятся пустые урны с мемориальными досками, посвященными другим ученым платоновских фантастических произведений (Вогулов, Крейцкопф), свидетельствуют, что никаких иллюзий по поводу достижения возможного научного бессмертия на земле писатель уже не питал.

Образ океана играет в повести важную роль. По указанию Е. М. Мелетинского, «исходные космогонические концепции во всех древних мифологиях соответствуют глобальным представлениям о первичности мирового океана» [Мелетинский: 74].

Таким образом, дополняет Е. М. Неёлов, «возникает первое мифологическое тождество: океан — это мир, Вселенная» [Неёлов: 72]. В повести «Эфирный тракт» именно «вид океана» лишний раз убеждает Михаила Кирпичникова «в необходимости достигнуть богатой жизни и отыскать эфирный тракт» (49). Когда же отец и сын Кирпичниковы начинают работать против «сокровенной» природы, которую, по их мнению, можно и нужно эксплуатировать или уничтожить, Вселенная в образе Океана наказывает героев за утилитарное и высокомерное к себе отношение. Но есть и положительный посыл научного эксперимента в «Эфирном тракте», который заключается, по мнению М. Геллера, в идее единства всего живого и неживого на земле [Геллер М.: 70].

В эссе «Душа человека при социализме» О. Уайльд писал, что «прогресс — это реализация утопий»¹³, — то, что сегодня кажется утопичным и фантастичным, вполне может быть реализовано в будущем. Конечно, у каждой утопии, как и у любого «донаучного и научного» знания, есть свой «горизонт ожидания»¹⁴, «включающий в себя предвидение», которое «является важнейшим двигателем науки, способствует расширению нашего знания о мире» [Шелудченко: 105]. Платоновские герои отодвигают этот «горизонт ожидания» слишком далеко и не видят границы между тем, где заканчивается наука и начинается фантастика, где заканчивается фантастика и начинается эсхатология. Но это видит автор, поэтому фантастика и реальность, миф и эсхатология в поэтике платоновской повести обретают новые связи: фантастика разрушает не только утопию, но и миф. Однако на место мифологическому сознанию, способному хоть как-то объяснить те или иные явления, приходят бесплодные эсхатологические чаяния. Конечно, надежды, которые связывал сам молодой Платонов с электрификацией, тоже были не столько технические, сколько метафизические: «...электрический свет и электрический двигатель не только дадут нам вечный день и хлеб, но дадут

¹³ Уайльд О. Душа человека при социализме [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2008/01/08/25> (10.08.2022).

¹⁴ Поппер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход / отв. ред. В. Н. Садовский; пер. с англ. Д. Г. Лахути. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 323.

и новую человеческую товарищескую душу»¹⁵. Но в повести «Эфирный тракт» этого, увы, не происходит. Оказывается, несмотря на успехи науки, человек все равно еще слишком мало знает о себе и мире и не достиг того уровня нравственного совершенства, чтобы быть достойным своих открытий.

По мнению В. Н. Захарова, «в трактовке фантастических сюжетов важно не только то, как автор объясняет фантастику, но прежде всего то, что происходит в произведении, как фантастическое выявляет сущность происходящего, выражает тайны бытия» [Захаров, 2016: 20]. В повести «Эфирный тракт» фантастическое, становясь элементом поэтики, оттеняет особенности научного и одновременно мифологического сознания героев, а сталкиваясь с реальностью, — обнажает эсхатологическую направленность произведения Платонова. В основе жанровой структуры повести, таким образом, лежит сложный синтез фантастики и реальности, который подключает в жанровом подтексте мифологические и эсхатологические архетипы и в целом раскрывает авторскую позицию в тексте. Автор, а следом за ним и читатель, приходят к выводу, что тайны мироздания всецело не поддаются науке и изучению. Несмотря на открытия, платоновский герой по-прежнему остается одиноким, несчастным и смертным, а природа — «сокровенной» и непознаваемой.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы / отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1977. 320 с.
2. Анненский И. О формах фантастического у Гоголя // Анненский И. Книги отражений / изд. подгот. Н. Т. Ашимбаева, И. И. Подольская, А. В. Федоров. М.: Наука, 1979. С. 207–216. (Сер.: Литературные памятники.)
3. Блох Э. Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление: антология зарубеж. лит. / перев. с разн. яз.; сост. В. А. Чаликова. М.: Прогресс, 1991. С. 49–78.
4. Бочаров С. Г. «Вещество существования». Мир Андрея Платонова // Бочаров С. Г. Вещество существования: филологические этюды. М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2014. С. 341–386.

¹⁵ Платонов А. Свет и социализм // Платонов А. Сочинения. Т. 1. Кн. 2: статьи. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 159.

5. Брель С. Эстетика Платонова в контексте представлений об энтропии // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Вып. 5. С. 328–333.
6. Бритиков А. Ф. Проблемы изучения научной фантастики // Русская литература. 1980. № 1. С. 193–202.
7. Вороная С. А. Образ ученого в повести А. Платонова «Эфирный тракт» // Национальная ассоциация ученых. 2017. № 6 (33). С. 58–60.
8. Геллер Л. Вселенная за пределом догмы. Размышления о советской фантастике. London: Overseas Publications Interchange, 1985. 445 с.
9. Геллер М. Андрей Платонов в поисках счастья. М.: МИК, 2000. 432 с.
10. Долгина Е. С. Проблема дефиниций «утопия» и «научная фантастика» в историческом дискурсе // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 6 (37). С. 32–33.
11. Заваркина М. В. Фантастический мир Андрея Платонова // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. Вып. 4: Поэтика фантастического. С. 198–210 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482760889.pdf (10.08.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2016.3768
12. Захаров В. Н. Система жанров Достоевского: типология и поэтика. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. 208 с.
13. Захаров В. Н. Условность и фантастика (взаимоотношение категорий) // Жанр и композиция литературного произведения: межвуз. сб. Петрозаводск: ПГУ, 1986. С. 47–54.
14. Захаров В. Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М.: Индрик, 2012. 264 с.
15. Захаров В. Н. Фантастическое: аксиомы, парадоксы, проблемы // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. Вып. 4: Поэтика фантастического. С. 7–26 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482751637.pdf (10.08.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2016.4021
16. Захарова О. В. Из истории изучения фантастики в русской критике и литературоведении 1820–1970-х годов // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. Вып. 4: Поэтика фантастического. С. 100–117 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482755842.pdf (10.08.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2016.3922
17. Ильюшик В. Время и пространство в повести Андрея Платонова «Эфирный тракт» // Русская филология. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2004. № 15. С. 111–114.
18. Йосихара М. Об отношении между странником и инженером в повестях «Эфирный тракт» и «Котлован» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: Наследие, 1995. Вып. 2. С. 198–206.
19. Кагарлицкий Ю. И. Что такое фантастика? М.: Худож. лит., 1974. 352 с.
20. Коваленко В. Трикстеры и демиурги у Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: Наследие, 1995. Вып. 2. С. 126–133.

21. Ковтун Е. Н. Поэтика необычайного: художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (на материале европейской литературы первой половины XX века). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 307 с.
22. Корниенко Н. В. История текста и биография А. П. Платонова (1926–1946) // Здесь и теперь. 1993. № 1. 320 с.
23. Корниенко Н. В. «Болдинская осень» А. Платонова: Тамбов в жизни и творчестве писателя // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 5 (145). С. 35–44 [Электронный ресурс]. URL: <http://journals.tsutmb.ru/go/1810-0201/2015/5/35-44/> (10.08.2022).
24. Ласки М. Утопия и революция // Утопия и утопическое мышление: антология зарубеж. лит. / перев. с разн. яз.; сост. В. А. Чаликова. М.: Прогресс, 1991. С. 170–209.
25. Ласкина Н. О. Категория времени в повести Андрея Платонова «Эфирный тракт» // Национальный гений и пути русской культуры: Пушкин, Платонов, Набоков в конце XX века. Омск, 1999. Вып. 1. С. 121–129.
26. Малыгина Н. М. Художественный мир Андрея Платонова. М.: МПУ, 1995. 96 с.
27. Малыгина Н. М. Андрей Платонов: поэтика «возвращения». М.: Теис, 2005. 334 с.
28. Мамонтова Е. М. Фантастика в художественной прозе Андрея Платонова 20-х — 40-х годов XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 1997. 214 с.
29. Мануйлов Е. В. Реконструирование мира как авторская позиция в произведениях Платонова // Национальный гений и пути русской культуры: Пушкин, Платонов, Набоков в конце XX века. Омск, 1999. Вып. 1. С. 114–121.
30. Матвеева И. Источники сюжета повести А. Платонова «Эфирный тракт» // Текстологический временник: русская литература XX века: вопросы текстологии и источниковедения. М., 2009. С. 336–344.
31. Матвеева И. И. Комментарии // Платонов А. Эфирный тракт: повести 1920-х — начала 1930-х годов. М.: Время, 2011. С. 515–525.
32. Медведев П. Н. Собр. соч.: в 2 т. / изд. подгот. Ю. П. Медведев и Д. А. Медведева; отв. ред. Б. Ф. Егоров. М.: Росток, 2018. Т. 2: Поэтика и психология творчества. 928 с.
33. Меерсон О. Неостранение фантастического // Меерсон О. Апокалипсис в быту. Поэтика неостранения у Андрея Платонова. М.: Гранат, 2016. С. 88–128.
34. Мелетинский Е. М. Мифы древнего мира в сравнительном освещении // Типология и взаимодействие литератур древнего мира. М.: Наука, 1971. С. 68–133.
35. Московская Д. С. Комментарии // Платонов А. Сочинения. Т. 2: 1926–1927. Повести, рассказы, сценарии, статьи. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 472–506. (а)
36. Московская Д. Реальные источники повести А. П. Платонова «Эфирный тракт» // Русская словесность. 2016. № 3. С. 58–62. (б)
37. Неёлов Е. М. Волшебство-сказочные корни научной фантастики. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1986. 200 с.

38. Павлова О. А. Научно-фантастическая повесть А. П. Платонова «Эфирный тракт»: формирование антиутопического дискурса // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: материалы Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 24–27 апреля 2005 г. Волгоград, 2005. С. 584–589.
39. Павлова О. А. Синтез мифа и научной фантастики в «Рассказе о многих интересных вещах» А. Платонова // Изменяющаяся Россия — изменяющаяся литература: художественный опыт XX — начала XXI веков: сб. науч. тр. Саратов: Наука, 2008. Вып. 2. С. 160–164.
40. Павлова О. А. Синтез метажанров научной фантастики, жития и героического эпоса в структуре утопических рассказов А. Платонова первой половины 1920-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2012. Вып. 11. С. 25–35 [Электронный ресурс]. URL: <https://readera.org/sintez-metazhanrov-nauchnoj-fantastiki-zhitija-i-geroicheskogo-jeposa-v-14975239> (10.08.2022).
41. Проскурина Е. Н. Фаустиана Андрея Платонова (на материале прозы 1920–1930-х годов). М.: Новый хронограф, 2015. 352 с.
42. Ревич В. А. Перекресток утопий: судьбы фантастики на фоне судеб страны. М.: ИВ РАН, 1998. 351 с.
43. Степанова К. П. Фантастика А. Платонова: к проблеме соотношения жанра и метода // Проблема взаимодействия метода, стиля и жанра в литературе: тезисы докладов. Свердловск, 1989. Ч. 2. С. 55–58.
44. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 144 с.
45. Толстая-Сегал Е. Идеологические контексты Платонова // Андрей Платонов: мир творчества. М.: Современный писатель, 1994. С. 47–83.
46. Фурукава А. От «Эфирного тракта» к «Джану»: трансформация темы взаимоотношений человека и природы в произведениях Платонова 1920–1930-х гг. // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Вып. 8. С. 204–209.
47. Хейдари М. Картины научных изысканий в повести А. П. Платонова «Эфирный тракт»: динамика утопических и эсхатологических мотивов // Молодой ученый. 2016. № 10 (114). Ч. 15. С. 1507–1509 [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/114/29658/> (10.08.2022).
48. Хейдари М. Тип инженера-преобразователя в двух научно-фантастических произведениях 20-х гг. XX в.: «Эфирный тракт» и «Гиперболоид инженера Гарина» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12. № 12. С. 39–43 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2019/12/7.html> (10.08.2022).
49. Хрящева Н. П. О жанровой природе повести А. Платонова «Эфирный тракт» // Русская литература XX века: направления и течения. Екатеринбург: УрГПУ, 2000. Вып. 5. С. 34–52.
50. Шелудченко Д. А. Утопия и эсхатология: два типа философского предвидения // Известия Томского политехнического университета. 2013.

- T. 322. № 6. С. 104–109 [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestiya.tpu.ru/archive/article/view/1010> (10.08.2022).
51. Шестаков В. П. Утопия и эсхатология (очерки русской философии и культуры). М.: Владос, 1995. 208 с.
52. Яблоков Е. А. О типологии персонажей А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 1994. С. 194–203.
53. Ярошенко Л. Я. Бинарные оппозиции в прозе А. Платонова (на материале повести «Эфирный тракт») // Осуществленная возможность: Андрей Платонов и XX век. Воронеж, 2001. С. 122–126.

References

1. Averintsev S. *Poetika rannevizantiyskoy literatury* [*The Poetics of Early Byzantine Literature*]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 320 p. (In Russ.)
2. Annenskiy I. On the Forms of the Fantastic by Gogol. In: *Annenskiy I. Knigi otrazheniy* [*Annenskiy I. Books of Reflections*]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 207–216. (Ser.: Literary Monuments.) (In Russ.)
3. Blokh E. The Principle of Hope. In: *Utopiya i utopicheskoe myshlenie* [*Utopia and Utopian Thinking*]. Moscow, Progress Publ., 1991, pp. 49–78. (In Russ.)
4. Bocharov S. G. “The Substance of Existence”. The World of Andrey Platonov. In: *Bocharov S. G. Veshchestvo sushhestvovanya: filologicheskie etudy* [*Substance of Existence: Philological Etudes*]. Moscow, Russkiy mir: Zhizn' i mys' Publ., 2014, pp. 341–386. (In Russ.)
5. Brel' S. Aesthetics of Platonov in the Context of Ideas About Entropy. In: “*Strana filosofov*” *Andreya Platonova: problemy tvorchestva* [*“Country of Philosophers” by Andrei Platonov: The Problems of Creative Work*]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2003, issue 5, pp. 328–333. (In Russ.)
6. Britikov A. F. Problems of Studying Science Fiction. In: *Russian Literature*. 1980, no. 1, pp. 193–202.
7. Voronaya S. A. The Image of a Scientist in A. Platonov’s Short Novel “The Ethereal Tract”. In: *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh* [*The National Association of Scientists*], 2017, no. 6 (33), pp. 58–60. (In Russ.)
8. Geller L. *Vselennaya za predelom dogmy. Razmyshleniya o sovetskoj fantastike* [*The Universe Is Beyond Dogma. Reflections on Soviet Science Fiction*]. London, Overseas Publications Interchange Publ., 1985. 445 p. (In Russ.)
9. Geller M. Ya. *Andrey Platonov v poiskakh schast'ya* [*Andrey Platonov in Search of Happiness*]. Moscow, MIK Publ., 2000. 432 p. (In Russ.)
10. Dolgina E. S. Problem Definition of “Utopia” and “Science Fiction” in the Historical Discourse. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [*The World of Science, Culture and Education*], 2012, no. 6 (37), pp. 32–33. (In Russ.)
11. Zavarkina M. V. The Fantastic World of Andrei Platonov. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2016, issue 4, pp. 198–210. Available at: <https://>

- poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482760889.pdf (accessed on August 10, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2016.3768 (In Russ.)
12. Zakharov V. N. *Sistema zhanrov Dostoevskogo: tipologiya i poetika* [*The System of Genres of Dostoevsky: Typology and Poetics*]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1985. 208 p. (In Russ.)
 13. Zakharov V. N. Conventionalism and Science Fiction (the Interrelation of the Categories). In: *Zhanr i kompozitsiya literaturnogo proizvedeniya* [*Genre and Composition of a Literary Work*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1986, pp. 47–54. (In Russ.)
 14. Zakharov V. N. *Problemy istoricheskoy poetiki. Etnologicheskie aspekty* [*The Problems of Historical Poetics. Ethnological Aspects*]. Moscow, Indrik Publ., 2012. 264 p. (In Russ.)
 15. Zakharov V. N. About the Fantastic: Axioms, Paradoxes, Problems. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2016, issue 4, pp. 7–26. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482751637.pdf (accessed on August 10, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2016.4021 (In Russ.)
 16. Zakharova O. V. From the History of Research on the Fantastika in the Russian Criticism and Literary Studies of the 1820s–1970s. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2016, issue 4, pp. 100–117. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482755842.pdf (accessed on August 10, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2016.3922 (In Russ.)
 17. Il'yushik V. Time and Space in Andrey Platonov's Short Novel "The Ethereal Tract". In: *Russkaya filologiya* [*Russian Philology*]. Tartu, Tartu Ulikooli Kirjastus Publ., 2004, no. 15, pp. 111–114. (In Russ.)
 18. Yosikhara M. About the Relationship Between the Wanderer and the Engineer in the Short Novels "The Ethereal Tract" and "The Foundation Pit". In: *"Strana filosofov" Andrey Platonov: problemy tvorchestva* [*"Country of Philosophers" by Andrei Platonov: The Problems of Creative Work*]. Moscow, Nasledie Publ., 1995, issue 2, pp. 198–206. (In Russ.)
 19. Kagarlitskiy Yu. I. *Chto takoe fantastika?* [*What Is Science Fiction?*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1974. 352 p. (In Russ.)
 20. Kovalenko V. Tricksters and Demiurges in Platonov. In: *"Strana filosofov" Andrey Platonov: problemy tvorchestva* [*"Country of Philosophers" by Andrei Platonov: The Problems of Creative Work*]. Moscow, Nasledie Publ., 1995, issue 2, pp. 126–133. (In Russ.)
 21. Kovtun E. N. *Poetika neobychaynogo: khudozhestvennye miry fantastiki, volshebnoy skazki, utopii, pritchi i mifa (na materiale evropeyskoy literatury pervoy poloviny XX veka)* [*Poetics of the Extraordinary: Artistic Worlds of Science Fiction, Fairy Tale, Utopia, Parable and Myth (Based on the Material of European Literature of the First Half of the 20th Century)*]. Moscow, Moscow State University Publ., 1999. 307 p. (In Russ.)
 22. Kornienko N. V. History of the Text and the Biography of A. P. Platonov (1926–1946). In: *Zdes' i teper'* [*Here and Now*], 1993, no. 1. 320 p. (In Russ.)

23. Kornienko N. V. “Boldino Spring” of A. Platonov: Tambov in Life and Works of the Writer. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2015, no. 5 (145), pp. 35–44. Available at: <http://journals.tsutmb.ru/go/1810-0201/2015/5/35-44/> (accessed on August 10, 2022). (In Russ.)
24. Laski M. Utopia and Revolution. In: *Utopiya i utopicheskoe myshlenie: antologiya zarubezhnoy literatury* [Utopia and Utopian Thinking: Anthology of Foreign Literature]. Moscow, Progress Publ., 1991, pp. 170–209. (In Russ.)
25. Laskina N. O. The Category of Time in A. Platonov’s Short Novel “The Ethereal Tract”. In: *Natsional’nyy geniy i puti russkoy kul’tury: Pushkin, Platonov, Nabokov v kontse XX veka* [National Genius and the Ways of Russian Culture: Pushkin, Platonov, Nabokov at the End of the 20th Century]. Omsk, 1999, issue 1, pp. 121–129. (In Russ.)
26. Malygina N. M. *Khudozhestvennyy mir A. Platonova* [The Artistic World of A. Platonov]. Moscow, Moscow Polytechnic University Publ., 1995. 96 p. (In Russ.)
27. Malygina N. M. *Andrey Platonov: poetika “vozvrashcheniya”* [Andrei Platonov: The Poetics of “Return”]. Moscow, TEIS Publ., 2005. 334 p. (In Russ.)
28. Mamontova E. M. *Fantastika v khudozhestvennoy proze Andrey Platonova 20-kh — 40-kh godov 20 veka: dis. ... kand. filol. nauk* [Fiction in the Artistic Prose of Andrei Platonov in the 20s–40s of the 20th Century. PhD. philol. sci. diss.]. Moscow, 1997. 214 p. (In Russ.)
29. Manuylov E. V. Reconstruction of the World as an Author’s Position in the Works of Platonov. In: *Natsional’nyy geniy i puti russkoy kul’tury: Pushkin, Platonov, Nabokov v kontse XX veka* [National Genius and the Ways of Russian Culture: Pushkin, Platonov, Nabokov at the End of the 20th Century]. Omsk, 1999, issue 1, pp. 114–121. (In Russ.)
30. Matveeva I. Sources of the Plot of A. Platonov’s Short Novel “The Ethereal Tract”. In: *Tekstologicheskiy vremennik: russkaya literatura XX veka: voprosy tekstologii i istochnikovedeniya* [Textological Chronicles: Russian Literature of the 20th Century: Issues of Textual and Source Studies]. Moscow, 2009, pp. 336–344. (In Russ.)
31. Matveeva I. I. Comments. In: *Platonov A. Efirnyy trakt: povesti 1920-kh — nachala 1930-kh godov* [Platonov A. Ethereal Tract: Short Novels of the 1920s — Early 1930s]. Moscow, Vremya Publ., 2011, pp. 515–525. (In Russ.)
32. Medvedev P. N. *Sobranie sochineniy: v 2 tomakh* [Collected Works: in 2 Vols]. Moscow, Rostok Publ., 2018, vol. 2. 928 p. (In Russ.)
33. Meerson O. Non-Estrangement of Fantastic. In: *Meerson O. Apokalipsis v bytu. Poetika neostraneniya u Andrey Platonova* [The Apocalypse in Everyday Life. The Poetics of Non-Estrangement in Andrei Platonov]. Moscow, Granat Publ., 2016, pp. 88–128.
34. Meletinskiy E. M. Myths of the Ancient World in Comparative Coverage. In: *Tipologiya i vzaimodeystvie literatur drevnego mira* [Typology and Interaction of Ancient World Literatures]. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 68–133.

35. Moskovskaya D. Comments. In: *Platonov A. Sochineniya [Platonov A. Writings]*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016, vol. 2, pp. 472–506. (In Russ.) (a)
36. Moskovskaya D. Real Sources of A. P. Platonov's Short Novel "The Ethereal Tract". In: *Russkaya slovesnost'*, 2016, no. 3, pp. 58–62. (In Russ.) (b)
37. Neyolov E. M. *Volshebno-skazochnye korni nauchnoy fantastiki [The Magical Fairy Tale Roots of Science Fiction]*. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1986. 200 p. (In Russ.)
38. Pavlova O. A. The Science Fiction Short Novel by A. P. Platonov "The Ethereal Tract": the Formation of a Dystopian Discourse. In: *Russkaya slovesnost' v kontekste sovremennykh integratsionnykh protsessov: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, g. Volgograd, 24–27 aprelya 2005 g. [Russian Literature in the Context of Modern Integration Processes: Proceedings of the International Scientific Conference, Volgograd, April 24–27, 2005]*. Volgograd, 2005, pp. 584–589. (In Russ.)
39. Pavlova O. A. The Synthesis of Myth and Science Fiction in "The Story of Many Interesting Things" by A. Platonov. In: *Izmenyayushchayasya Rossiya — izmenyayushchayasya literatura: khudozhestvennyy opyt XX — nachala XXI vekov [A Changing Russia — Changing Literature: Artistic Experience of the 20th and the Early 21st Centuries]*. Saratov, Nauka Publ., 2008, issue 2, pp. 160–164. (In Russ.)
40. Pavlova O. A. Metagenres's Synthesis of Science Fiction, the Life and Heroic Epos in the Structure of the Platonov's Utopian Stories of the First Half of the 1920s. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo univesriteta. Seriya 8: Literaturovedenie. Zhurnalistika [Science Journal of VolSU. Literary Criticism. Journalism]*, 2012, issue 11, pp. 25–35. Available at: <https://readera.org/sintez-metazhanrov-nauchnoj-fantastiki-zhitija-i-geroicheskogo-jeposa-v-14975239> (accessed on August 10, 2022). (In Russ.)
41. Proskurina E. N. *Faustiana Andreya Platonova (na materiale prozy 1920–1930-kh godov) [Andrei Platonov's Faustiana (on the Material of the Prose of the 1920s–1930s)]*. Moscow, Novyy khronograf Publ., 2015. 352 p. (In Russ.)
42. Revich V. A. *Perekrestok utopiy: sud'by fantastiki na fone sudeb strany [Crossroads of Utopias: the Fate of Science Fiction Against the Backdrop of the Fate of the Country]*. Moscow, The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 1998. 351 p. (In Russ.)
43. Stepanova K. P. Science Fiction by A. Platonov: to the Problem of Correlation Between Genre and Method. In: *Problema vzaimodeystviya metoda, stilya i zhanra v literature: tezisy dokladov [Problem of the Interaction of Method, Style and Genre in Literature: Abstracts]*. Sverdlovsk, 1989, part 2, pp. 55–58. (In Russ.)
44. Todorov Ts. *Vvedenie v fantasticheskuyu literaturu [Introduction to Fantasy Literature]*. Moscow, Dom intellektual'noy knigi Publ., 1999. 144 p. (In Russ.)
45. Tolstaya-Segal E. Ideological Contexts of Platonov. In: *Andrey Platonov: mir tvorchestva [Andrey Platonov: the World of Works]*. Moscow, Sovremennyy pisatel' Publ., 1994, pp. 47–83. (In Russ.)
46. Furukava A. From "The Ethereal Tract" to "Dzhan": Transformation of the Theme of the Relationship Between Man and Nature in Platonov's Works of

- the 1920s–1930s. In: “*Strana filosofov*” *Andreya Platonova: problemy tvorchestva* [“*Country of Philosophers*” by *Andrei Platonov: The Problems of Creative Work*]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017, issue 8, pp. 204–209. (In Russ.)
47. Kheydari M. Pictures of Scientific Research in A. P. Platonov’s Short Novel “The Ethereal Tract”: Dynamics of Utopian and Eschatological Motifs. In: *Molodoy uchenyy* [*Young Scientist*], 2016, no. 10 (114), part 15, pp. 1507–1509. Available at: <https://moluch.ru/archive/114/29658/> (accessed on August 10, 2022). (In Russ.)
48. Kheydari M. Type of Engineer-Reformer in Two Science Fiction Texts of the 1920s: “The Ethereal Tract” and “The Garin Death Ray”. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [*Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*]. Tambov, Gramota Publ., 2019, vol. 12, no. 12, pp. 39–43. Available at: <https://www.gramota.net/materials/2/2019/12/7.html> (accessed on August 10, 2022). (In Russ.)
49. Khryashcheva N. P. On the Genre Nature of A. Platonov’s Short Novel “The Ethereal Tract”. In: *Russkaya literaturny v XX veka: napravleniya i techeniya* [*Russian Literature of the 20th Century: Directions and Currents*]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2000, issue 5, pp. 34–52. (In Russ.)
50. Sheludchenko D. A. Utopia and Eschatology: Two Types of Philosophical Foresight. In: *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [*Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*], 2013, vol. 322, no. 6, pp. 104–109. Available at: <http://izvestiya.tpu.ru/archive/article/view/1010> (accessed on August 10, 2022). (In Russ.)
51. Shestakov V. P. *Utopiya i eskhatologiya (ocherki russkoy filosofii i kul'tury)* [*Utopia and Eschatology (Essays on Russian Philosophy and Culture)*]. Moscow, Vlado Publ., 1995. 208 p. (In Russ.)
52. Yablokov E. A. On the Typology of Platonov’s Characters. In: “*Strana filosofov*” *Andreya Platonova: problemy tvorchestva* [“*Country of Philosophers*” by *Andrei Platonov: The Problems of Creative Work*]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 1994, pp. 194–203. (In Russ.)
53. Yaroshenko L. V. Binary Oppositions in the Prose of A. Platonov (on the Material of the Short Novel “The Ethereal Tract”). In: *Osushchestvlenaya vozmozhnost': Andrey Platonov i XX vek* [*Realized Opportunity: Andrey Platonov and the 20th Century*]. Voronezh, 2001, pp. 122–126. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Заваркина Марина Владимировна, Marina V. Zavarkina, PhD (Philology), кандидат филологических наук, специалист Международного центра изучения Достоевского, Институт филологии, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7972-2265>; e-mail: mvnikulina@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 12.09.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 31.10.2022

Принята к публикации / Accepted 10.11.2022

Дата публикации / Date of publication 21.11.2022

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11602

EDN: WJTQCC

Рецепция агиографической традиции в рассказе А. Варламова «Звездочка»

А. В. Харитонова

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

(г. Калининград, Российская Федерация)

e-mail: anna_denisovaphij@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению агиографической традиции в рассказе А. Варламова «Звездочка». Установлена генетическая связь образа главной героини Лизы Непомилуевой с житийными образами на ценностном и структурном уровнях. Рассказ также связан с текстом поэмы Э. Багрицкого «Смерть пионерки», где в центре стоит противоположный мотив: отказ маленькой девочки надеть на смертном одре крест. Рассказ А. Варламова можно рассматривать как аксиологическую антитезу тексту Э. Багрицкого и, шире, идее нового, революционного типа героя, активно утверждаемого в советской литературе 1930-х гг. В рассматриваемом рассказе представлен иной тип литературного идеала, основанный на евангельских ценностях. Центральный образ первоклассницы Лизы Непомилуевой имеет характерные черты, присущие агиографическому герою, а художественное пространство рассказа, связанное с образом Лизы, включает в себя идею сакрального. Рисунок образа героини определяется доминантой кардионозиса, или, иначе, постижения мира сердцем. Категория кардионозиса не только помещает образ Лизы в пространство заповедей блаженства, но и является сюжетообразующей, определяющей всю архитектуру произведения. Авторское обращение к агиографии выявлено и в особом мотивном комплексе: мотивах страдания, креста и крестоношения, кроткого несения поругания, которые могут быть рассмотрены как аллюзия к мученическому житию. Таким образом, рецепция агиографической традиции в тексте А. Варламова позволяет говорить об идеальности образа главной героини, возводящей его к идее святости, и о принадлежности произведения национальной духовной традиции.

Ключевые слова: агиографическая традиция, современная русская проза, А. Варламов, рецепция, житийная топика, библейская аллюзия, кардионозис, христианская аксиология

Для цитирования: Харитонова А. В. Рецепция агиографической традиции в рассказе А. Варламова «Звездочка» // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 4. С. 252–271. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11602. EDN: WJTQCC

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11602

EDN: WJTQCC

Reception of the Hagiographic Tradition in A. Varlamov's Story "The Little Star"

Anna V. Kharitonova

*Immanuel Kant Baltic Federal University
(Kaliningrad, Russian Federation)*

e-mail: anna_denisovaphij@mail.ru

Abstract. The article is devoted to study of the hagiographic tradition in A. Varlamov's story "The Little Star." An inherent connection between the image of the main female character Liza Nepomilueva and hagiographic images at the value and structural levels is established. In addition, there is connection between the short story and the text of E. Bagritsky's poem "The Death of a Pioneer," where the opposite motive is at the core: the refusal of a little girl to wear a cross on her deathbed. A. Varlamov's story can be viewed as an axiological antithesis to E. Bagritsky's text and, more broadly, to the idea of a new and revolutionary type of hero actively established in Soviet literature of the 1930s. The story under consideration presents a different type of literary ideal based on evangelical values. The central image of the first grader Liza Nepomilueva has the characteristic features of a hagiographic hero, while the artistic space of the story associated with Liza's image encompasses the idea of the sacred. The pattern of the heroine's image is determined by the cardiognostic dominant, or, in other words, the comprehension of the world through the heart. The cardiognosis category not only places Liza's image in the space of the Beatitudes but is also plot-forming and determining the entire architectonics of the literary work. The author's appeal to hagiography is also revealed in a special complex of motifs: the motifs of suffering, the cross and cross-bearing, the meek bearing of reproach, which can be considered an allusion to the martyr life. Thereby, the reception of the hagiographic tradition in the text of A. Varlamov allows us to speak about the perfect nature of the main character's image, thereby elevating it to the idea of holiness, and about the belonging of the work to the national spiritual tradition.

Keywords: hagiographic tradition, Modern Russian prose, A. Varlamov, reception, hagiographical topic, biblical allusion, cardiognosis, Christian axiology

For citation: Kharitonova A. V. Reception of the Hagiographic Tradition in A. Varlamov's Story "The Little Star". In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2022, vol. 20, no. 4, pp. 252–271. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11602. EDN: WJTQCC (In Russ.)

.....

В одном из своих интервью А. Варламов, говоря о нравственном значении литературы, обратил внимание на существенную проблему: в отечественной словесности, несмотря на христианский контекст культуры, «образов христиан <...> до странности мало», почему-то «литература избегала <...> рассказывать о таких героях»¹. Отечественная литература, по мнению А. Варламова, «стеснялась прямо заявить о себе как о литературе христианской, православной, отстаивающей евангельские ценности открыто и недвусмысленно»². В этом смысле наше обращение к творчеству самого А. Варламова не случайно, ведь духовный посыл его произведений может служить примером обратного позиционирования, не «стесняющегося» говорить о христианских идеалах. Здесь мы найдем явно обозначенную авторскую позицию, выражающуюся, по словам прозаика, в его следовании «русской идее»³, а по мнению исследователей поэтики прозы писателя — в «доминанте христианского кода» [Федорова: 10] его творчества⁴. Г. Власова, анализируя современную русскую прозу с точки зрения христианской аксиологии, характеризует творческий метод Варламова как близкий «русской классической традиции и экзистенциальной религиозной проблематике» [Власова: 130]: «Как представитель экзистенциальной и онтологической прозы, как воцерковленный человек писатель часто обращается к таким темам, как рождение, крещение, воскресение, спасение, страдание, преображение,

¹ Гурболиков В. Первоначальное накопление опыта (интервью с Алексеем Варламовым) // Журнал Фома. 2008. 1 января [Электронный ресурс]. URL: <https://foma.ru/pervonachalnoe-nakoplenie-opyita.html> (10.08.2022).

² Там же.

³ «Мне дорога русская идея, но, во-первых, без любых попыток соединить ее с идеей коммунистической, без какой-либо "ностальгии по СССР", периоду, который я считаю в целом враждебным по отношению к истории моего народа...» (Прилепин З. Нашему народу надо просить у Неба не справедливости, а милосердия (интервью с Алексеем Варламовым) // Сайт Захара Прилепина [Электронный ресурс]. URL: <http://zaharprilepin.ru/ru/litprocess/intervju-o-literature/aleksej-varlamov-.html> (10.08.2022)).

⁴ Важна мысль Т. Федоровой о доминирующих типах конфликтов в прозе Варламова, социально-этическом, психологическом и онтологическом: «От социальной направленности исследования общества автор идет к психологизму, а позднее заявляет о доминанте христианского кода в своем творчестве» [Федорова: 10].

память, актуализирует христианскую парадигму детства и создает образы неопитов, верующих и священников» [Власова: 130], — резюмирует исследователь. Говоря об особенностях персонажной системы произведений А. Варламова, Т. Федорова отмечает, что их «внутренний мир <...> раскрывается <...> по принципу выявления знаков духовного становления» [Федорова: 9]. С этой мыслью согласуется еще одна авторская особенность, отмеченная критиками: «А. Варламов относится к ряду прозаиков, верящих в добро, он не бежит создания *идеальных характеров*, нечасто встречающихся в новейшей прозе» (здесь и далее полужирный курсив в цитатах наш. — А. Х.) [Мескин, Ратникова: 9].

Мысль об идеальных характерах в творчестве А. Варламова чрезвычайно важна для понимания авторского замысла рассказа «Звездочка», поскольку, на наш взгляд, в образе Лизы Непомилуевой автор создает идеал человека, христианский по своей сути. Изображая героя-носителя евангельских ценностей в чуждой ему социокультурной советской среде, автор погружает читателя в трагичный мир, где «вера в Бога — это, прежде всего, человеческая драма»⁵.

Следует отметить одну особенность, важную, на наш взгляд, для понимания природы конфликта рассказа. Чуждость, о которой мы говорили ранее, лейтмотивом проходящая через все пространство текста, приобретает особое звучание в контексте другого образа, представленного идеальным советской эпохой: тяжело больной пионерки, на смертном одре отказавшейся, вопреки просьбе матери, надеть крестильный крестик и умершей верной идеалам пионерии. Очевиден сюжетный диалог между «Звездочкой» Варламова и поэмой «Смерть пионерки» (1932), принадлежащей перу Э. Багрицкого. В одном из своих выступлений А. Варламов, рассуждая о боготорческих явлениях культуры, характеризует поэму как произведение, хотя и антицерковное, но «настолько талантливое, что могло бы считаться искусством, *влияющим на сознание человека*»⁶.

⁵ Варламов А., Каплан В. Мыслью человеческими судьбами // Журнал Фома. 2008. 1 января [Электронный ресурс]. URL: <https://foma.ru/myislyuchelovecheskimi-sudbami.html?ysclid=19pgagx46f704778064> (10.08.2022).

⁶ Стрижова Д. «Вся литература религиозна, так как затрагивает область человеческого духа»: беседа с писателем Алексеем Варламовым // Портал

Действительно, произведение Э. Багрицкого, входившее в школьную программу, можно отнести к творениям той ранней советской культуры, которая, по мнению И. А. Есаулова, «по всем параметрам декларировала оппозиционность русской и, прежде всего, *православной* русской традиции» (здесь и далее в цитатах курсив авторов статей. — А. Х.) [Есаулов, 2018: 31]. Борьбу с традицией он справедливо рассматривает «в одном ряду с другими ее *антихристианскими* акциями» и отмечает, что создание нового типа идеологии сопровождалось трансформацией отечественной культуры, когда «были насильственно изъяты и подвергались постоянной дискредитации ее основополагающие духовные ориентиры, укореняющие Россию в "большом времени" православной культуры» [Есаулов, 2018: 31, 36].

На наш взгляд, рассказ А. Варламова может рассматриваться как своего рода антитеза поэме, предлагающей идеал новой эпохи. В. А. Мескин и В. В. Ратникова утверждают, что «читая <...> "старинное предание" "Звездочка", осознаешь не просто связь, а скрытую полемику прозаика постсоветской России с советским поэтом-романтиком 1930-х гг. Э. Багрицким...» [Мескин, Ратникова: 7]. Соглашаясь с этой мыслью, уточним и конкретизируем ее: полемика этих двух текстов выстроена в дискурсе христианского и антихристианского начал и их влияния на образ, где идеал христианки противопоставлен идеалу пионерки. Образ последней представлен как противоположный идеологическим ориентациям предшествующей дореволюционной эпохи, тогда как аксиологическое пространство образа Лизы Непомилуевой, наоборот, выстроено в парадигме, полностью игнорирующей постреволюционные культурные константы. Впрочем, «Звездочка», с ее аксиологической полярностью поэме «Смерть пионерки», является отдельным художественным миром, «и знание или незнание поэмы Э. Багрицкого не очень влияет на ее восприятие...» [Мескин, Ратникова: 7], хотя, несомненно, и расширяет контекст понимания.

Возвращаясь к мысли А. Варламова о том, что «вера в Бога — это, прежде всего, человеческая драма»⁷, приведем также

«Православие.Ру». 2020. 1 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/130766.html> (10.08.2022).

⁷ Варламов А., Каплан В. Мыслью человеческими судьбами.

мысль писателя о границе между художественным творчеством, изображающим эту драму, и агиографией: «...если человек достиг такого совершенства, что у него все это мучение уже в прошлом — то здесь уже нужна не художественная литература, а житие святого, агиография»⁸. В этих словах находится и ключ для понимания образа героини рассматриваемого рассказа.

В «Звездочке» соединение этих двух начал, художественного и агиографического, выполняет особую функцию как на уровне сюжетной архитектоники, так и на уровне содержания центрального образа. Здесь уместно говорить именно о такой авторской рецепции агиографической традиции, которую можно определить как «**воссоздание**» воспринятого автором в «*собственных текстах*» [Левакин: 309]. «Воссоздающий» тип агиографической традиции ориентируется на «предтекст» (см. об этом: [Бычков: 120])⁹. Эта ориентация может проявляться в совокупности различных способов реализации житийной традиции в произведениях литературы. Так, Л. Г. Дорофеева, говоря о формах присутствия агиографической традиции в художественных текстах, помимо цитат, реминисценций, христианских сюжетов, хронотопа и аксиологии обращает внимание на особое значение авторской позиции, выраженной в «отношении автора к Священному преданию (одной из форм которого является житие. — А. Х.) как канону», где проявляется «преображающая функция Священного предания по отношению к тексту произведения» [Дорофеева: 20].

Рассказ, к которому мы сегодня обращаемся, на наш взгляд, является именно таким примером воплощения религиозных взглядов писателя, хотя обыкновенно рассматривается исследователями с точки зрения социального конфликта. Об этом, например, говорит Т. Федорова, определяя доминанту сюжета лишь как «противоречие взглядов персонажей» [Федорова: 8]. Думается, что обращение к духовно-нравственному контексту расширит и углубит понимание проблематики

⁸ Варламов А., Каплан В. Мыслию человеческими судьбами.

⁹ Также исследователь выделяет реконструкционный тип действия агиографической традиции, с использованием предтекстов, что приводит к трансформации традиционного канона [Бычков: 120].

рассказа. Для этого рассмотрим проявление агиографической традиции в современном тексте как на уровне топики, так и на уровне аксиологического пространства образа его главной героини Лизы Непомилуевой.

Перед читателем предстает картина жизни советской России. Рассказ начинается с описания счастливого, «идиллического» детства сироты Лизы, воспитывающейся двумя бабушками-сестрами, проведенными в сталинских лагерях не один десяток лет: богомолкой Алей и атеисткой, диссиденткой Шурой. Портрет девочки выполнен легкими красками: живая, зарывающая «секретики», «чтобы <...> под ними выросло счастье»¹⁰, любимица класса:

«...[с ней] мечтали дружить и мальчики и девочки, глядя на нее, умилялись добрые родители и завидовали злые, но все мечтали, чтобы их дети сидели с нею за партой. <...> ...все не скрывали восхищения *чудесной* девочкой» (99).

Лиза искренне молится и постится. Ей читают «жития святых по старым дореволюционным изданиям» (91), а бабушка Аля водит девочку в храм — образ героини приобщается к пространству сакрального. Перед читателем предстает чистый и светлый облик, своего рода аллюзия к агиографическому топосу о необычном, «чудесном» ребенке. В житийной традиции такой ребенок, будущий святой, появляется на свет, как правило, у благочестивых родителей (см. об этом: [Рыжова]). Однако в современном тексте родительский топос обретает новое развитие. Так, читатель узнает, что Лиза не просто сирота, но мать ее «родила неизвестно от кого» (110). Эта коллизия усугубляется тем, что и сама мама Лизы рождена не в законном благочестивом союзе:

«...родилась в лагере потому, что мне не разрешили сделать аборт» (110), —

говорит о дочери Шура. Мотив неблагочестивого рождения автор подчеркивает и устами директрисы школы:

¹⁰ Варламов А. Н. Звездочка // Стороны света: повести и рассказы. М.: Никая, 2011. С. 90 (Сер.: Современная проза). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

«Как вы не понимаете, что если уже в первом классе девочка отказывается подчиняться школьным правилам, то в восьмом она забеременеет? <...> С ее-то наследственностью!» (104).

В этих словах видится какая-то предопределенность, когда грешное и нездоровое может породить только себе подобное. Так мыслит мир, однако, вводя категорию дихотомии плоти и духа, автор стремится убедить читателя в обратном. В образе Лизы дух довлеет, буквально стирая рациональную закономерность, преобразая естество. Именно об этом и говорит В. Н. Лосский, когда утверждает, что личность «не должна определяться своей природой, но сама может определять природу, уподобляя ее своему Божественному Первообразу» [Лосский: 97]. Эта заданность «неблагочестия» родословной, словно встающая в противоборство с топосом о благочестивых родителях, приводит к мысли о том, что в рождении и становлении Лизы есть что-то парадоксальное, а потому — чудесное, божественное, где закон уступает благодати.

Эти же мотивы получают свое развитие в топосе о чудесном ребенке, не просто родившемся, но и растущем при необычайных обстоятельствах, отличающемся от сверстников. Вот как говорит автор о Лизе:

«... *непохожего* и даже *загадочного и странного* в судьбе ее было предостаточно» (90). Так, «до семи с половиной лет она жила в полном неведении о вещах, которые были хорошо знакомы ее маленьким ровесникам. Она не знала, кто такой Володя Ульянов, кто такие октябрюта, пионеры, космонавты, коммунисты и целинники, какой праздник отмечает страна Седьмого ноября и Первого мая, ни даже как эта страна называется» (90). А «детских книжек для советских детей ей не читали вовсе, даже самых безобидных, вроде "Приключения Незнайки" или "Волшебника изумрудного города", не говоря уже о Гайдаре и Кассиле» (91).

Исследователи отмечают, что для героев А. Варламова вообще характерна оторванность от мира, часто герой оказывается словно «выпавшим из своего времени» (например, в романе «Лох»; см. об этом: [Федорова: 9]). Однако в рассказе «Звездочка» мотив неотмирности приобретает особенную

окраску, поскольку на первый взгляд Лиза мало чем отличается от сверстниц, «разве что чуть большей грациозностью и резвостью» (90). Неотмирность здесь определяется связью образа героини с житийной традицией, для которой присущ особый мотивный комплекс (о чем мы скажем ниже), и тем ценностным пространством, которое сопровождает образ Лизы, насыщает его жизненной силой и наделяет особым нравственным ореолом:

«Я тридцать лет учу детей, и *никогда у меня не было такой, как ты*» (108), —

говорит Лизе ее первая учительница, подразумевая не внешние характеристики девочки, но ее внутренние установки и устремления, ее личностное начало. В чем же его особенность?

Поэтика образа Лизы определяется центральностью категории сердца в структуре ее образа. В сравнительно небольшом рассказе сердце как субъект действия упоминается шесть раз, и каждое упоминание сердечной работы — словно новая ступень в духовном взрослении Лизы. И если сначала сердце Лизы раскрывается через описание ее эмоциональной сферы («тревожно колотится», «подпрыгивает от радости»), то по мере прохождения героиней своего непростого пути мы видим удивительные изменения: сердце становится «умным», «живым», «способным предугадывать». В святоотеческом учении сердце — корень духовной жизни, как понятие оно имеет ценностное содержание, раскрывающееся в евангельских словах: «Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое, ибо от избытка сердца говорят уста его» (Лк. 6:45). Для определения учения о сердце существует особое понятие — «кардиогнозис», означающее, что сердце наделяется нравственно-регулирующей, ценностно-образующей, гносеологической функцией¹¹. Сердце, утверждает С. С. Хоружий, — «такая (эмпирически условная, но духовно реальная)

¹¹ Разработка учения о сердце как средоточии «душевной и духовной жизни человека», «седалище всех познавательных действий души» [Юркевич: 529] представлена в работах таких русских религиозных философов, как Г. С. Сковорода, П. Д. Юркевич, Б. П. Вышеславцев, В. В. Зеньковский и др. (см. об этом: [Шамшурин]).

точка средоточия всего человека, его "энергично-экзистенциальный центр"...» [Хоружий: 24]. И категория кардиогнозиса здесь — особый авторский императив. Лексема «сердце» выступает **тематическим ключом**, раскрывающим образ Лизы в аксиологическом пространстве заповедей, данных Иисусом Христом в Нагорной проповеди, заповедей блаженств. Одна из них: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8).

Категория сердца, непосредственно отсылающая читателя к заповеди блаженства, — одна из сюжетообразующих, так как именно сердечное знание стало определяющим для Лизы при выборе своего пути. Это особо подчеркивается автором через неприятие Лизой ценностных ориентиров советской действительности:

«...[она] не испытала большого потрясения, когда столкнулась с теми понятиями, от которых ее прежде ревниво оберегали. <...> Она почувствовала сердцем их **мертвую сущность**, и **живое сердечко** ее отнеслось к ним довольно равнодушно» (98).

Эта противоположность живого сердца Лизы и «мертвой» ценности советских реалий особо отмечается автором. Получая свое развитие во второй части повествования, когда беззаботная картина мира героини сменяется на трагическую, тема следования выбору сердца оборачивается для Лизы собственным «восхождением на Голгофу» и служит основой для сюжетного рисунка рассказа.

Итак, идиллическая картинка исчезает, когда бабушки отдают Лизу в школу. Лизе, как лучшей ученице, выдают самое заветное — пластмассовую, а не латунную звездочку октябренька, где Ленин-мальчик изображен «кротко и нежно, точно ангелочек» (100), а Лиза, повторяя сказанное в школе, говорит о нем как о самом замечательном человеке на свете:

«— Лиза, — сказала баба Шура торжественно, опершись на палку. — Запомни, что я сейчас тебе скажу.

— Да, баба Шура.

— Ты никогда не будешь носить эту гадость. <...>

— Почему ты так говоришь? <...>

— Тот, кто изображен на ней, был негодяем и убийцей, — сухо сказала Шура. <...>

Некоторое время Лиза о чем-то думала, наморщив лобик. Старухи глядели на нее не дыша.

— *Это правда*, баб Аль? — проговорила Лиза тихо, повернувшись к ней.

— Да, Лиза, — скорбно кивнула богомолка под удовлетворенным взглядом правдолюбивой сестры» (100).

На следующий день Лиза идет в школу без звездочки, тем самым начиная свое восхождение по мученическому пути.

Агиографическая традиция здесь усиливается топикой, связанной с искушением и испытанием святого. Показателен диалог Лизы с директором, в котором последняя выступает в роли «искусителя»:

«С ней говорили то терпеливо и мягко, то чуть ли не начинали кричать, ей читали лекцию, угрожали, ее жалели и сочувствовали, ей льстили и хвалили за необыкновенные способности, красивую внешность и нарядный бант. Ее расспрашивали про мать и отца и говорили, что никогда бы родители не позволили темным недобрым старухам диктовать *свою волю* и как огорчились бы они, если бы узнали, в какую беду попала их маленькая дочь» (106).

Интересной особенностью данного сюжетного элемента является его универсальность применительно к литературе о ГУЛАГе и жителям новомучеников XX в. Например, Л. Г. Дорофеева, говоря о романе А. Солженицына «В круге первом», также определяет сюжетный элемент беседы между профессором Веренским и Нержиным как «важнейший момент выбора Нержиным своего пути и своей судьбы (можно даже сказать, жизни или смерти). <...> Диалог этот в плане развития и раскрытия образа — центральный. Основной его аспект — аксиологический: речь идет о выборе ценностей, определяющих *способ жизни*» [Дорофеева: 119–120]. Эта цитата достаточно точно отражает и суть диалога между Лизой и директором. Напомним, что Лиза до решения не носить звездочку — всеобщая любимица:

«...с Лизой Непомилуевой мечтали дружить и мальчики и девочки, глядя на нее, умилялись добрые родители и завидовали злые, но все мечтали, чтобы их дети сидели с нею за партой» (99).

Девочке пророчили успешное будущее:

«...сегодня — старосты класса, а завтра председателя совета отряда, дружины или секретаря комсомольской организации школы» (99).

Поэтому вопрос ношения звездочки напрямую связан с ситуацией искушения, «когда герою предлагается выбор между благополучием и совестью», «между *жизнью смертной плоти* и *жизнью бессмертной души*»¹² [Дорофеева: 120].

Мотив искушения в диалоге внутренне сопрягается с мотивом обмана и, соответственно, служения правде. Известно, что в святоотеческой мысли отец лжи — дьявол, тогда как «высочайшая правда есть Христос» [Скурат: 65]. Вспомним, что Лиза не сразу верит словам бабушки Шуры о том, что «ангелочек» на звездочке — убийца. Она обращается за подтверждением этого к «богомолке», потому что мера правды у нее с бабушкой Алей одна — Бог. В этом мотиве слышится аллюзия к евангельской заповеди «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (Мф. 5:6). Узнав истину, Лиза говорит директору, что мальчишка обманул ее, Лизу, украл ее звездочку, и директор тоже в этом виновата. Обратим внимание, что школа в сознании Лизы тождественна храму, «она испытывала к школе благоговение едва ли не такое же как к церкви» (99), а директор воспринимался точно батюшка. Школьное пространство представляется Лизе живым и безгрешным, полным любви, безопасным — ведь «кто мог обидеть ее там, где обитает Господь?» (99), — размышляла девочка. Следовательно, для нее Ленин на звездочке, выглядевший подобно ангелочку на иконе, — тоже принадлежит Богу, он святой, а звездочка — сакральна, она — символ жизни. И здесь кроется самый настоящий обман, ведь добрый мальчик оказывается убийцей, звездочка становится символом смерти,

¹² В отказе от искушения, в выборе правды Л. Г. Дорофеева усматривает имплицитный смысл евангельского диалога между Петром и Спасителем (Мф. 16:21–26).

той самой «мертвой сущности», не совместимой с «живым сердечком» Лизы. Бывшее прежде сакральным в восприятии Лизы школьное пространство оборачивается кривым зеркалом, лживым законам которого директор предлагает следовать и Лизе:

«...можешь носить значок в школе и перед тем, как приходить домой, снимать...» (106), — говорит она.

Не поддающейся искушению Лизе вынесен вердикт:

«Больше всего ты заслуживаешь хорошей порки. <...> ...такая ученица в моей школе не нужна» (107).

Мотив искушения переходит в **мотив испытания**, который сопровождает теперь образ героини до конца. Лиза становится изгоем:

«...[учительница] никогда не спрашивала ее, не вызывала к доске, не глядела в ее сторону, она проверяла и ставила оценки лишь за письменные работы и только пятерки — Лиза по-прежнему училась лучше всех — но не позволяла дружить с ней другим детям. Лизу не звали на дни рождения и не брали на экскурсии, от нее отсадили влюбленного в нее мальчика, ей не разрешали убираться в классе, поливать цветы и работать на субботнике. <...> Детям объяснили, что Лиза — грубая и непослушная девочка, которая недостойна быть октябренок, за недостойное поведение была исключена из октябрят и так будет с каждым, кто не будет слушаться учителей. <...> Все стремились к одному: чтобы девочку забрали из школы — но оскорбленный ребенок, точно **угадав сердцем** намерение своих **мучителей**, восстал и принялся себя защищать» (108).

При этом весь образ Лизы исполнен кротости и тишины: вот девочка молчит в ответ на угрозы директора, спокойна и бесстрашна, сносит «презрение, не проливая ни в классе, ни дома ни одной слезинки и никогда не жалуясь» (108), и, совсем обессиленная, подолгу смотрит на икону, «по которой снова стекали прозрачные капли масла» (112).

Мы знаем, что Лиза умирает, так и не изменив своего решения. Подобная твердость при следовании выбранному пути — характерное качество для героев произведений А. Варламова.

Эту особенность отметила и Н. Федченко, утверждая, что герой А. Варламова подчиняет «окружающее бытие собственным законам. Его мир — мир абсолютной правды» [Федченко]. И мир другой, греховный, эту абсолютную правду принять не способен. Это одиночество праведника подчеркивается автором и через фамилию Лизы: Непомилуева — та, которую не помиловали, то есть не простили, не пощадили¹³. Не пощадили потому, что не «миловали», не любили, а по словам Иоанна Лествичника, «ложь есть истребление любви»¹⁴. Страдает Лизе только ее первая учительница, вынужденная уйти из школы:

«Может быть, **ты и права**. Только мне так жалко тебя...
Бедная, моя бедная сиротка» (108), —

говорит Татьяна Петровна, также чуждая этому миру за умение видеть личность и сопереживать ей. «Кто стяжал страх Божий, тот устранился лжи, имея в себе неподкупного судью — свою совесть»¹⁵, — говорит святой Иоанн Синайский. Лиза устранилась лжи — и была изгнана из мира.

В этом сюжетном элементе отчетливо прочитывается аллюзия к еще одной из евангельских заповедей блаженств: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5:10). Мы видим реализующийся топос следования за Христом, который в контексте всего произведения обращается аллюзией к мученическому житию. В художественном пространстве рассказа на центральный план выдвинута хрупкая фигура девочки, ребенка, обреченного на страдания и жертву ради Истины. Жертва обязательно связана со страданием и сопряжена с мотивом креста и крестоношения — одним «из важнейших в агиографии в целом и обязательным, всегда присутствующим в мученических житиях; его можно отнести к так называемой канонической схеме мученического жития и иконы» [Дорофеева: 145]. В тексте Варламова этот мотив духовного креста получает свое удвоение — в подмене

¹³ Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т. рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Русский язык, 1987. Т. 3: П — Р. С. 282.

¹⁴ Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. М.: Благовест, 2016. С. 196

¹⁵ Там же. С. 197.

физического нательного креста звездой. Распятый и воскресший Христос подменяется новым символом — Лениным, в чем, по мнению И. А. Есаулова, проявляется «глобальная трансформация русской христианской традиции», ведь «центральная фигура советской культуры — В. И. Ленин — не нуждается в воскресении, ибо в субстанциальном смысле он никогда не умирал: он, как известно, "всегда живой", "живые всех живых"...» [Есаулов, 2020: 36]. Мотив крестоношения (духовного) и мотив страдания, так часто использующийся А. Варламовым в прозе, пронизывает судьбы центральных персонажей этого небольшого рассказа. Не случайно после смерти Лизы ее бабушки уезжают в город Кашин, известной покровительницей которого является преп. Анна Кашинская, чье житие тоже отличает доминанта страдания Христа ради [Руди: 71].

В статье Т. Руди «Топика древнерусских житий» определена «суть подвига мученика — жертва за веру, *сознательное* принятие страсти Христовой во имя утверждения христианской веры и учения» [Руди: 64]. Эта идея свободного выбора и самоопределения, несомненно, онтологически восходит к христианскому учению о богоподобии человека, выраженном в том числе и в свободе воли. Автору важно подчеркнуть мысль, что Лизин выбор — ее собственный, не заданный через призму желаний и наставлений бабушек, не сделанный в угоду им:

«...баба Аля — бледная, трясущаяся, — вела себя чрезвычайно странно и говорила совершенно несуразные вещи про внученьку, которая *сама* решила не носить звездочку, и идти против ее воли она не может» (104).

Эту внутреннюю свободу в Лизе видят и окружающие, поэтому и мальчик из класса, сосед по парте, «на всю жизнь сохранил привязанность к *свободной*, гибкой и ответственной девочке и очень по ней тосковал» (99). Как точно отмечено Л. Г. Дорофеевой, высшее проявление свободы выражается в «вольной жертве ради Истины. А эта идея вольного страдания — ключевая в русской истории, воспринявшей Евангелие не только как учение, но как *способ жизни*» [Дорофеева: 119].

Таким образом, агиографическая традиция в рассказе А. Варламова представлена в «воссоздающем» типе [Бычков: 120], где сохраняется причастность к ядру традиции — христианской аксиологии. Автор не подвергает доминанту житийной традиции трансформации, не нацелен на игру с читателем. Вслед за писателями русской классической литературы А. Варламов продолжает формировать в своем рассказе представление о том, что «во всем мире известно как "великая русская душа"» [Дергачева: 39]. По меткому наблюдению И. В. Дергачевой, «духовные силы великие русские писатели черпали из богатейшего источника литературы Древней Руси» [Дергачева: 39]. И в рассказе «Звездочка» мы видим их несомненное присутствие: агиографические топосы, аллюзии к библейским текстам, христианская аксиология и евангельские мотивы, центральными из которых являются жертва и страдания ради Христа, что в совокупности приводит нас к мысли о рецепции мученического жития в современном тексте. В этом контексте рассказ А. Варламова можно рассматривать как воплощение в художественном произведении того «евангельского текста», который «делает русскую литературу *русской*» [Захаров: 9].

Список литературы

1. Бычков Д. М. Агиографический дискурс в современной русской прозе. Астрахань: Астраханский гос. ун-т, 2015. 200 с.
2. Власова Г. И. Поэтика современной прозы в контексте православной аксиологии // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ: в 15 т. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. Т. 14. С. 129–135 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26291553_65954415.pdf (10.08.2022). EDN: WDIUHT
3. Дергачева И. В. Духовные традиции памятников древнерусской письменности в русской классической литературе // Методист. 2015. № 1. С. 37–39 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26596055_28452584.pdf (10.08.2022). EDN: WKAATX
4. Дорофеева Л. Г. Русская словесность в контексте национальной духовной традиции. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. 180 с. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_41715476_73010384.pdf (10.08.2022). EDN: ZUWSMX
5. Есаулов И. А. Рецепция отечественной классики в период русской катастрофы // Русская классика: pro et contra. Железный век, антология. СПб.: РХГА, 2018. С. 9–42 [Электронный ресурс]. URL: http://elibrary.ru/download/elibrary_41715476_73010384.pdf (10.08.2022).

6. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. Магадан: Новое Время, 2020. 480 с.
7. Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. Вып. 3. С. 5–11 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2370> (10.08.2022). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2370. EDN: RUYJPT
8. Левакин Н. Н. Художественная рецепция как литературоведческое понятие (к вопросу понимания термина) // Известия Пензенского гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 308–310 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18280940_15476357.pdf (10.08.2022). EDN: PKBCST
9. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М.: Центр «СЭИ», 1991. 281 с. (Религиозно-философская серия; вып. 1.)
10. Мескин В. А., Ратникова В. В. Об интертекстуальности и межтекстуальных связях в творчестве А. Варламова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2013. № 4. С. 5–14 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.rudn.ru/literary-criticism/article/view/4341> (10.08. 2022). EDN: ROXUMD
11. Руди Т. Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН; СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. Т. 1. С. 59–101 [Электронный ресурс]. URL: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Rusagiografia.%20T.%201/Руди_59-101.pdf (10.08. 2022). EDN: LOCXPE (Сер.: Русская агиография.)
12. Рыжова Е. А. Поэтика русской агиографии: топос происхождения святого в житиях праведников // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 5 (71). Ч. 1. С. 30–34 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2017/5-1/7.html> (10.08.2022). EDN: YLPYAF
13. Скурат К. Е. Православные основы культуры в памятниках литературы Древней Руси. М.: ИЭОПГКО, 2006. 128 с.
14. Федорова Т. А. Поэтика прозы Алексея Варламова: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Астрахань: Астрахан. ун-т, 2012. 17 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/115785/0-795233.pdf?sequence=-1> (10.08.2022).
15. Федченко Н. Л. Автобиографизм и его постмодернистский контекст в произведениях А. Варламова // Парус. 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrono.ru/proekty/parus/fedch0511.php> (25.10.2022).
16. Хоружий С. С. Диптих безмолвия. Аскетическое учение о человеке в богословском и философском освещении. М.: Центр психологии и психотерапии, 1991. 135 с.
17. Шамшуринов В. И. Традиция «кардионозиса» в русской культуре // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 87–100 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/213> (10.08.2022). EDN: UAHAYX

18. Юркевич П. Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению слова Божия // Тарасов Б. Н. Человек и история в русской религиозной философии и классической литературе: сб. ст. М.: Кругъ, 2007. С. 528–565.

References

1. Bychkov D. M. *Agiograficheskiy diskurs v sovremennoy russkoy proze* [*Hagiographical Discourse in Modern Russian Prose*]. Astrakhan, Astrakhan State University Publ., 2015. 200 p. (In Russ.)
2. Vlasova G. I. Poetics of Modern Prose in the Context of Orthodox Axiology. In: *Russkiy yazyk i literatura v prostranstve mirovoy kul'tury. Materialy XIII Kongressa Mezhdunarodnoy assotsiatsii prepodavateley russkogo yazyka i literatury: v 15 tomakh* [*Russian Language and Literature in the Space of World Culture. Materials of the 13th Congress of International Association of Teachers of Russian Language and Literature: in 15 Vols*]. St. Petersburg, International Association of Teachers of Russian Language and Literature Publ., 2015, vol. 14, pp. 129–135. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_26291553_65954415.pdf (accessed on August 10, 2022). EDN: WDIUHT (In Russ.)
3. Dergacheva I. V. Spiritual Traditions of the Ancient Russian Literature in the Russian Classical Literature. In: *Metodist* [*Methodist*], 2015, no. 1, pp. 37–39. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_26596055_28452584.pdf (accessed on August 10, 2022). EDN: WKAATX (In Russ.)
4. Dorofeeva L. G. *Russkaya slovesnost' v kontekste natsional'noy dukhovnoy traditsii* [*Russian Literature in the Context of the National Spiritual Tradition*]. Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University Publ., 2019. 180 p. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_41715476_73010384.pdf (accessed on August 10, 2022). EDN: ZUWSMX (In Russ.)
5. Esaulov I. A. Reception of National Classics During the Russian Catastrophe. In: *Russkaya klassika: pro et contra. Zheleznyy vek: antologiya* [*Russian Classics: Pro et Contra. Iron Age: Anthology*]. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2018, pp. 9–42. Available at: http://elibrary.ru/download/elibrary_41715476_73010384.pdf (accessed on August 10, 2022). (In Russ.)
6. Esaulov I. A. *Paskhal'nost' russkoy slovesnosti* [*Paskhal'nost' of Russian Literature*]. Magadan, Novoe vremya Publ., 2020. 480 p. (In Russ.)
7. Zakharov V. N. Russian Literature and Christianity. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, issue 3, pp. 5–11. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2370> (accessed on August 10, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2370. EDN: RUYJPT (In Russ.)
8. Levakin N. N. Art Reception as a Literary Concept (on Understanding the Term). In: *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. G. Belinskogo. Gumanitarnye nauki* [*Proceedings of*

- Penza State Pedagogical University Named After V. G. Belinsky. Humanities*], 2012, no. 27, pp. 308–310. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_18280940_15476357.pdf (accessed on August 10, 2022). EDN: PKBCCT (In Russ.)
9. Losskiy V. N. *Ocherk misticheskogo bogosloviya Vostochnoy Tserkvi. Dogmaticheskoe bogoslovie [Essay on the Mystical Theology of the Eastern Church. Dogmatic Theology]*. Moscow, Tsentr “SEI”, 1991. 281 p. (Religious-Philosophical Series; issue 1). (In Russ.)
 10. Meskin V. A., Ratnikova V. V. Intertextuality in the Stories by Alexey Varlamov. In: *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism]*, 2013, no. 4, pp. 5–14. Available at: <https://journals.rudn.ru/literary-criticism/article/view/4341> (accessed on August 10, 2022). EDN: ROXUMD (In Russ.)
 11. Rudi T. R. The Topic of the Russian Lives of Saints (Issues of Typology). In: *Russkaya agiografiya. Issledovaniya. Publikatsii. Polemika [Russian Hagiography. Research. Publications. Controversy]*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2005, vol. 1, pp. 59–101. Available at: http://lib2.pushkinskiydom.ru/Media/Default/PDF/Rusagiografia.%20T.%20I/Rudi_59-101.pdf (accessed on August 10, 2022). EDN: LOCXPE (Ser.: Russkaya agiografiya.) (In Russ.)
 12. Ryzhova E. A. Poetics of the Russian Hagiography: The Topos of Holies’ Origin in the Lives of Saints. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory and Practice]*. Tambov, Gramota Publ., 2017, no. 5 (71), part 1, pp. 30–34. Available at: <https://www.gramota.net/materials/2/2017/5-1/7.html> (accessed on August 10, 2022). EDN: YLPYAF (In Russ.)
 13. Skurat K. E. *Pravoslavnye osnovy kul’tury v pamyatnikakh literatury Drevney Rusi [Orthodox Foundations of Culture in the Monuments of Literature of Ancient Rus’]*. Moscow, Institut ekspertizy obrazovatel’nykh programm i gosudarstvenno-konfessional’nykh otnosheniy Publ., 2006. 128 p. (In Russ.)
 14. Fedorova T. A. *Poetika prozy Alekseya Varlamova: avtoref. ... dis. kand. filol. nauk [Poetics of A. Varlamov’s Prose. PhD. philol. sci. diss. abstract]*. Astrakhan, Astrakhan State University Publ., 2012. 17 p. Available at: <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/115785/0-795233.pdf?sequence=-1> (accessed on August 10, 2022). (In Russ.)
 15. Fedchenko N. L. Autobiography and Its Postmodern Context in the Works of A. Varlamov. In: *Parus*, 2011. Available at: <http://www.hrono.ru/proekty/parus/fedch0511.php> (accessed on August 10, 2022). (In Russ.)
 16. Khoruzhiy S. S. *Diptikh bezmolviya. Asketicheskoe uchenie o cheloveke v bogoslovskom i filosofskom osveshchenii [Diptych of Silence. The Aesthetic Study of the Human Being in Light of Theology and Philosophy]*. Moscow, Tsentr psikhologii i psikhoterapii Publ., 1991. 135 p. (In Russ.)
 17. Shamshurin V. I. The Tradition of “Cardiognosis” in the Russian Culture. In: *Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological Journal]*, 1995, no. 4, pp. 87–100. Available at: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/213> (accessed on August 10, 2022). EDN: UAHAYX (In Russ.)

18. Yurkevich P. D. The Heart and Its Significance in the Spiritual Life of Man, According to the Teachings of the Word of God. In: *Tarasov B. N. Chelovek i istoriya v russkoy religioznoy filosofii i klassicheskoy literature: sbornik statey* [Tarasov B. N. *The Person and History in Russian Religious Philosophy and Classical Literature: Collection of Articles*]. Moscow, Krug Publ., 2007, pp. 528–565. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Харитоновна Анна Владимировна, Anna V. Kharitonova, Graduate Student, Immanuel Kant Baltic Federal University (ul. Aleksandra Nevskogo 14, Kaliningrad, 236016, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-1643-6963; e-mail: anna_denisovaphij@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 19.08.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.10.2022

Принята к публикации / Accepted 02.11.2022

Дата публикации / Date of publication 21.11.2022

Научный журнал

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ

2022

Том 20

№ 4

Свидетельство о регистрации СМИ
ЭЛ № ФС 77–61851 от 18.05.2015

Редакторы: *И. С. Андрианова, М. В. Заваркина,
Л. В. Алексеева, Т. В. Панюкова, Д. Д. Бучнева, Е. Н. Вяль*

Компьютерная верстка: *М. В. Заваркина, Е. Н. Вяль*

Перевод: *Я. И. Соломинская*

Зав. редакцией: *И. С. Андрианова*

Подписано в печать 20.11.2022. Уч.-изд. л. 15.

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

185910, Российская Федерация

Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Тел. +7 (8142) 719 603

E-mail: poetica@post.com

Сайт журнала в интернете: <http://poetica.pro>